

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

К. В. ХВОСТОВА

ВИЗАНТИЙСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель),

[С. С. Аверинцев], М. В. Бибииков, С. А. Иванов,

епископ Иларион (Алфеев), С. П. Карпов, [Г. Л. Курбатов],

Г. Е. Лебедева, [Я. Н. Любарский], И. П. Медведев,

[Д. Д. Оболенский], Г. М. Прохоров, И. С. Чичуров,

А. А. Чекалова, И. И. Шевченко,

О. Л. Абышко, И. А. Савкин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

К. В. ХВОСТОВА

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**
КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

Хвостова К. В.

ХЗЗ Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова. — СПб. : Алетейя, 2009. — 207 с. — (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-91419-145-7

Автор определяет цивилизацию как совокупность функциональных и корреляционных связей между культурологическими, социально-экономическими, правовыми и политическими факторами. Взаимосвязь этих факторов с событийной историей и изменение социальных ролей тех или иных факторов отражает развитие цивилизации во времени. По-новому рассматривается влияние идей восточной патристики и богословия Григория Паламы, относящихся к божественным энергиям и синергии, на развитие общества и на формирование представлений византийцев о социально-экономической политике властей и ориентации в обществе. Впервые анализируется право прецедентов, игравшее огромную роль в поздней Византии. Рассматриваются проблемы регламентированной римским правом полной и условной земельной собственности. Содержится характеристика византийского города — выразителя имперской идеологии, духовной и культурной идентичности государства. Впервые в литературе подробно анализируется процесс переосмысления в рамках византийского богословия идеи античной философии истории.

В книге широко используются современные теоретические идеи герменевтики, синергетики, современного интеллектуального глобализма и компаративистики, используются математические методы, в частности, разработанный автором коэффициент имущественного расслоения средневековых крестьян.

Книга предназначена историкам, философам, социологам и политологам.

**УДК 930.85
ББК 63.3(0)4-9**

*На форзацах: «Житие Христа». Триптих. Константинополь, XV в.
(слоновая кость. Париж, Лувр)*

ISBN 978-5-91419-145-7

© К. В. Хвостова, 2009
© Институт всеобщей истории РАН, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

*Памяти отца,
академика
Владимира
Михайловича
Хвостова*

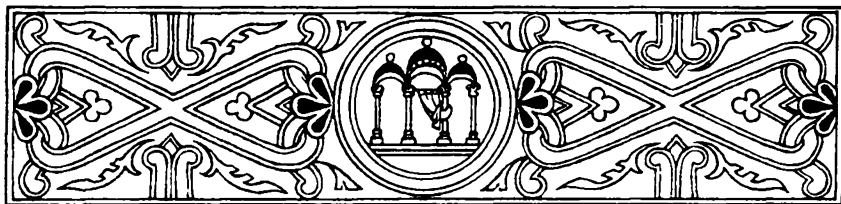
ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу данной книги положен значительно дополненный и переработанный текст монографии «Особенности византийской цивилизации», удостоенной премии имени Н. И. Кареева Президиума РАН.

При рассмотрении исторической уникальности византийской цивилизации в ее сравнении со средневековым Западом автор не ставит перед собой цели использовать всю известную литературу и весь известный фактический материал. При существовании современных компьютерных поисковых систем эта задача теряет былую актуальность. Кроме того, автор рассматривает настоящее исследование как теоретическую обобщенную характеристику соответствующих проблем и ссылается на литературу, представляющую интерес именно с этой точки зрения, отдавая предпочтение философским и теоретическим исследованиям, новым теоретическим подходам в современной эпистемологии.

Особое внимание в книге уделяется поздневизантийской эпохе. Это объясняется тем, что, по мнению автора, только те социальные и культурные тенденции можно рассматривать как цивилизационные, которые сохранили свои специфические черты на протяжении всей многовековой византийской истории и которые проявлялись несмотря на тяжелый кризисный период поздней Византии. Тот факт, что в некоторых ситуациях рассматриваемые тенденции приобретают иную, измененную форму, автор расценивает как изменение социальных ролей различных явлений в рамках их статистического функционирования.

Автор выражает глубокую благодарность академику Г. Г. Литаврину, докторам исторических наук в. А. Арутюновой-Фиданян, А. А. Чекаловой за рецензирование работы и ценные замечания, а также Н. В. Розановой, осуществившей компьютерный набор текста.

Глава I

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ

Проблема цивилизаций привлекала многих мыслителей прошлого. К ней, как известно, обращались Т. Г. Бокль, О. Конт, Г. В. Гегель, О. Шпенглер, А. Тойнби и др. Каждый из ученых в известной степени вкладывал свое содержание в данное понятие. Однако мы остановимся лишь на современных идеях¹. Современный американский политолог С. Хантингтон полагает, что цивилизация — это совокупность таких признаков как язык, история, культура, религия, обычаи, социальные институты, формы самоидентификации². Нам представляется, что данная точка зрения нуждается в коррекции. Мы полагаем, что под понятием «цивилизация» целесообразно подразумевать совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции,

¹ По проблематике цивилизаций см.: Цивилизации. Вып. I–VIII. М., 1993–2008; Современные теории цивилизаций. Реферативный сборник. М., 1995. Ср. также: Сравнительное изучение цивилизаций мира. Сборник статей. Отв. редактор К. В. Хвостова. М., 2000; Ионов И. Н., Хачатурян в. М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX. М., 2002; Хвостова К. В. Византийская цивилизация // Вопросы истории. 1995. № 9; Chvostova K. V. La civilization byzantine comparée à l'Occident du Moyen Âge // XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. P. 37–48; Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005; Она же. Византийская цивилизация как историческая парадигма // Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Сергея Леонидовича Тихвинского. М., 2008; Она же. Византийская цивилизация как историческая парадигма // Исследовано в России: <http://zhurnal@zhurnal/article/2007/158/pdf.ape.relarn.ru>

² Huntington S. The Clach of Civilization // Foreign Affairs. Summer 1993.

традиции, институты, отношения в определенном, достаточно длительном, пространственно-временном диапазоне. Такие связи составляют содержание нравственных и ценностных понятий, явлений культуры, мировоззренческих доктрин, социально-экономических отношений, экономических, политических и правовых теорий, самосознания этноса и социума.

Эти связи можно назвать факторами или параметрами цивилизации. Их длительность определяется специально для каждой цивилизации и каждой исторической эпохи с учетом темпов развития информационных процессов в обществе, социальных коммуникаций, специфики механизма воспроизводства цивилизации во времени, особенностей развития цивилизации, характеризующихся сочетанием цивилизационных факторов и событийной истории. Изменение функциональных связей, составляющих факторы цивилизации, или перераспределение социальных ролей этих связей отражает темпы и характер развития цивилизаций, их временные фазы, а также варианты взаимосвязи цивилизационных факторов с событийной историей и деятельностью людей.

Механизм воспроизводства цивилизации во времени определяется, в конечном счете, действиями людей, в частности, спецификой переработки ими циркулирующей в обществе социальной информации³. Немалую роль способны играть некоторые ключевые события, логика которых способна раздвинуть рамки цивилизации или вызвать ее кризис и обусловить формирование новых цивилизационных факторов. Мы не разделяем популярное в настоящее время среди философов и математиков мнение, восходящее к идеям философской синергетики, будто исторические процессы обладают саморегуляцией⁴. Исторические тенденции и процессы, в том числе протекающие в рамках цивилизаций, суть результаты интенциональной деятельности людей. Эти результаты отчуждаются от человека и противостоят ему. Соответствующие тенденции как в состоянии плавного развития, так и в периоды прекращения функционирования одних тенденций и появления новых, т. е. в периоды кризисов, являются следствием определенной деятельности людей. К. Поппер писал: «Социальные

Хвостова К. В. Развитие правовых понятий в эпоху Средних веков (методологический и конкретно-исторический аспекты проблемы) // Вопросы философии. 2004. № 1.

⁴ Хакен Г. Синергетика. М., 1980; Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии, 1989, № 9; Буданов в. Г. О методологии синергетики // Вопросы философии, 2006, № 5. С. 83.

институты не действуют, действуют только отдельные личности через институты»⁵. Хорошо сказал об этом Ш. Монтескье. «Монархия, — писал он, — приводилась в движение с помощью механизма, который приходилось постоянно заводить»⁶. Поэтому такие понятия синергетики, как саморегуляция, бифуркация, хаос и другие, являются по отношению к истории только метафорами. По мнению Т. Парсонса, ограниченной саморегуляцией в обществе обладают только системы ценностей и языковые системы⁷. В отношении ценностей мы бы не согласились с данным мнением. Историк говорит о становлении, расцвете, стагнации, кризисе, упадке цивилизаций, культур, обществ, государств. Историк не нуждается в терминах синергетики и не употребляет их.

При изучении цивилизаций наибольшее внимание обычно уделяют проблемам культуры, оставляя в стороне социально-экономические, политические и правовые феномены. Культура Византии представляется достаточно изученной⁸, тогда как в отношении социально-экономических и правовых цивилизационных особенностей существует множество нерешенных проблем. Эти проблемы, а также специфика положения византийского города, и находятся в центре внимания данной работы. Наряду с этим в ней значительное место отведено рассмотрению влияния восточно-христианской патристики и византийского богословия на развитие общества, что обусловило его сакрализацию, формирование имплицитно существовавшей политэкономической идеи. Большое внимание уделяется анализу специфики византийской философии истории, выражавшей понимание византийцами способов ориентации человека в обществе. Рассматривается специфика отдельных социальных институтов и права, в частности, права прецедентов. Все названные феномены носили характер цивилизационных параметров и определяли уникальность византийской цивилизации, придавая ей характер исторической парадигмы. Названные проявления византийской цивилизации рассматриваются в сравнении с соответствующими проявлениями средневекового

⁵ Понтер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 313.

⁶ Монтескье Ш. О духе законов. М. 1999. С. 281.

См. об этом: Hall J. R. Temporality, Social Action and the Problem of Quantification in Historical Analysis // Historical Methods. A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. Washington, 1984, vol. 14, N 4. P. 209.

⁸ Культура Византии. Отв. редактор Удальцова З. В., Литаврин Г. Г. М., 1984–1990.

Запада, что позволяет выявить особенности византийской цивилизации и ее место в историческом развитии средневекового христианского мира.

В более ранних работах мы лишь наметили некоторые аспекты сложнейшей проблемы воспроизводства цивилизации во времени.⁹ В задачи данной работы входит характеристика механизма воспроизводства византийской цивилизации во времени, обусловленного способами переработки информации и определившего своеобразную традиционность византийского социума и государства. Необходимо также проанализировать связь цивилизационных параметров с событийной историей, характеризующую темпы развития цивилизации. Понятие «цивилизация» имеет, на наш взгляд, то преимущество перед рядом других присущих исторической науке теоретических понятий, что оно носит инструменталистский характер. В целях его иллюстрации приведем следующий пример, относящийся к византийской цивилизации и средневековому Западу.

Как полагают некоторые современные исследователи, на средневековом Западе лишь в XII в. произошло изменение ценностных установок, означавшее частичное и противоречивое оправдание некоторых явлений мирской жизни: торговли, ростовщичества, земельной собственности¹⁰. Это способствовало развитию нарастающей во времени тенденции к секуляризации отношений повседневности. Этому предшествовали упорные и длительные противостояния социальных групп и сословий, развитие городов, их борьба с сеньорами, борьба императоров и пап, деятельность легистов. В раннее средневековье в условиях дихотомии и антиномии мировоззренческого, с одной стороны, и повседневного — с другой, уровней сознания доминировала негативная оценка названных мирских занятий, опирающаяся на христианские источники (Послание к Эфес. гл. V. 3). Для Византии на протяжении всей истории ее существования характерно основанное на традициях римского права юридическое оправдание подобных явлений, неизменно возникающих в любой

⁹ Хвостова К. В. Византийская цивилизация // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 33; Она же. Византийская цивилизация // Электронный журнал: «Исследовано в России». <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/1998/006pdf>. Chvostova K. V. La civilization byzantine comparée à l'Occident du Moyen Âge. Ср. Келле в. Ж. Культура в системе цивилизационных механизмов // Электронный журнал: «Исследовано в России». <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/1990/007pdf>. Он же. Культура в системе цивилизационных механизмов // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000. С. 5–16.

¹⁰ Ле Гофф Ж. С небес на землю. Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв. // Одиссей. М., 1991. С. 31–33.

повседневной жизни. Это оправдание не было абсолютным, поскольку сочеталось с признанием библейской традиции и с осуждением, в частности, ростовщичества в рамках нравоучительных произведений, например, у Николая Кавасилы.

Наряду с этим в ранней Византии уже функционировал ряд институтов, имевших форму (но не содержание), напоминавшую ту систему социальных отношений, предпосылки которой на Западе возникали лишь в позднем средневековье. А именно, в Византии существовала сильная государственная власть, публичное право сочеталось с частным, но не сливалось с ним, а четко от него отличалось. Все это составляло различие с Западом, где в средневековый период доминировало частное и даже личное право: сеньориальное и феодальное. В Византии господствовала развитая бюрократия и безусловная собственность на землю. На протяжении всей византийской истории действовала разветвленная налоговая система, налоги взимались в соответствии с публичным правом и традиционным фискальным порядком, и преобладали над частноправовыми платежами. Сохранялись государственные монополии, восходившие в юридическом отношении к соответствующим римским институтам и утратившие значение или прекратившие свое существование на Западе. Все эти институты, отношения и тенденции, характеризующие не только византийский политический режим, но и византийскую цивилизацию в целом, на Западе возникали постепенно в процессе преодоления сеньориальных режимов и перехода к сословной, а затем абсолютной монархии и далее к эпохе Нового времени.

Некоторые современные политологи, оценивая смысл названных византийских институтов, отождествляют их с гетерогенными современными политическими режимами. Однако историкам известно, что впечатление о социально-экономических приоритетах Византии по сравнению с Западом иллюзорно, т. к. названные явления византийской цивилизации являются результатом включения римских политико-правовых институтов, представление о которых было переработано с позиций христианства, в систему действующего правопорядка. Византийская империя — это общество, авторитарный политический режим которой восходил к режиму домината в Риме, тогда как на Западе в эпоху средневековья были созданы многие политические институты — предвестники развития Нового времени¹¹.

¹¹ Ниже мы остановимся на воззрениях некоторых современных политологов, идеализирующих политические порядки Византии.

В византиноведческой литературе характеризовался ряд факторов, обусловивших особенности Византии¹². В их числе указывались явления как цивилизационного, так и событийно-исторического ряда. Традиционно византийская цивилизация оценивалась как результат синтеза античных идей и институтов, в частности римских, восходящих к стоицизму, политических доктрин, с восточно-христианскими воззрениями. Ниже при акцентировании проблематики, относящейся к воспроизводству византийской цивилизации во времени, одновременно будет сделана попытка охарактеризовать некоторые черты означенного синтеза, с учетом исторического значения византийской цивилизации.

В литературе неоднократно рассматривались особенности восточно-го христианства, констатировалось отношение в Византии к Священному Писанию и постановлениям Вселенских Соборов как высшим и незыблемым авторитетам, указывалось на значительную роль литургики и этических проблем. Подробно изучались догматические расхождения с Западом, констатировалась бо́льшая, чем на Западе, роль, отводимая свободе воли человека. Неоднократно рассматривался и оценивался мистический подход к решению метафизических и богословских проблем как доминанта византийского мировоззрения. Характеризовалась особая роль монашества, препятствовавшая, как полагал И. Мейендорф, соединению этноса и государства в единую силу и превращению Византии в теократическую монархию¹³. Однако явно недостаточное внимание в существующей византиноведческой литературе уделено такой чрезвычайно важной особенности византийского богословия, как признание наряду с непознаваемой божественной сущностью божественных идей-волений или логосов, восходящих к Богу-Слову-Логосу, и проявляющихся в божественных энергиях. Эти ниспосылаемые в мир божественные энергии, воспринимаются человеком, который в силу присущих ему добродетелей и обладая свободой воли, способен в своих поступках к ответной синергии.

Специальная и обширная литература, как уже отмечалось, посвящена византийской культуре. Большое внимание исследователи уделяли изучению такого цивилизационного фактора, как политико-правовая доктрина, восходящая к позднему Риму, к идеям римских стоиков, и сфор-

¹² Haussig H. W. *History of Byzantine Civilization*. London, 1971; Guillou A. *La civilization byzantine*. Paris, 1974.

¹³ Meyendorff J. *Gregoire Palamas et la mystique orthodoxe*. P., 1956. P. 16.

мировавшаяся в основных чертах при Юстиниане¹⁴. Императорской власти приписывалось божественное происхождение. Император-автократ мог издавать законы и изменять их в силу необходимости, он мог даже не следовать законам. Вместе с тем считалось, что злостное нарушение императором законов превращало его в тирана¹⁵. В этом византийская политическая доктрина мало отличалась от соответствующей доктрины на средневековом Западе. Отличие заключалось в том, что в Византии сохранялась сильная политическая власть, тогда как на Западе развивались феодальные отношения, преодоление которых на протяжении всей средневековой истории только в конце названного периода привело к усилению центральной власти.

Не лишенная противоречий политическая доктрина Византии после гибели византийской государственности не раз подвергалась интерпретациям, поочередно акцентировались идея или абсолютной, или ограниченной монархий. Эти интерпретации в дальнейшем влияли на развитие монархического государственного устройства в России, Сербии, Болгарии и других регионах. Отмечался присущий византийской цивилизации симбиоз Церкви и государства. Император являлся по существу главой Церкви. Поскольку все перечисленные факторы в той или иной мере рассматривались в литературе, в настоящей работе они будут затронуты лишь в той степени, в какой это окажется необходимым при решении поставленных здесь проблем.

Характер соответствующих методов определяется необходимостью анализировать не конкретные события, а социальные отношения, тенденции, традиции. При изучении византийских цивилизационных параметров в центре внимания находятся источники как делового, так и нарративного и нормативного характера. А именно, кодифицированное право, церковное право, императорские новеллы и актовый материал, включающий императорские хрисовулы, сигиллии, простагмы, отражающие правопорядок, составляющий содержание цивилизационных тенденций. Однако эти тенденции носили статистический характер, т. е. функционировали как тенденции, в рамках которых отдельные события составляли конкретное многообразие проявлений нормы, зафиксированной в

¹⁴ Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. Т. I. М., 1984. С. 113.

¹⁵ Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 117f.

нормативных источниках. Эти тенденции отражены в поздневизантийских источниках, характеризующих повседневную жизнь — поимущественно-налоговых описях, нарративных источниках. Наряду с традиционными методами интерпретации, компаративистскими методами, семантическим анализом используется количественный анализ обширных данных византийских актов.

Применение количественных методов в социально-экономической истории, — достаточно редкий прием в исторических исследованиях. Бесспорно, историки всегда применяли простейшие количественные методы, например, процентные распределения, средние величины или использовали табличную репрезентацию количественных показателей. Здесь речь пойдет о более сложных приемах исторического анализа. Говоря об особенностях и познавательном значении количественного подхода к изучению исторической информации, мы опираемся на результаты собственных исследований в данной области знания¹⁶.

Количественные и формальные методы используются в социально-экономической истории при наличии в источниках большого массива

¹⁶ *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980; *Khvostova K. V.* Die Theorie der sozialökonomischen Differenzierung feudalabhängiger Bauern und das Problem ihrer teilweisen Formalisierung // *Wirtschaftsgeschichte und Mathematik*. Berlin, 1985. SS. 9–28; *Khvostova K. V.* Emploi des méthodes quantitatives et formelles dans la byzantinologie: Bilans et perspectives // *XVIIth Congress International of Byzantine Studies...* М., 1991. P. 325–336; *Хвостова К. В.* Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М. 1992; *Khvostova K. V., Kumekin Yu. P.* A Classification of Peasants attached to Land in Byzantium of the 14th Century // *Historical Social Research: The Official Journal of Quantum and Interquant*. Köln. 1991. Vol. 16, N 2. S. 17–26; *Khvostova K. V.* Les modèles simulés dans l'histoire du Moyen Age // *L'histoire économique*. Prato, 1991; *Хвостова К. В.* Количественные методы в истории // *Вопросы философии*. 2002. № 6. С. 60–68; *Она же.* Контент-анализ в исследованиях по истории культуры // *Одиссей: Человек в истории*. М. 1989. Вып. 1; *Khvostova K. V.* Problemas gnoseológicos de la ciencia histórica a la luz de la aplicación de los métodos cuantitativos y de los sistemas de búsqueda informativa // *Theoria y Metodología de la Historia*. 1990; *Oudal'zova Z., Khvostova X.* Sur la question d'application des méthodes quantitatives dans les recherches socio-économiques de Byzance du XIV siècle // *XVI. Internationaler Byzantinisten-Kongreß // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. (Далее — *JÖB*.) 31/1. Wien, 1981. Bd. 1; *Хвостова К. В.* Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // *Новая и новейшая история*. М., 2007. № 3.

количественных данных. Десятки, сотни тысяч количественных сведений нельзя репрезентировать в рамках нарратива. Поздневизантийские практики, представляющие собой поимущественно-налоговые описи земельных владений крупных афонских монастырей, содержат массовый материал количественных данных. В наших работах содержится разработка с помощью дифференциальных уравнений коэффициента, позволяющего измерить имущественное расслоение поземельно-зависимых крестьян, который апробирован на материале византийских практиков. Использование количественных методов в истории, хотя и насчитывает уже несколько десятилетий, по-прежнему представляется многим историкам непонятным. Приведем на этот счет высказывания некоторых видных методологов.

А. Про справедливо отмечает две основные вехи в развитии количественной истории, называемой также клиометрией. С одной стороны, он пишет: «Количественная история вызвала во второй трети нашего (XX — К. Х.) века сильнейший интерес у французских историков... К этому можно было бы добавить, что подобный интерес был в названный период времени характерен для европейской, в том числе отечественной, и американской истории в целом¹⁷. С другой стороны, А. Про отмечает: «Сегодня господствуют другие настроения, и многим историкам прямо-таки претит использование этих научных методов. Но так как сила их очевидна и так как эти историки не осмеливаются признаться в наличии психологического барьера или просто в своей лени, они аргументируют свой отказ с помощью критики возможностей численного выражения. Причем нельзя сказать, чтобы эта критика была вполне добросовестной, ибо как отмечает Поппер, „эти методы реально и очень успешно использовались в некоторых социальных науках. Как после этого можно отрицать их применимость“»¹⁸. О целесообразности применения в истории количественных методов писал неогегельянец Р. Коллингвуд¹⁹, а также представитель лингвистического структурализма М. Фуко²⁰

¹⁷ См. анализ литературы, содержащей ведущие идеи по использованию количественных методов в различных областях социально-гуманитарного знания: социологии, экономике, социально-экономической истории, культурологии: Boudon R. *L'analyse mathématique des faits sociaux*. Paris, 1968.

¹⁸ Про А. Двенадцать уроков... С. 211.

¹⁹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории // Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 13.

²⁰ Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Спб., 1984. С. 369–370.

Количественные методы в истории — название условное. Оно подчеркивает известную некорректность, проявляющуюся во множестве ограничений, накладываемых на материал при применении математики как в истории, так и в общественно-гуманитарном знании в целом, по сравнению, например, с использованием математики в физике. Соответствующие ограничения в историческом исследовании связаны с особенностями исторической информации: отсутствие прямого наблюдения, субъект-объектная корреляция, многофакторность проявлений и соответствующая многоаспектность изучения, слабая однородность информации и т. д. Впрочем, те или иные ограничения и допущения имеют место не только при количественном, но и при любом качественном анализе сведений источников. Однако к таким ограничениям исследователи привыкли, и они не вызывают сомнений в правомерности применяемых методик качественного анализа.

При использовании нами количественного инструментария мы акцентируем его отличия от соответствующих приемов в социологии, экономике, истории недавнего прошлого. При этом мы основываемся на собственном исследовательском опыте. При применении, например, статистики в византийской и в целом в средневековой социально-экономической истории очевидны ограниченные возможности экстраполяции результатов выборочного анализа на другие сведения²¹, не подвергавшиеся статистической обработке. Дело в том, что все сведения, сохранившиеся на протяжении длительного со времен средневекового периода, это естественно образовавшаяся выборка, т. е. это только часть всех тех сведений, которые существовали в ту изучаемую эпоху, часть которых, возможно, бо́льшая, была утрачена к нашему времени. Но это не означает, что утраченные сведения были однородны со сведениями сохранившимися и обработанными нами статистически. Сказанное относится не только к Византии, но и к средневековой истории в целом. В Средние века общие в отношении значительного пространственно-временного диапазона социально-экономические тенденции прослеживались слабо. Отношения и тенденции сильно различались по общинам, вотчинам, регионам, где они регламентировались местным обычаем. Это означает, что

²¹ Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории... С. 27. Впрочем, такие ограничения нередко возникают и при использовании количественных методов в социально-экономической истории более поздних периодов. См. также: Хвостова К. В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории... С. 68.

однородной совокупности данных, по сравнению, допустим, с сохранившимися и статистически обработанными данными для нескольких общин, могло вообще не существовать. Каждая община или вотчина — специфична, и соответствующие сведения следует рассматривать как генеральные совокупности и изучать по отдельности.

В результате изучения с помощью количественных методов таких совокупностей каждой из них присваивается один из коэффициентов ранжированного ряда. Эти коэффициенты сопоставляются, в результате чего получается сравнительная картина изучаемого расслоения крестьян. Компаративистский подход заменяет в данном случае экстраполяцию результатов количественной обработки, применяемую при статистическом подходе в современной социологии и эконометрии.

При моделировании с помощью дифференциальных уравнений обязательным является составление первоначальной словесной модели, фиксирующей простейшие соотношения атомарных факторов. Затем эта модель формализуется. Такие модели, называемые нами моделями развития, учитывают количественные данные, содержащиеся в деловых документах. Проверка осуществляется на материале нарративных источников, не учитываемых при конструировании модели, т. е. фактологический базис модели и верификации четко разграничены. Далее конструируется другая модель, названная нами структурой. Ее фактологическим базисом являются нормативные источники. Эта модель отражает типичные черты изучаемой тенденции. Результаты расчетов в соответствии с моделью развития сравниваются с полученными при структурном моделировании. Расхождение между этими результатами есть мера приближения фактического развития изучаемых отношений к их типичному и оптимальному для эпохи состоянию. Анализ проводится в рамках фиксированного пространственно-временного диапазона, в отношении которого устанавливается плавное развитие соответствующей тенденции²².

Словесная модель, подлежащая формализации в нашем примере с изучением с помощью дифференциальных уравнений степени расслоения средневековых поземельно-зависимых крестьян выглядит так: всякое обеднение крестьянина в фиксированный момент времени прямо пропорционально потере им в данный момент имущества (прежде всего земли) и прямо пропорционально степени бедности в этот момент. Потеря

²² Подробно об этом см. *Хвостова К. В.* Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории... С. 68–69.

имущества определенного размера важнее для более бедных крестьянских хозяйств, чем для менее бедных. Обогащение крестьянина в фиксированный момент времени прямо пропорционально размеру приобретенного им имущества, прежде всего, земли, и обратно пропорционально степени богатства в этот же период, т. е. приобретение имущества определенного размера существеннее для менее богатого владельца, чем для более богатого крестьянина. Данные утверждения записываются в виде дифференциальных уравнений, частные решения которых составляют основу коэффициентов бедности и богатства и рассматриваются как модели развития процесса расслоения крестьян. Эти модели строятся на основе данных поздневизантийских практик, отражающих явления повседневности. Для построения структурной модели, отражающей длительную характерную для эпохи средневековья тенденцию преобладания при расслоении слоя крестьян среднего уровня зажиточности используем нормативные источники, в частности 162 новеллу Юстиниана. Полагаем, что у представителей этого слоя степень бедности в каждый фиксированный период равнялась степени богатства, т. е. разница между этими состояниями равнялась нулю. У крестьян, отличавшихся в имущественном отношении от среднего уровня, эта разница не равнялась нулю и интерпретируется как коэффициент расслоения. Мы характеризовали лишь очень кратко и суммарно процедуру исследования²³.

Необходимо сказать о методическом и шире — эпистемологическом значении подобных исследований. Формализация тривиальных утверждений, отражающих связь простых атомарных фактов, характеристика которых в рамках обычного нарратива, тривиальна и излишня, с точки зрения эпистемологии истории имеет то значение, что благодаря формализации и получению количественного показателя эти утверждения приобретают познавательную значимость, которой они были бы лишены в обычном качественном нарративе. В силу этого достигается четкая формулировка или уточнение расплывчатых исторических понятий — в приведенном примере уточнение понятия расслоения средневековых крестьян; очевиден аргументированный концепционный подход к проблеме.

²³ Более подробно см. в работах: *Хвостова К. В.* Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). С. 68–74; *Хвостова К. В.*, *Финн в. К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. С. 178–185, а также см. прим. 1 на стр. 11; *Хвостова К. В.* Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории.

Количественные показатели как индикаторы явления легко сопоставимы. Их сопоставление означает расширение рамок сравнительного анализа.

Если в составе ранжированного ряда, охватывающего фиксированный период времени, имеется совокупность количественных показателей близких по величине, а за ней следует другая совокупность различающихся показателей, то можно с большей определенностью, чем при качественном подходе, говорить о развитии, которое в течение некоторого времени характеризовалось устойчивой тенденцией, отраженной в близких по величине показателях; но эта тенденция затем в силу каких-либо причин перестала быть устойчивой. Мы имеем прогноз, опрокинутый в прошлое, позволяющий выявить соотношение социальных ролей исторических тенденций и моменты их изменения. Использование математического моделирования свидетельствует, если можно так выразиться, о повышении при моделировании степени объективности, а вернее точности исследования. Происходит создание знания, основанного на детальном переборе информации в рамках современного неорационалистического направления исследований. Интерпретация результатов сопоставления модели явления, реконструированного на основе источников, с его тенденцией развития, выраженной структурной моделью, создает элементы того «объективного смысла», который некоторые представители современной герменевтики характеризуют как вынесенный из источников или «дарованный смысл»²⁴.

Значение формального подхода в исторических исследованиях состоит не только в том, чтобы при анализе материала источников использовать какие-либо математические формулы, но и в применении идей и понятий точных наук, позволяющих воспользоваться при оценке изучаемых явлений точными формулировками. В этой связи большую роль играет использование основных понятий теории информации. Например, при изучении византийских жалованных грамот мы обнаруживаем постоянные содержательные повторы в их текстах. В разновременных грамотах повторяются перечни пожалованных определенному юридическому лицу владений и дарованных ему привилегий. Эти совпадения означают строгую приверженность определенным образцам, что отражает традиционный характер соответствующих рассуждений. Можно сказать, что функции хранения, переработки и передачи информации в Византии постоянно совпадали, что, по-видимому, характерно не только для

²⁴ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. Т. IV. С. 434.

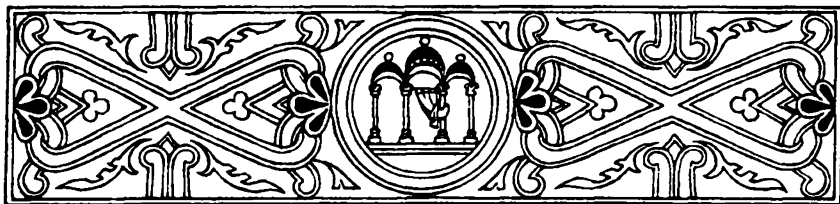
Византии, но и для традиционных обществ вообще. Совпадение названных функций в таких обществах отражает механизм воспроизводства цивилизаций во времени. Однако не все формы переработки византийской информации сводились к повторам. Иногда имело место уточнение понятий, сужение или расширение их семантического диапазона. Эта проблема рассматривается ниже на материале византийского права.

Византийцы хорошо понимали, какую роль письменное или устное слово играло в развитии деятельности людей и в создании письменной традиции. «Имеются две действенные силы происходящего: слова и действия, некоторые слова предшествуют действиям, другие вытекают из них. [Существуют] те, которые возникают из активности разума, или те, которые придают энергию [имеющимся] текстам», — говорится в одном из официальных документов поздней Византии²⁵. Обращение к теории вероятностей, как будет показано ниже, позволяет нам уточнить и понять некоторые проявления уникальной византийской цивилизации.

Итак, в работе мы пользуемся не только методами традиционного исторического анализа, но и приемами, восходящими к позитивистской эпистеме, роль которой в конкретном историческом исследовании по-прежнему весьма существенна.

²⁵ Actes de Lavra / Ed. Guillou A., Lemerle P., Svoronos N., Papachryssanthou D. Paris, 1977, vol. II. N 72. P. 14.1–4.

Глава II

СПОРНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЕЕ РЕАЛЬНЫЙ СТАТУС

Обращение к проблематике, связанной с правовым и реальным социально-экономическим статусом земельной собственности в Византии, правомерно в данной работе, поскольку особенности поземельных отношений на протяжении всего существования византийской империи составляли важный цивилизационный фактор, отличавший Византию от средневекового Запада.

Структура и особенности византийской земельной собственности, как и многие другие проблемы социально-экономического развития Византии в настоящее время слабо дискутируются в византиноведческой литературе. Это объясняется, вероятно, тем особым вниманием к человеку, которое характерно для современной исторической науки. Интерес к событийной истории явно превалирует над интересом к истории социальных институтов, тенденций, традиций. Однако деятельность людей протекает в обществе, и этот факт предполагает рассмотрение многих внешних детерминирующих по отношению к поведению отдельных личностей факторов, в том числе поземельных отношений и института земельной собственности. Существует и методологическое обоснование необходимости изучения названной проблематики. Акцентирование внешних детерминирующих факторов социального поведения человека не только отвечает современным стремлениям к целостному (холистскому) подходу к истории, с одной стороны, и к междисциплинарным исследованиям — с другой, но и позволяет выявить роль римско-византийского нормативного права и византийского права прецедентов в формировании и функционировании устойчивых тенденций цивилизационного характера.

Обращаемся к рассмотрению некоторых наиболее интересных и спорных вопросов византийской земельной собственности и поземельных отношений¹, которые составляли длительные и устойчивые тенденции и выражали одну из существенных особенностей цивилизационного развития, отличавшую Византию от средневекового Запада.

Известно, что в классическом римском праве собственность юридически отличалась от владения. «*Separata esse debet possessio a proprietate*», «*Nihil commune habet proprietas cum possessione*»². Однако собственник, как правило, являлся одновременно и владельцем земли, которая находилась у него в собственности³. Если же он оказывался лишенным владения, то сохранял только право собственности, «голую собственность»⁴. Достаточно распространено мнение, согласно которому в Византии доминировала полная безусловная собственность на землю⁵. Действительно,

¹ Целесообразно отметить следующие работы последних лет, посвященные проблемам как византийской земельной собственности, так и других проявлений византийских социально-экономических отношений: Литаврин Г. Г. К изучению проблемы доходов крестьянского хозяйства в Византии X–XI вв. // Византийский временник (далее ВВ). М., 2000. Т. 59 (84); Хвостова К. В. Сакральный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов (К вопросу о роли богословия в формировании социума в Византии) // Там же; Бибииков М. В. Очерки средневековой истории, экономики и права. М., 2002; Papagianni E. Legal Institutions and Practice in Matter of Ecclesiastical Property // *Dumbarton Oaks Studies*. Wash., 2001. Vol. XXXIX; Patlagean E. Γοικόν. Note sur la propriété allodiale à Byzance // *Byzantium State and Society*. In memory of Nicos Oikonomidès / Ed. by Avrava A., Laiou A., Chrysos E. Athens 2003. *Byzantine Economic History*. Washington. V. I–III. 2005.

² Corpus Juris Civilis, vol. I: Institutiones. Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krueger. Berolini, 1954. Digesta. XLIII. 17.1. (Далее — D.).

³ Levy E. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1950. P. 20, 62. Хвостов в. М. История римского права. М., 1911. С. 409; Levy E. *West Roman Vulgar Law...* P. 62, 75; Липищиц Е. Э. Законодательство и юрисдикция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. Прилож.: «Рассуждения о голых договорах». Текст, пер. с греч. и коммент. С. 195–228. Ср. данные кодекса Арменопула, согласно которым: «если кто-либо располагает собственностью, находящейся в юридическом владении у другого лица, то он имеет лишь «голую собственность». Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νομῶν ἡ Ἐξάβιβλος / Κ. Γ. Πιτσάκης. Αθήναι. 1971, II. 2. Σ. 99 (Далее: Арменопул).

⁵ Levy E. Op. cit. P. 19; Сюзюмов М. Я. утверждает доминирование полной собственности в Византии, ссылаясь на 114 новеллу Юстиниана. См.: Сюзюмов М. Я. Экономические воззрения Льва VI // вв. Т. 15. М., 1959. С. 35. Полная

такая собственность, являвшаяся в юридическом отношении полным господством над вещью, но имевшая на практике ряд ограничений, видимо, играла решающую роль в Византии⁶. Исключение составляет период III–IV вв. н. э. — период так называемого вульгарного права, когда, как отмечают специалисты, содержание понятий «собственность» (*dominium*) и «владение» (*possessio*) меняется, они употребляются в расширенном значении, нередко имея один и тот же смысл фактического контроля над землей⁷. При этом термин *possessio* получает значительно большее распространение, он постоянно употребляется не только в значении «владение», но также и в значении «собственность» и даже означает некоторые *jura in re aliena* классического римского права, а именно: узупфрукт (хресис), эмфитевсис, суперфиций и сервитуты. Сближение содержания понятий «собственность» и «владение», смешение соответствующих терминов⁸ означает известное уменьшение различия между понятиями «*jure*» и «*facto*»⁹.

Изменившаяся система употребления названной терминологии и, следовательно, понимания соответствующих правовых проблем связана с реформами императоров Диоклетиана и Константина, в результате которых, как известно, порядок, существовавший ранее только на италийских землях, был распространен на земли в провинциях, в том

собственность зафиксирована в праве Юстиниана. См.: *Codex Justinianus* // *Corpus Juris Civilis*. Vol. II. Ed. P. Krüger, 1954. (Далее: С. J.) 8, 55 (1) pr (249).

⁶ Собственность в классическом римском праве определялась достаточно кратко через перечень ее основных качеств: прерогативы права пользования, получения плодов, права владеть, распоряжаться. — Хвостов в. М. Система римского права. Часть II; Вещное право. М., 1901. С. 2–3; Levy E. Op. cit. P. 71.; Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 54, 98; Смирин В. М. Римская familia и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М., 1988. С. 29. Собственность ограничивалась также правами на чужую землю. — Хвостов в. М. Система римского права. С. 8, сл.; Штаерман Е. М. Ук. соч. С. 49; Смирин в. М. Ук. соч. С. 28.

Levy E. Op. cit. P. 61. О расширении значений указанных терминов писал еще Фюстель де Куланж. См.: История общественного строя древней Франции. СПб., 1907. Т. IV. С. 4; Ср. Литвиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 57.

⁸ Levy E. Op. cit. P. 61. О расширении значений указанных терминов писал еще Фюстель де Куланж. См.: История общественного строя древней Франции. СПб., 1907, т. IV. С. 4.

⁹ Levy E. Op. cit. P. 62.

числе и земли будущей Византии. До этой реформы провинциальные земли рассматривались как владения тех лиц, которым они принадлежали, тогда как собственность на эти земли была достоянием вначале римского народа, а позднее — императора. В последующую эпоху вульгарного права италийские и провинциальные земли все более и более уравнивались в правовом отношении, о чем свидетельствует постепенное распространение налогообложения на италийские владения. Соответственно, и те, и другие земли могли обозначаться или «владение», или «собственность», демонстрируя сближение и даже смешение названных и понятий, и терминов¹⁰. Черты, отличающие подобного рода собственность, в III–V вв. были характерны как для Западной, так и Восточной Римской империи.

В рассматриваемую эпоху как полагают некоторые специалисты, мы сталкиваемся с предпосылками формирования на Западе будущей иерархической феодальной собственности, представляющей собой «*dominium duorum in solidum*»¹¹.

Рассмотрим дальнейшие судьбы реального фактического и юридического статуса собственности, понятий «собственность» и «владение», а также прав на чужую землю в Византии, отражавших социально-правовую специфику византийской цивилизации. Последующее развитие правовых отношений в Византии и на средневековом Западе происходило разными путями. В Византии римское право претерпевало ряд изменений. Эта переработка состояла в иной интерпретации правовых понятий, создании их нового смысла, акцентировании некоторых новых аспектов смыслового содержания этих понятий. В итоге создавались кодификации римского права, издавались императорские новеллы, возникло зафиксированное в актах право прецедентов. При Юстиниане в Византии произошло возвращение к классическому вещному праву, в рамках которого различались собственность и владение¹². На Западе происходил сложный правовой синтез местных обычаев, варварского права, постановлений правителей: ордонансов, хартий, капитуляриев, а также и римских правовых традиций, относящихся преимущественно к периоду вульгарного права. Некоторые проявления местного западного права оказались по своему содержанию близкими к нормам римского права

¹⁰ Levy E. Op. cit. P. 71.

Ibid. P. 67 sq.

¹² Basilicorum libri LX (Ed. H.E. Scheltema, N. van der Wal, D. Holwerda. Groningen. 1953 (далее — Bas.). L, 2.11.

(например, аллод). Однако до периода рецепции римского права на Западе господствовал смешанный, постоянно формирующийся и изменяющийся правовой порядок.

Особенно нас будет интересовать юридический и фактический статус собственности в поздней Византии, обеспеченной значительным массивом актового материала. Мы не согласны с мнением Е. Леви, который полагал, что именно восточное влияние явилось одной из причин смешения в рамках вульгарного права понятий, а также соответствующих терминов, обозначающих собственность и владение¹³. Впрочем, исследователь, вопреки данному своему утверждению, отмечает противопоставление в восточных папирусах терминов «собственность» и «владение»¹⁴.

Учитывая историческую перспективу, а именно судьбы римского права в Византии, в частности, достаточно четкое различие понятий «собственность» и «владение» в актовом материале поздней Византии, вряд ли можно утверждать восточный характер тенденции к смешению названных понятий и терминов. Видимо, смешение понятий «собственность» и «владение» в эпоху бурных политических событий определялось в значительной мере тем, что в юриспруденцию и правовые отношения вторгся деловой язык повседневности. Кроме того, первенствующим доминирующим фактором в смешении названных понятий и терминов являлась начавшаяся ломка доминировавших ранее структур и влияние варваризации. На территории Византии, кроме того, было заметно влияние греческих деловых документов с их письменной традицией, что способствовало укреплению традиций именно классического права с его четким различием собственности и владения.

Эпоха Юстиниана связана со значительными изменениями в трактовке названных понятий. При Юстиниане мы сталкиваемся с образцами новых форм переработки правовой информации, отражающих механизм формирования правовых отношений и правового аппарата в новую христианскую эпоху византийской истории. Именно в эту эпоху складываются доминирующие затем на протяжении всей византийской истории формы собственности и владения, восходящие по своим основным характеристикам к римскому классическому праву.

При Юстиниане преобладала тенденция различения собственности и владения. Право Юстиниана, как правило, в духе классического права рассматривало владение как характерный признак собственности, а

¹³ Levy E. Op. cit. P. 69.

¹⁴ Ibid. P. 69. note 294.

также одну из причин возникновения собственности¹⁵. Подобные определения встречаем затем в Василиках и у Арменопула, где утверждается, что владение — это обладание вещью со стороны того, кто намерен господствовать над ней¹⁶. Речь идет, таким образом, об *animus possidendi*, *animus domini* классического права¹⁷. Как видно, право юридического контроля над землей, как и в классическую эпоху ассоциировалось с правом собственности. Источником собственности, по Арменопулу, являлся также наем земли¹⁸. Далее, по Арменопулу, право давности порождало собственность¹⁹. Физическое владение, опять же, как и в классический период, отличалось от юридического²⁰. Последующий период и особенно эпоха поздней Византии (XIII–XV вв.), демонстрируют дальнейшее укрепление тенденций, характерных для периода Юстиниана, и свидетельствующих о различении собственности и владения. Визуальная оценка актового материала позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой собственность и владение в поздней Византии строго различались, при этом владение являлось признаком собственности. Анализ терминологии, осуществленный с целью аргументации данной гипотезы, позволил сделать следующие выводы. Имеющиеся акты, рассматриваемые с точки зрения употребленной в них терминологии, обозначающей собственность и владение, могут быть подразделены на следующие группы. Прежде всего следует выделить императорские жалованные грамоты (простагмы и хрисовулы, хрисовульные сигиллии), изданные с целью пожалования крупным афонским монастырям собственнических прав на земельные владения. В этих актах содержатся наименования собственности (δεσποτεία, κυριότης), а также говорится о праве собственника на владение землей (νομή, κατοχή). Иными словами, владение в соответствии с классическим римским правом классифицируется как признак собственности²¹. Поскольку владение — это фактический контроль над

¹⁵ Codex Justinianus // Corpus Juris civilis / Ed. P. Krüger R. Schoell, G. Kroll. v. II. Berolini 1959. 7. 16.5.2; C.J. 8. 22. 3; C.J. 8. 55. 1 pr. (249); C. J. 3. 39. 3; 4. 21. 8 (287). Proprietas possessionis; jus possessoris — C. J. 2, 50, 3; D. 6. 2. 76; D. 16. 35.

¹⁶ Bas. II, 2, 33; Арменопул, II, 1. С. 98. 2.

Levy E. West Roman Vulgar Law. P. 48.

Арменопул. 1. 2. P.98.

¹⁹ Ibid. 6, 7.

Ibid. II, 1. 2. P. 98.

Actes de Lavra, V.II / Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssanthou D., Svoronos N. Vol. II, N 71. P. 9, 31, 36, 39; P. 10, 46, 49, 62, 74, 99; N 72. P. 14. 26, 34; P. 15. N 89. P. 76.

землей, то в императорских актах, посвященных освобождению монастырских владений от налогов, обычно использовались только термины, обозначающие владение²². Факт, что обозначение «собственность» обычно присутствует в императорских документах, содержащих пожалование крупным монастырям юридических прав собственности на определенные владения, свидетельствует о том, что императорские земельные пожалования становятся основным и важнейшим источником земельной собственности. Однако в некоторых случаях в значении «собственность» употребляется выражение «гоникон», не имевшее точного юридического смысла, а обозначающее наследственное владение²³. Используются и некоторые другие выражения, акцентирующие различные проявления собственности. Говорится, что соответствующее пожалование сделано «навечно», «на века», «прочно, неотчуждаемо». Такие характеристики, также лишенные четкого юридического смысла, свидетельствуют о проникновении в акты обыденного языка²⁴. В частности, «гоникон» употребляется и для обозначения наследственной прони²⁵. В некоторых случаях формула собственности является расширенной, т. е. в расшифровке права собственности упоминаются и такие ее признаки, как *хресис*, а также право производить на земле различные улучшения²⁶. Однако в целом термин *хресис* редко встречается в актах, вместо этого присутствует расширенная характеристика этого права. Говорится о праве извлекать весь и всякий доход²⁷. Тот же принцип упоминания в одном и том же документе собственности и владения и прав на доход характерен для актов дарения и купчих, оформляющих покупку-продажу земли²⁸. В этих документах термины, обозначающие владение, как и в императорских актах, изданных по поводу пожалования земли в собственность, уточняют

203; P. 73. 71, 74; P. 74. 76, 78, 122; N 103. P. 161. 24.

²² Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. Paris. 1968, N 6. P. 63, 9; N 26. P. 154. 3, 15. Patlagean E. Γονικόν. Note sur la propriété allodiale à Byzance // Byzantium State and Society.

²⁴ Actes de Dionysiou. N 11. P. 85. 2; Actes de Lavra, v. II, N 71. P. 9. 27. 32; Ibid., N 94. P. 128. 31; Ibid., N 92. P. 119. 8, 11.

²⁵ Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. Paris, 1986. N 6. P. 97.7; Actes de Dionysiou, N 11. P. 85. 2.

²⁶ Actes de Lavra, v. II, N 79. P. 48. 7. Ibid., N 116. P. 298. 11, 19.

Actes de Lavra, v. II, N 76. P. 35. 13–14; N 77. P. 42, 113.

²⁸ Actes de Lavra, vol. II. P. 158. 7; 16–17; Ibid., N 98. P. 139. 27; Actes de Xénophon, N 20. P. 165. 35; N 8. P. 207. 27.

и разъясняют характер собственнических прав. Иная терминология распространена в *практиках*, в которых преобладают выражения, относящиеся к владению, и упоминания собственности обычно отсутствуют²⁹. Это объясняется тем, что целью их составления являлось отведение получателю тех земель, права собственности на которые были ему уже пожалованы властями, и пожалование которых оформлено императорскими жалованными грамотами. *Практик* составлялся с целью введения собственника во владение пожалованной ему собственности. Другое назначение *практика* — подтверждение границ имеющихся владений, а также различных доходов, поступающих с этих владений. В любом случае *практик* составлялся с целью фиксации факта реального владения землей со стороны конкретного юридического лица, определяемого пожалованными ему императором собственническими правами на соответствующие территории.

В ряде императорских жалованных грамот в пользу отдельных физических и юридических лиц, разделяемых иногда большим временным периодом, или в одной и той же грамоте, а также в *практиках* имеются повторы. Повторяется в разных фрагментах текста формула собственности с присущим ей разветвленным уточненным и комментированным понятийным аппаратом, включающим право распоряжаться владением, утверждение о пожаловании владений «навечно», а также утверждения о неотчуждаемости владений. Повторяется распоряжение императора относительно произведения с его стороны соответствующего пожалования данному лицу земли в собственность или подтверждение с его стороны ранее пожалованных собственнических прав, а также повторяется иммунитетная клаузула, содержащая перечень налоговых льгот и дарованных данному лицу привилегий. Названные повторы отражают стремление дарителя как можно полнее и точнее отразить объем переданных прав и их гарантий, равно как и перечень самих переданных в собственность земель. Предполагалось, что часть текста может затеряться, но останется другой фрагмент с той же информацией. Характерно, что многоплановая античная риторика заменяется в Византии в определенных текстах механически выстроенными повторяющимися пассажами, имеющими сугубо количественную структуру. Повторы придают текстам как носителям правовой

²⁹ Actes de Lavra, v. II, N 76. P. 35. 13–16; N 17. P. 42. 109; N 93. P. 121. 22–23; N 95. P. 125.11; N 99. P. 143.8; N 105. P. 173. 26; N 109. P. 277. 995; N 110. P. 279. 12–13; N 111. P. 294. 46.

информации признак традиционности, соответствующий традиционному характеру самого общества, а, следовательно, показывают механизм воспроизводства устойчивых, т. е. цивилизационных тенденций во времени. Этот механизм в данном случае тесно связан с переработкой, хранением и передачей информации, происходящими по определенным не только стандартным образцам, но и предполагающими постоянные повторы образцов.

Анализ, как законодательных памятников, так и актового материала показывает возрастающую во времени роль понятия «собственность». Об этом также говорят выражения, имеющиеся в Василиках и у Арменопула, где обозначения собственности сочетаются с характеристикой ее правовых признаков³⁰, а также указанная расширенная характеристика собственности в жалованных императорских грамотах.

Далее, мы обращаемся к рассмотрению роли крупной земельной собственности в поздневизантийском обществе, а также анализу ее структуры, понимания собственности современниками и ее обозначений, и к рассмотрению путей возникновения собственности.

В некоторых византийских практиках мы находим сведения о различиях в социальных статусах крупных привилегированных земельных собственников, существовавших в поздней Византии. А именно, имела распространение собственность архонтов (аристократии), государственные земли фиска, императорские домены, а также собственность церквей и монастырей³¹. Сохранившийся актовый материал относится в основном к двум последним категориям собственности. Не только в поздневизантийский период, но и ранее эти виды собственности развивались по восходящей линии, но их структура претерпевала изменения. Обратимся к источникам, характеризующим особенности земельной собственности и пути ее возникновения. Специфической чертой положения церковной и монастырской собственности было правило, по которому возведение храма или создание монастыря должно было всегда происходить на земле, собственность на которую принадлежит тому физическому лицу — ктитору, которое возводит соответствующее религиозное учреждение. Однако, среди дополнительных 17 правил (канонов) Константинопольского собора 861 г. первые шесть относятся к монашеской жизни и первое из них содержит запрещение лицу, пожертвовавшему свое имение для устройства

³⁰ Bas. II, 2, 33; Арменопул II, 1. С. 98. 2: «νομή ἐστὶ ψυχῇ δεσπόζοντος κατοχῇ».

³¹ Actes de Lavra, v. II, N 71. P. 11. 91–92; Actes de Xénophon, N 15. P. 139. 2–4.

монастыря, сохранять свои собственнические и владельческие права на соответствующие земли и сам монастырь³². Собственником земель становится монастырь.

Как видно, подобная правовая ситуация не соответствует принципу *superficies solo cedit* классического римского права, который означал распространение права собственности на землю на постройки, находящиеся на этой земле, и продолжал сохраняться в отношении иных построек не религиозного, а гражданского и хозяйственного назначения. Иногда земля, на которой ктиторм возводится храм или создается монастырь, первоначально передается государством ктитору в дар, а затем после возведения религиозного учреждения переходит в собственность последнего. В 104 новелле Льва VI законодательно закрепляется названное юридическое правило. Сообщается, что земля, бывшая ранее государственной, в случае, если на ней — по-видимому, с разрешения государства — построено религиозное учреждение, уже не рассматривается как таковая, а является переданной без всяких ограничений соответствующему учреждению в дар, т. е. в собственность³³. Хрисовул императора Алексея I Комнина монаху Христодулу от 1088 г. предоставляет монаху остров Патмос в вечную собственность, однако, при условии, что получатель дара построит на острове монастырь³⁴. Этот документ свидетельствует о двух правовых явлениях, характерных для монастырской и церковной собственности, и создающих новые правовые прецеденты по сравнению с классическим и вульгарным правом. То обстоятельство, что остров в целях возведения монастыря даруется императором именитому монаху в полную собственность, однако на условиях, что монах построит монастырь, подтверждает отсутствие и в эту эпоху правила *superficies solo cedit* классического римского права для ктиторов монастырей и церквей. Ситуация, кроме того, показывает, что собственность монаха Христодула, хотя и называется полной, по существу является условной, т. к. земля передается Христодулу на условиях создания на ней монастыря.

Сведения относительно возведения церкви на земле, принадлежавшей на правах собственности ктитора, содержатся в новелле Василия II от

³² Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1903. С. 43; Полный православный энциклопедический словарь. Т. II. Репринт. М., 1992. С. 1193.

³³ Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944, nov. CIV.

³⁴ Βυζαντινὰ Ἐγγράφα τοῦ Πατρίου. Ἀ Αὐτοκρατορικά / Ε. Α. Βρανούση. Ἀθήναι, 1980. Σελ. 58.

996 г.³⁵, из которой узнаем, что свободные крестьяне создавали церкви на земле, принадлежавшей им на правах собственности. Затем крестьянин-ктитор приписывает этой церкви с согласия односельчан свой участок, становится монахом и поселяется у церкви до конца своей жизни. Также поступают и другие крестьяне. Таким образом, как говорится в новелле, появляется несколько монахов и возникает монастырь. Однако после смерти монахов случалось так, что епископ или митрополит присваивал себе церковь и объявлял все поселение монастырским. Новелла предписывает возвращение подобных церквей и монастырей в распоряжение сельского поселения. Нас интересует то, что в этой новелле имеется свидетельство о существовании церкви и монастыря на земле, передаваемой ктитором в собственность соответствующих учреждений. В целом же новелла отражает известную, неоднократно рассматриваемую в литературе практику борьбы государства за сохранение сельской фискальной общины — источника налоговых поступлений в казну. Сведения о том, что земля, на которой сооружено религиозное учреждение, находится у него в собственности, находим и в кодексе Арменопула, где говорится, что участки земли (τόποι), занятые храмами, являются святыми и неподчиняемыми (ἱεροὶ καὶ ἀβέοπτοι). Это их состояние вечно и не подлежит изменениям³⁶.

Отмеченное отличие церковной и монастырской собственности от светских земельных владений, заключающееся в неприменимости к ним принципа *superficio solo cedit*, отнюдь не единственная их специфическая черта. Об этом говорит тот факт, что в поздней Византии крупные монастыри, как правило, освобождались от уплаты такого налога, как коммеркий³⁷, от внесения которого были свободны еще только находившиеся в империи на особом положении итальянские купцы. Привилегированный статус церквей и монастырей не спасал их, однако, от частой конфискации земельных владений, осуществляемой государством. В периоды обострения внешней обстановки императоры в интересах «общего блага» и, пользуясь своими исключительными юридическими и политическими прерогативами, своей свободой от повиновения законам нередко передавали

³⁵ *Jus Graeco-Romanum* / Ed. J. Zepos. Aalen, 1962. vol. I, nov. XXVI. P. 262–272; *Papagianni E. Legal institutions and practice in matters of ecclesiastical property. // Byzantine Economic History. Vol. III. P. 1058, note 42.*

³⁶ Арменопул II. 61. P. 106.

Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. С. 45.

некоторые монастырские земли прониарам³⁸. Речь идет о пожаловании прониарам налогов, уплачиваемых монастырскими париками, сами же земли иногда продолжали оставаться в собственности у монастыря. Однако подобная акция все равно означала существенное ущемление монастырских привилегий. Обычно названные налоги поступали монастырю.

Подобные акции были нарушением постановлений церковных соборов. 24 правило IV Халкидонского собора 451 г. гласит, что освященные по воле епископа монастыри должны навсегда сохранять свой статус и не только не могут обращаться в помещения светского характера, но за монастырями должно сохраняться все их имущество³⁹. Седьмой Вселенский собор 787 г. в своих 12 и 13 правилах также запрещает отчуждение имущества, принадлежащего епархиям и монастырям. В случае же, если названное имущество не приносит никакой выгоды, то позволительно уступить его в пользование клирикам и земледельцам, но не местным диканатам⁴⁰. Вероятно, в таких случаях использовался *хресис* или *эмфитевсис*. На поместном Карфагенском соборе 419 г., занимавшимся устройством дел Африканской церкви, было принято аналогичное 11 правило о неотчуждаемости церковных земель. В случае, если земли не приносят дохода, то решение об их судьбе должен был принимать совет епископов⁴¹. Можно обнаружить истоки этих канонов-постановлений в сакральном римском праве, запрещавшем отчуждение храмовых имуществ⁴².

В принципе по юридической силе каноны и законы со времен Юстиниана приравнивались в Византии друг к другу⁴³. Выбор же диктовался практическими соображениями (подробно ниже). Постановления, содержащиеся в императорских жалованных грамотах, касающиеся лишения монастырских земель дарованных им ранее привилегий или же даже отобрания этих земель, приравнивались к законам, но с точки зрения современного знания могут быть расценены как право прецедентов,

³⁸ Там же.

Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 30. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1191.

⁴¹ Бердников И. С. Ук. соч. С. 42. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1193.

⁴² Voelkl L. Die Kirchenstiftungen des Kaisers Konstantin im Lichte des römischen Sakralrechts. Köln, 1964. S. 11.

⁴³ С. J. I, 3, 44; I, 2, 12.1; Actes d'Ivion, vol. III / Ed. G. Lefort, N. Oikonomidès, D. Pachyrsanthou, V. Kravari. Paris, 1994, N 66. P. 79.11; P. 129.33; Actes de Xénophon, N 9. P. 109. 32; P. 114–115. 24–26.

игравшее в Византии огромную роль. Кроме того, подобная практика восходит к римской государственной практике. Фиск в Риме не только мог конфисковать частные земли, но и продавать их⁴⁴. В данном случае обнаруживаются сильные как политические, так и законотворческие prerogatives императоров, их манипулирование законами и постановлениями. Об этом говорит уже то, что подобные факты нарушения прав монастырей в актах расценивались как вызванные экстремальными ситуациями. Обычно отобранные монастырские привилегии и земли заменялись императором на другие, равноценные⁴⁵. И. Шевченко полагал, что подобные мероприятия властей отражали борьбу прониаров и монастырей⁴⁶. Мы полагаем, что этот вывод не является достаточно убедительным. По отношению к Византии, если сравнить ситуацию с Западом, где в Средние века шла упорная борьба сословий за свои права, которая впоследствии привела к появлению сословной монархии и предпосылок гражданского общества, вряд ли целесообразно говорить о таком социальном факторе, как политическая борьба социальных группировок между собой или за ограничение императорской власти. Среди монахов были многочисленные бывшие крупные прониары. Из монашеской среды выходили видные дипломаты, монахами становились бывшие политические деятели. Государство с помощью подвластной ему бюрократии и в целом режима, восходящего к эпохе домината, более или менее успешно манипулировало социальными группами общества. Государство, основанное на сакральных идеях политической ортодоксии, на переосмысленной с христианских позиций античной правовой и политической доктрине, определяло лицо византийской империи и цивилизации. Богословие составляло фундамент политической ортодоксии и различных идеологических, в том числе социально-экономических, воззрений. Отдельные конфликты между императорами и иерархами носили характер, отличный от борьбы Церкви и государства на Западе, в основе которой лежал принцип оспаривания первенства. Структурные особенности византийского государства, восходящий к античности и обусловленный христианством его сакральный характер показывают, что можно констатировать лишь внешнее, но не сущностное сходство с известными фактами конфискации церковных земель на средневековом Западе. В целом в XIV–XV вв. монастыри оказались все же более защищенными. Что же касается проний, то, несмотря

⁴⁴ Хвостов в. М. Система римского права... С. 4–7.

Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в Византии... С. 45.

⁴⁶ Ševčenco J. Anti-Zealot // *Dumbarton Oaks Papers*, v.11. 1957. P. 153–157.

на распространенное мнение, согласно которому прония приобретала все большее значение в общественной структуре поздней Византии, в реальности она претерпевала кризис. Об этом свидетельствуют факты сдачи проний монастырям в аренду⁴⁷ или даже продажа их⁴⁸. Права монастыря на арендованные пронии обозначались терминами, обозначающими владение⁴⁹. В литературе широко распространено мнение, согласно которому прония не являлась собственностью. Это лишь пожалование налоговой квоты за службу. Думается, что было бы точнее характеризовать пронию как земельное обеспечение соответствующей налоговой квоты. Вне всякого сомнения то, что в ряде случаев прониар приобретал фактический контроль над землей. Прония не может рассматриваться как собственность с позиции римского классического права. Но, как отмечалось, в Византии со времен Юстиниана, классическое римское право, хотя и занимало вновь главенствующие позиции, но сочеталось с вульгарным римским правом. Наряду с этим развивалось собственное византийское право, функционировавшее иногда в виде права прецедентов. Согласно вульгарному праву с его смешением собственности и прав на чужую землю, равно как и соответствующей терминологии, прония вполне может быть названа собственностью. Эта собственность является новым видом собственности, существующей в рамках вульгарного римского права и византийского права прецедентов. Ее наследственный характер обозначается выражением *κατὰ λόγῳν ὑπὸ κώτητος*⁵⁰. Для характеристики прав прониара на соответствующую землю употребляются выражения, обозначающие владение, что подтверждает наличие реального контроля над землей. Статус пронии, являвшейся результатом действия права прецедентов, но одновременно восходящий к вульгарному римскому праву — одна из специфических особенностей византийской цивилизации — будет ниже подробно рассмотрена.

Возвращаясь к монастырской собственности, отметим некоторые ее специфические черты. В одном из актов афонского прота, адресованном трем именитым монахам, содержатся сведения о передаче им на срок их жизни ряда земельных владений и келий на Афоне. После смерти последнего монаха из трех, получивших совместный дар, все владения, составлявшие этот дар, должны вернуться вновь под власть протата. Для

⁴⁷ Actes de Xénophon, N 6. P.97.17.

⁴⁸ Ibid., N 6. P. 97, 17, 19.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Actes de Xénophon, N 6. P. 97.7; Actes de Dionysiou, N 11. P. 85.2.

характеристики прав протата как юридического лица, представителем которого являлся прот, равно как и прав временного распоряжения названным имуществом со стороны монахов-получателей временного дара, употребляются одинаковые термины, обозначающие собственность (δεσπόζω, δεσποτεία)⁵¹. Протат сохранял верховные собственнические права по отношению к уступленному во временную собственность имуществу. Мы встречаемся с правовым прецедентом, характеризующим временную иерархическую собственность, возникающую на землях религиозных учреждений. В некоторых случаях прот передает земли и постройки в дар крупному монастырю. Условием передачи является восстановление разрушенных построек или улучшение состояния построек, находящихся в плохом состоянии. В соответствии с римским правом такие постройки, как известно, сдавались в эмфитевсис⁵². Для характеристики прав получателя употребляются выражения, обозначающие владение⁵³. Эти же выражения часто используются для обозначения фиксации земельной зависимости небольших келий от крупных монастырей⁵⁴. В некоторых актах права протата на землю обозначаются как собственность, а права монахов, в руках которых реально находятся эти земли, как владение⁵⁵. Иногда не прот, а частное лицо-ктитор передает клирикам, монахам или крупному монастырю келии или небольшие монастыри. Нередко при таком пожаловании жалователь сохраняет за собой право на получение в течение всей жизни определенных доходов с соответствующего имущества. После же смерти жалователя получатель приобретает право полной собственности и владения на данный объект. Эти его права обозначаются и как собственность, и как владение⁵⁶.

Все эти факты свидетельствуют о путях формирования усложненной структуры монастырского землевладения, регламентируемого, по-видимому, не столько канонами, сколько гражданским правом. Перед нами результаты дозволенного в кодексе Юстиниана выбора между канонами и законами. Предпочтение было отдано гражданскому праву, а именно, его постановлениям, имеющим силу формирующегося права прецедентов. Что

⁵¹ Actes de Dionysiou, N 7. P. 72. 10–12.

⁵² Nov. Just., 121, cap.1; Bas. V, 2, 1, v.I. P. 130.

Actes de Xénophon, N 18. P. 153. 6, 10; P. 154. 28.

⁵⁴ Ibid., N 18. P. 153. 6, 10; P. 154. 28.

Actes de Dionysiou, N 7. p. 72. 10; N 9. P. 79. 3, 4, 24; N 23. P. 130. 5, 29; N 24. P. 133. 19, 22, 26; P. 135. 5, 31.

⁵⁶ Actes de Xénophon, N 20. P. 164. 9; P. 165. 31–33, 35.

же касается канонов, то их постановления по данному сюжету расходятся с выбранными в практических целях правилами права прецедентов. Шестое правило из 17 дополнений к постановлениям Константинопольского собора 861 г. гласит: «Монахи не должны иметь никакой собственности, но им принадлежащее утверждается за монастырем»⁵⁷. Вступающий в монастырь передает монастырю власть над своим имуществом. Правда, до момента вступления будущий монах мог свободно распорядиться своей собственностью: продать, подарить и не отдавать ее монастырю. Это соборное правило по смыслу совпадает с 123 новеллой Юстиниана⁵⁸. Однако в V новелле Льва VI данное правило изменилось. Монах получает право иметь свое хозяйство и передавать его по наследству и по завещанию⁵⁹. Именно эта новелла, видимо, и определила дальнейшее развитие соответствующего византийского права прецедентов, отраженного в актовом материале и связанного с усложнением структуры монастырской собственности.

Наблюдаемое в рассмотренных выше документах, отражающих возникновение своеобразной иерархической и условной собственности монастырей, келий и отдельных монахов, смешение обозначений «собственность» и «владение» связано с отсутствием соответствующего нормативного права и регламентацией соответствующих отношений с помощью права прецедентов. В системе подобных прецедентов встречаются и такие, когда получатель дара, в частности, крупный монастырь в лице своего игумена, мог не только передать полученный им на срок жизни дар другому лицу, но и оставить его наследникам. Для характеристики прав монастыря употребляется термин «собственность»⁶⁰. Именно наличие наследственных прав на соответствующую недвижимость побудило составителей соответствующих актов воспользоваться названным обозначением. Известны случаи, когда дар частного лица монастырю оказывается частичным. Часть имущества передается в дар, а другая его часть, например, домá, продается этому монастырю. При этом используется стандартная терминология, относящаяся как к владению, так и собственности⁶¹. Обозначения владения, как всегда, расшифровывают

⁵⁷ Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. С. 43. Полный православный богословский энциклопедический словарь. С. 1193.

⁵⁸ Nov. Just. 123. 38.

⁵⁹ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. Nov. V. Actes de Dionysiou, N 12. P. 87.8; P. 89. 33.

Actes de Xénophon, N 10. P. 114. 24–25. Понятие «хресис» в этих ситуациях, как и в других, встречается редко. Оно скрывается под выражениями *иметь, владеть*.

обозначения «собственности». Об этом свидетельствует акт продажи частным лицом клирику церкви Ассоматов в Фессалонике принадлежавшего этому лицу на правах собственности дома, построенного на церковной земле⁶².

Данные о других чертах условного, специфического характера некоторых видов монастырской собственности содержатся в серии императорских пожалований начала XV в., касающихся передачи монастырю Дионисия бывшей пронии в деревне Марискин на Кассандре⁶³. В первом документе этой серии в хрисовуле Иоанна VIII от 1408 г. говорится о пожаловании деревни монастырю в полную собственность⁶⁴. Однако в последующих документах сообщается о том, что пожалование сопровождается рядом условий. Монахи на свои средства должны были построить в Марискине укрепление (*пирг*) для защиты населения от внешних нападений⁶⁵. В отдельных документах относительно данного поселения отсутствует обозначение «собственность», но говорится о владении⁶⁶. Монахи так и не построили *пирг*. Эту миссию взял на себя деспот Андроник Палеолог, который взымал определенные подати с людей, поселенных на данных землях, но после смерти деспота эти доходы должны были поступать монастырю⁶⁷.

В последнем из рассмотренных документов также отсутствует обозначение «собственность», но оно имеется в акте передачи земель на Кассандре, осуществленной четырьмя апографевсами в 1421 г.⁶⁸ Сложные формы землепользования, которые сложились в Византии преимущественно на монастырских землях, обнаруживают несводимость всех отношений собственности к наиболее распространенной в империи в юридическом отношении полной и безусловной собственности. Эти формы земельных отношений в монастырских владениях, вероятно, складывались в Византии задолго до XIV в., к которому относится большая часть сохранившегося актового материала. В поздней Византии, когда монастырское землевание увеличивалось в размерах, а роль монастырей возрастала, этот

⁶² Ibid., N 9. P. 109.22.

⁶³ Этот документ показателен как свидетельство пожалования монастырю бывших проний.

⁶⁴ Actes de Dionysiou, N 10. P. 83. 7, 10–13.

⁶⁵ Ibid., N 13. P. 91.

⁶⁶ Ibid., N 16. P. 103. 7–8.

Ibid., N 17. P. 106.

⁶⁸ Actes de Dionysiou, N 20. P. 120. 6; P. 121.33.

процесс ускорился. Устойчивый во времени характер данной тенденции свидетельствует о ее цивилизационном характере. В период возрастания внешней опасности экономика приходила в упадок, сельское население постоянно мигрировало, распространялась временная аренда, условные владения. Уже в X–XI вв. видом условной собственности являлись некоторые виды воинских участков⁶⁹

В целом специфика византийских поземельных отношений с преобладанием полной собственности и наличием условных временных владений к поздневизантийскому периоду выявилась в полном объеме. Эти отношения, развивавшиеся (в отличие от средневекового Запада, где подобного рода земельные отношения, внешне похожие на византийские, также существовали) в условиях сильной авторитарной власти, отсутствия феодальной вассальной иерархии западного типа, четкого разграничения в правовой теории Византии частного и публичного права и власти, отражали особенности византийской цивилизации, отличавшие ее не только от Запада, но и от античных соответствующих отношений.

Отмеченное смешение обозначений «собственность» и «владение», наблюдаемое в формах условного землевладения, регламентируемого правом прецедентов с использованием представлений о правах на чужую землю (*эмфитевсис*, *хресис*) римского классического права, показывает, что вся совокупность применяемых правовых понятий приобрела новый смысл. Правовая информация классического римского права была переосмыслена в рамках формирующегося права прецедентов, применяемого в обществе наряду с классическим. Это переосмысление происходило в духе вульгарного права с его смешением понятий собственности, владения и прав на чужую землю. Современные дискуссии о характере западноевропейского феодализма поставили под сомнение многие прежние представления о нем. Однако отличие иерархической системы западного вассалитета и форм условной собственности на Западе от различных проявлений условного землевладения в Византии не вызывает сомнений.

На протяжении всей истории Византии в качестве уникальной черты византийской цивилизации в духе римского классического права поддерживалось различие между частным и публичным правом. На Западе, как известно, происходило не только смешение понятий «собственность» и «владение», но и в значительной мере смешение частных и

⁶⁹ Lemerle P. The Agrarian History of the Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. The Sources and Problems. Galway, 1981. P. 150–151.

публичных прерогатив. В условиях византийской автократии, сохранения разветвленной налоговой системы, не слившейся с рентными отношениями, как на Западе, государство было заинтересовано в сохранении свободного крестьянского землевладения — источника уплаты налогов, и на протяжении длительного времени принимало энергичные меры по разграничению частного и публичного права⁷⁰. Например, динатам запрещалось внедряться в свободную фискальную крестьянскую общину, скупать ее земли, подчинять себе население⁷¹. В поздней Византии, однако, внешняя угроза и экономический кризис заставили власть прибегнуть к мерам, направленным на поддержание крупного землевладения, благодаря чему четкая грань между публичным и частным правом на практике иногда стиралась. В результате пожалования крупным собственникам податного иммунитета налоги, от уплаты которых собственник освобождался, не упразднялись, а взимались им в свою пользу, выполняя функцию земельной частноправовой ренты. Однако в юридическом отношении в соответствии с государственной правовой доктриной налог никогда не смешивался с частнопровыми платежами.

Несмотря на некоторое уменьшение в повседневной жизни публично-правовых функций, подобная тенденция не может рассматриваться как цивилизационный фактор. Действительно, и в поздней Византии в теории публичное право противопоставлялось частному. Об этом свидетельствуют, например, известные слова Никифора Григоры, противопоставившего управление государством по законам ромеев, при котором правитель является императором, а не господином, управлению по обычаям латинян, при котором правитель уподобляется господину⁷². Подобные высказывания встречаем также у Георгия Сфрантзи⁷³, а в более ранний период известно, что Зонара упрекал императора Алексея I Комнина в нарушении принципа государственного управления в Византии, утверждая, что тот управляет не как правитель, а как господин⁷⁴.

⁷⁰ D. I, 1, 1; Bas. II, 1, 1, vol. I. P. 15.

Lemerle P. *The Agrarian History...* P. 11.

⁷² Nicephorus Gregoras. *Byzantina historia graece et latine* / Ed. L. Schopeni. Bonnae, 1822. V. I. P. 233.18.

⁷³ Георгий Сфрантзи. *Хроника* / Предисловие, перевод и комментарий Е. Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Ереван. 1987. Вып. 5 (XXIII. 7). С. 208

⁷⁴ *Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates*. München, 1971. S. 144.

То обстоятельство, что публично-правовая эксплуатация в форме взимания налогов преобладала в централизованном византийском государстве над рентными отношениями, явилось решающим фактором, определившим своеобразие условного землевладения, так и не превратившегося в иерархические земельные отношения западного типа.

Содержание римского права перерабатывалось в Византии с учетом новых христианских ценностей. Идеи римского права инкорпорировались в восточно-христианские представления. В результате возникал новый менталитет, новые социально-правовые концепции и реалии, характеризующие византийскую цивилизацию. Одной из определяющих черт этой цивилизации было непосредственное влияние богословия на осмысление современниками социально-экономической реальности и на саму реальность. Это влияние, обусловившее сакрализацию общества (см. главу IV), детерминировалось тесной связью государства и церкви, так называемой византийской политической ортодоксией.

В данном случае речь идет о следующем. Понимание социальной роли и характера земельной собственности с позиций восточного византийского христианства нашло свое отражение во вводной части императорских хрисовул и постановлений афонского протата. Например, в акте прота Павла от 1089 г., передающем реставрированный протом афонский монастырь Ксенофонт вместе с его владениями, находившимися как вне, так и в пределах Афона, игумену Симеону, говорится, что императоры должны в подражание Богу проявлять в отношении подданных благожелательность и щедрость, человеколюбие и прощение. Именно так поступал император Никифор III Вотаниат, который покровительствовал монахам, монастырям и их учреждениям. Он подтвердил старинные хрисовулы, издал новые, согласно старым предписаниям и по примеру предшественников⁷⁵ Речь идет не просто об общехристианской идее благотворительности как оправдании земельных пожалований монастырям. Используется переосмысленная и выраженная в христианских терминах античная идея общего блага, с помощью которой в Византии обосновывается пожалование земли юридическим и физическим лицам. Что же касается христианских идей нестяжательства и бедности, то, как свидетельствует, в частности, выше приведенная новелла Никифора Фоки, они акцентировались в значительной мере тогда, когда обстоятельства заставляли представителей светской власти, прибегать к таким непопулярным мерам, как ограничение и даже временное отобрание монастырских

⁷⁵ Actes de Xénophon, N 1. P. 70. 1–3.

земель. Интерпретация античной идеи общего блага с христианских позиций, сопровождающаяся акцентированием разных ее аспектов, в частности, заботы о подданных, содержится и в других византийских актах. В хрисовуле Андроника II Палеолога афонскому монастырю Лавры св. Афанасия от 1298 г. имеется обширная преамбула, которая обнаруживает понимание византийцами соотношения мирских институтов и божественности, говорится о роли синергии, т. е. способности человека к восприятию ниспосылаемой в мир божественной энергии и приобщении к божественной благодати. Сообщается о роли божественности в земном управлении⁷⁶ В хрисовуле Андроника II Палеолога афонскому монастырю Лавры св. Афанасия от 1329 г., содержащем подтверждение собственности монастыря на ряд его владений, в преамбуле находим развернутое обоснование этих прав на большие владения в Южной Македонии, пожалованные монастырю императором в прежние годы. Утверждается, что монахи достойны получить со стороны того, кто желает их вознаградить, не деньги, поля и что-либо материальное, присущее земному, преходящему, но что-либо неизменное, не подверженное изменениям и уничтожению. Делать подобные дары недоступно для земного и смертного. Но ведь Бог, милостивый и благосклонный, который не претерпевает ни разрушений, ни изменений, в состоянии использовать и те, и другие средства по отношению к тем из людей, которых он пожелал облагодетельствовать, так как он демиург и вечного, и преходящего. Необходимо, чтобы намеревающийся воздать должное таким людям, совершил бы это в соответствии с теми возможностями, которые ему доступны. Речь идет не о том, чтобы заплатить этим людям жалованье или дать в долг, но о том, чтобы с помощью материальных благ оказать им помощь на их пути, достойном восхищения. Ведь «Тот, во имя Которого они встали на великую битву, является непознаваемым и невыразимым. Неуловимы и невыразимы и Его благодеяния в отношении подобных людей»⁷⁷

Перед нами — имплицитно существовавшая в рамках политической ортодоксии, не будучи осознанной на уровне интеллектуальной рефлексии, ведущая идея византийской политэкономии, обнаруживающая несомненное влияние восточного христианства. Об этом же с определенностью свидетельствует еще один документ, а именно акт патриарха

⁷⁶ Actes de Lavra, v. II, N 89. P. 73. 26.

Actes de Lavra, v. III / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. N 118. P. 4. 1–18.

Антония от 1389 г., в котором говорится, что обеспечение религиозных учреждений материальными средствами происходит по божественной милости, но через посредство императора⁷⁸

Все рассмотренные документы не только свидетельствуют об античных корнях переосмысленной в рамках восточного христианства идеи попечения и заботы императора в отношении подданных. Мы видим сакральный характер этих идей, имеющий специфически византийский характер, отличный от соответствующих идей средневекового Запада. Особенно византийские идеи об императорском попечении восходят к восточной патристике и византийскому богословию, в частности, к исихазму Григория Паламы. Речь идет о свойственных восточной патристике и византийскому исихазму идеях божественных волений-логосов, присутствующих в ниспосылаемых в мир божественных энергиях, вызывавших ответную со стороны человека синергию, т. е. способность человека к восприятию этой энергии и обуславливающей его добродетельное поведение. Именно синергия характеризует внутреннюю политику императора, власть которого носит божественный характер. Благодаря синергии внутренняя политика являлась, по мнению византийцев, уподоблением поведения императора божественным волениям. Руководствуясь подобной идеей, императоры создавали путем земельных пожалований значительные земельные богатства крупных монастырей. Политэкономическая идея, отражавшая специфические черты византийской цивилизации, отличалась от евангельской, согласно которой собственность и материальные блага рассматривались как порождение земного суетного мира. Они осуждаются с точки зрения высшей справедливости и дозволяются только в интересах благотворительности. Евангельские идеи нашли свое отражение у многих византийских авторов, принадлежащих в целом к разным мировоззренческим направлениям: у Григория Паламы, Николая Кавасилы, у радикальной оппозиции XIV в.

Евангельские идеи на протяжении всего средневековья имели широкое распространение на Западе. С этих позиций в XII в. Арнольд Брешианский отрицал церковную собственность, Фома Аквинский в XIII в. рассматривал собственность как мирское явление, не соответствующее божественному закону, отражающее несовершенство грешных людей. Согласно его представлениям, собственность — это порождение права народов. Развитие социально-политических отношений и идей на средневековом Западе характеризовалось нарастающей тенденцией

⁷⁸ Actes de Dionisiou, N 6. P. 67. 18.

к секуляризации общественной жизни, постепенному разъединению светского мирского и богословского уровней миросозерцания, приведшего в Новое время к их полному разделению, вершиной которого много позднее стал европейский позитивизм. В общественной жизни секуляризация проявлялась в постепенном отходе от церковного ригоризма, в нарастающей борьбе императоров и папства за первенство в земном мире. Все это отражалось в изменении земных ценностей в XII в.⁷⁹ Выразителем этих идей, направленных на ограничение как могущества пап, так и императоров, явились Марселий Падуанский, концилиаризм, легисты.

В Византии взаимоотношения Церкви и государства и особенности государственной, политической и экономической идеологии, сохраняли свою относительную стабильность. Их можно поэтому рассматривать как признак византийской цивилизации, обозначаемый как сакрализация общественной жизни и миросозерцания. Ярким выражением этого было приравнивание в официальных документах государственных законов и канонов. При этом законы назывались святыми и божественными⁸⁰ Именно в силу приравнивания канонов и законов, а шире — сближения двух уровней миросозерцания — пожалование со стороны императоров земли крупным монастырям, как и в целом, любое земельное пожалование, аргументируется не только идеей благотворительности, но и свободным волеизъявлением императора, подражанием Богу, которое осуществляется благодаря божественным энергиям и синергии.

Однако, несмотря на сакральное понимание закона, во многих других проявлениях трактовка закона (в целом, а не только относящегося к собственности) в Византии и на Западе совпадала. Понятие закона, переосмысленное с позиций христианства, подразделялось на закон божественный, воплощающий абсолютную справедливость, закон естественный, означающий божественное устройство мира, данное свыше человеку в ощущение, и, наконец, — закон человеческий, политический, как установление земных правителей, которые в своей деятельности следуют или не следуют естественному праву⁸¹ В Византии политический закон рассматривался как божественный.

Понимание политических законов как тесно связанных с божественными установлениями, сообщаемыми в мир с помощью божественной

⁷⁹ Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностной ориентации на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. М., 1991. С. 29.

⁸⁰ Actes de Xénophon. N 9. P. 109. 32; P. 114–115. 24–26.

⁸¹ D. I, 1, 1; Bas. I, 1, 2.

энергии и присущей человеку синергии, явилось теоретическим обоснованием переосмысления в Византии с позиций христианской нравственности античного понятия общего блага. Закон, естественный и политический, ассоциируется со стабильным порядком вещей (*táxis* — в Византии, *aequitas, tranquillitas ordinis* — на Западе). Всякое нарушение закона интерпретировалось в Византии как аномалия⁸². Законодательная инициатива и в Византии, и на Западе принадлежала центральной власти. Соответственно, как на Западе, так и на Востоке, действовало правило римских юристов, согласно которому правитель свободен от обязательного исполнения закона. Это правило вовсе не означало, что правитель может нарушать закон, такой правитель считался и в Византии, и на Западе тираном. Это правило имело целью подчеркнуть абсолютное право императора на правотворчество. Ф. фон Халем, сопоставляя отношение к закону в Византии и на средневековом Западе, утверждает, что в Византии в отличие от Запада отсутствовало отношение к закону, как к обязательному постановлению. Закон имел будто бы этическую, а не юридическую силу. Особое значение имел авторитет личности, издававшей закон⁸³. Вряд ли можно согласиться с этим мнением. На Западе в раннее средневековье государственная власть была ослаблена и, соответственно, издаваемые законы не имели большой силы.

В действительности, в Византии, как мы старались показать, наблюдалось большое уважение к закону. Это обстоятельство было в значительной мере связано со значительной традиционностью по сравнению со средневековым Западом, где происходили различные процессы социально-политического, экономического, религиозного и общемировоззренческого характера, приведшие в результате к радикальному изменению структуры общества. Традиционность византийской цивилизации, которую отражала политическая ортодоксия и сакральный характер общества, не означала отсутствия каких-либо изменений. В то же время характерен тот факт, особенно ярко свидетельствующий о традиционности правопорядка и уважения к закону, что изменения в поземельных отношениях фиксировались в основном с помощью норм права прецедентов, не затрагивая содержания нормативного, в первую очередь римского, кодифицированного права. В 24 новелле Льва VI, в которой хотя и говорится о необходимости изменения прежних законов,

⁸² Actes de Lavra, v. II, N 72. 27.

Халем Ф. фон. Историко-правовой аспект проблемы Восток–Запад // Вопросы философии. № 7, 2002. С. 49.

однако добавляется, что подобная ситуация является вынужденной и во многом старые законы рассматриваются как более предпочтительные, чем новые⁸⁴. Та же идея выражена в 19 новелле, согласно которой новые законы издаются не ради порицания старых законов, но только для того, чтобы устранить правила, не соответствующие потребностям подданных⁸⁵. Подобная прагматическая трактовка законов особенно ярко выражена в 95 новелле Льва VI. В ней говорится, что в большинстве жизненных ситуаций следует обращаться к существующему закону и только в тех случаях, когда таковой отсутствует, следует издавать новый⁸⁶. Уважение к длительной правовой традиции проявляется в 22 новелле Льва VI, в которой обычай, традиция приравнивается к закону⁸⁷. Все сказанное в отношении к новым и старым законам, как бы резюмируется в 47 новелле, в которой законодатель утверждает, что лишь изменение жизненных условий вынуждает к изменению законов⁸⁸.

Все эти факты свидетельствуют о том, что уважение к закону и традиционному правопорядку было в Византии, по крайней мере, в эпоху раннего средневековья, большим, чем на средневековом Западе. Законодательство Юстиниана, Василики, кодекс Арменопула, императорские новеллы и многие другие правовые сборники, издававшиеся в Византии, — подтверждение тому.

Кроме того, в Византии большую роль играло римское классическое право, тогда как на Западе, как отмечалось, произошел синтез варварского права и римского вульгарного права, а далее на протяжении всего средневековья происходило правотворчество королей и императоров. Только позднее в эпоху рецепции римского права, это последнее активно повлияло на формирование правового менталитета и на уважение к закону. Особенно уважительное отношение к закону лишало византийский порядок гибкости, что проявлялось в факте регламентации вновь развивавшихся отношений с помощью права прецедентов и издании новых законов лишь в крайних случаях. Ф. фон Халем прав, утверждая, что в Византии был значителен авторитет императорской власти. Византия была авторитарным государством, однако это обстоятельство не только сочеталось с уважением к закону, но уважение к закону

⁸⁴ Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon VI le Sage. Nov. XIX.

⁸⁵ Ibid. nov. XXIV. P. 93–95; P. 73–75.

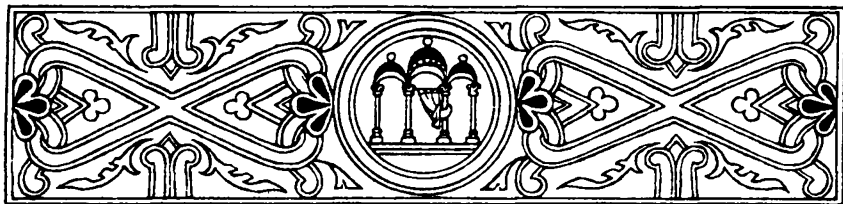
⁸⁶ Ibid., nov. XCV. P. 313–315.

Ibid., nov. XXII. P.

⁸⁸ Noailles P., Dain A. Op. cit., nov. XLVII. P. 185–186.

было его неотъемлемым характерным признаком. Сохранение централизованного государства на протяжении всей истории Византии создавало благоприятные условия для поддержания высокого авторитета императора-законодателя, деятельность которого, согласно имплицитно существовавшей идее, заключалась в подражании Богу, в попечении о подданных. Это попечение император осуществлял благодаря усвоению с помощью данной ему синергии ниспосылаемой ему божественной энергии. В силу такого понимания закон воспринимался в тесной связи с личностью императора-законодателя и его авторитетом. При отсутствии подходящих законов в нормативном праве они легко прибегали к ненормативному праву прецедентов, как это и происходило при регулировании получивших значительное распространение на монастырских землях форм условного землевладения.

Глава III

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОНИИ

Выше говорилось, что прония, означая попечение над землей и крестьянами, может трактоваться как условная земельная собственность, но не в рамках классического, а в рамках вульгарного римского права. Однако, это пока лишь гипотеза, которую в данной главе предстоит подробно обосновать. Даже предварительное ознакомление с поздневизантийским актовым материалом показывает, что в правовую структуру, основанную на классическом римском праве и доминировании в нем полной безусловной собственности, прония никак не вписывается. Она остается загадочным феноменом для историков и правоведов. Прония как бы является пожалованием налоговой квоты (*ποσότης*) с определенной территории. В силу этого этот институт должен был бы находиться в сфере фискального права. Однако упоминания о передаче *посотис* встречаются и в документах (жалованных императорских грамотах, посвященных пожалованию земли в собственность, в практиках, содержащих описание акта реального отведения земель, или же подтверждение прежних владельческих границ), относящихся к монастырскому землевладению, в отношении которого монастыри имели права полной земельной собственности, также нередко упоминается *посотис*, соответствующая размерам определенной земли. Наличие сильной государственной власти заставляло фиск при пожаловании земель в собственность и при передаче физическому или юридическому лицу налогов с соответствующей территории, что оформлялось в форме пожалования податного иммунитета, фиксировать уступленную налоговую сумму, обозначаемую *посотис*. Частно-правовые отношения и частно-правовая рента, сходные по структуре и по социально-экономической функции с западноевропейскими чиншами также были распространены в

Византии и играли немалую роль, но налоговая эксплуатация в условиях централизованной власти имела преимущественное значение, что отражено в публично-правовых документах, в которых, повторяем, наблюдалась очевидная тенденция к фиксации налогов. Данная особенность являлась важным фактором механизма функционирования и воспроизводства византийской цивилизации, поскольку сильная государственная власть и централистские тенденции составляли одну из специфических черт этой цивилизации. При этом фискальное право мало изменилось на протяжении времени, сохранялись основные его тенденции, в то же время возникали новые платежи. Огромная роль фискального права в раскрытии содержания понятия пронии не проясняет, однако, это понятие до конца. Правовой статус названного института, несмотря на многочисленные исследовательские усилия, остается достаточно запутанным. В целом, правовой и реальный статус пронии регламентировался правом прецедентов. Это означает следующее. Юридические, экономические и фискальные права каждого прониара в отношении его пронии складывались в зависимости от его индивидуального положения в обществе, степени приближения к императору, личного могущества, занимаемой должности. Но было и много общего в положении прониаров. Повторяем, высказанное в предыдущей главе положение, согласно которому прония — это такое попечение над территорией, при котором правовой статус пронии находил свое выражение в так называемом вульгарном праве, пока еще лишь гипотеза, которую в данной главе предстоит аргументировать. Мы обращаемся к материалу актов, содержащем, по нашему мнению, сведения, необходимые для выстраивания соответствующей аргументации. Попутно рассматриваем некоторые наиболее существенные суждения по данному вопросу.

Проблема византийской пронии отнюдь не была обойдена исследовательским вниманием. Но это, как отмечалось, не означает, что все относящееся к ней вопросы являются решенными и что существует согласованность и единообразие даже в постановке исследовательских задач. Данное обстоятельство связано с разными исследовательскими позициями, разными оценками тенденций развития империи в целом. Единственно, что на данный момент представляется бесспорным, — это убежденность исследователей в том, что прония, по крайней мере, с XIII в. (а вернее, и ранее, при Комнинах), играла в Византии огромную роль.

В большинстве работ прония рассматривается в рамках определенного хронологического периода, например, в X–XIII вв., в других — изучается

поздневизантийская прония¹. Но имеется и хорошо известное обобщающее исследование Г. Острогорского², в котором прония прослеживается на протяжении всей византийской истории и по существу трактуется как временное и условное владение землей.

Нам представляется важным такой подход к изучению общественных отношений, который позволяет осуществить исследовательскую ретроспекцию, а именно делает возможным изучение института в определенный период его существования с учетом знания тех его особенностей развития, которые в полной мере и в явной форме проявились позднее. Подобный подход дает возможность обнаружить в явлении в ранний период его развития те черты, которые были исторически перспективными и имели наибольшее историческое значение. Возможно, что ранее эти проявления носили еще скрытый характер и не играли той роли, которую они получили в дальнейшем. Знание исторической перспективы позволяет, таким образом, выявить дополнительную информацию и с помощью ее обнаружить определяющие тенденции развития. Подобный ретроспективный взгляд на функционирование социально-правовых институтов, по-видимому, должен оказаться плодотворным в отношении изучения византийской пронии. Сведения источников, характеризующие ее в

¹ Ahrweiler H. La Pronoia à Byzance: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident Méditerranéen (X–XIII siècle). Paris, 1980; Glykatzi-Ahrweiler H. La consession des droits incorporels. Donations conditionnelles // Actes du XIIe Congrès International des Études Byzantines. Beograd, 1964. T.II; Eadem. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) // Travaux et Memoires. 1965. 1; Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium: From the Origin to the twelfth century. Galway, 1979. P. 231 sq.; Осунова К. А. К вопросу о роли государства в утверждении феодализма в Византии // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress; Resumées der Kurzbeiträge. Wien, 1981. 4.1; Ostrogorsky G. Die Pronia unter den Komnenen // Сборник Радова. Византологски институт (далее ЗРВИ). 1970. 12; Idem. Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // ЗРВИ. 1973. 14–15; Острогорски Г. Још једном о пронијарима Куманима // Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977; Carile A. Sulla pronioia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista latina // ЗРВИ/ 1975. 16; Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. М. 1968; Максимовић Љ. Пронијари у Трапезундском Царству // Сборник Филозофског факултета у Београду. 1974. XII, 1; Сюзюмов М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнина // вв. 1957. 12.

² Острогорски Г. Пронија: Прилог историји феудализма у Византији и јужнославенским земљама. Београд, 1951.

XI–XIII вв., немногочисленны и оставляют много неясностей. В то же время от XIV в. сохранились данные, которые не только позволяют проследить развитие и изменения прони в это столетие, но и дают возможность выявить ряд ее неясных черт в более ранний период, помогают реконструировать типологические особенности этого института. Изучение прони, называемой в источниках также икономия, т. е. управление, целесообразно проводить в тесной связи с рассмотрением общей системы византийского управления и с учетом характерных черт византийской политико-правовой доктрины, византийской ментальности и с учетом семантики выражения «прония».

Внимание исследователей привлекло упоминание о прони в так называемом трактате об обложении, опубликованном И. Караяннопулосом и относящемся, видимо, к XI или XII в. В нем упоминаются *τὰ προνοιατικά*³. Исследователи полагали, что имеются в виду налоги с земли, пожалованные стратиоту или чиновнику за исполнение им государственной службы. Считалось, что отличительной особенностью пожалования является то, что оно подразумевало передачу лишь фискальных прав, т. е. тех, которые ранее принадлежали государству. Ученые полагали, что все другие права на данную территорию не были объектом пожалований⁴. Данная концепция предлагает наличие в Византии четкого разграничения между публично-правовыми и частноправовыми (экономическими) функциями и соответствующими доходами. Подобное этатистское воззрение, по-видимому, в точности воспроизводит византийскую политико-правовую доктрину, согласно которой различалось государственное и частное управление. Это разграничение нашло свое яркое выражение у Иоанна Дамаскина, общее понимание управления которого восходит к Аристотелю⁵.

Выше мы говорили о том, что четкое разграничение публичных и частных прав в Византии прошло несколько этапов в своем развитии. Но и в ранней Византии, когда подобное разграничение было наиболее действенным, когда запрещался частный патронат, вряд ли можно считать, что в реальности

³ Karajannopoulos I. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion / Festschrift Fr. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S.322. 56–58.

⁴ Ahrweiler H. La pronoia... P. 683, 684; Eadem. La consession des droits incorporels... P. 110; Cp. Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. P. 232; Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues // Actes de Lavra / Ed/ A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos. Paris, 1982. Vol.IV. P. 164–171. (Далее: Actes de Lavra. Vol.IV).

⁵ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ πηγὴ γνώσεως// PG. Vol.94. Col.533.

подобное разграничение было абсолютным. Об этом свидетельствуют императорские новеллы, о которых подробно писали П.Лемерль и другие ученые и о которых говорилось в первой главе. Факт издания этих новелл уже сам по себе свидетельствует о постоянных нарушениях названного принципа. Восходящий к эпохе домината характер византийской государственной власти обеспечивал централизм, существенно отличавшийся от централизма последующих постсредневековых эпох. Византийский централизм, как и централизм, свойственный древним империям, был способен обеспечить разветвленный бюрократический аппарат, сборы налогов, но в социально-экономических и информационных условиях средневековья не было возможностей повлиять на характер взаимоотношений в любой провинции и в каждом домене. При этом вся политика византийского государства была направлена на сохранение разграничения частного и публичного прав.

Зонара упрекал Алексея I Комнина в том, что он правил не как император, а как господин. Никифор Григора различал управление государством по обычаям ромеев и собственностью по образцу латинян⁶.

⁶ *Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie: Von Procop bis Nicetas Choniates. München, 1971. S.144; Gregoras N. Byzantina Historia / Ed. L. Schoepen, T. Bekker. Bonnæ, 1829. Vol. I.:P. 233, 18.* Начало этой политики восходит к эпохе Диоклетиана и созданию византийской фискальной системы, многие принципы которой (естественно, в измененном виде) просуществовали до конца империи. В этот период возникли значительные prerogative центральной власти в отношении земель подданных (*Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. P. 7*). Византийское государство в дальнейшем широко пользовалось подобными prerogative. Некоторые византинисты связывали значительные права государства в отношении частной собственности с понятием государственной собственности на землю, подразумевая под ним, главным образом, те формы ограничения частного землевладения, частной инициативы, которые были характерны для империи начиная с X в. Говорилось даже о праве государства конфисковывать земли подданных в случае государственной необходимости. Об этих воззрениях см.: *Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X–XI вв. // вв. 1975. № 34.* Автор справедливо возражает против названных взглядов. Частично можно согласиться с мнением Н. Звороноса, согласно которому известные факты превращения земель, принадлежавших на правах собственности монастырям, в государственные означали, во всяком случае юридически, не конфискацию их, а прекращение привилегированного состояния, связанного с освобождением от уплаты налогов, ликвидацию налоговой экскуссии (*Actes de Lavra. Vol.IV. P. 52, 53*). Однако иногда земли действительно отбирались. Это происходило в период обострения внешней обстановки и всегда рассматривалось как экстраординарный казус. Обычно земли затем возвращали или обменивали на другие. Далее, вряд ли спра-

Смешение форм частного и публичного управления угрожало ослаблению государственной власти, поэтому на ограничение частного патроната были нацелены многие усилия византийских властей. Однако эта политика всегда была противоречивой, так как сочеталась с мерами, способствовавшими укреплению частноправовых отношений, а, следовательно, с созданием предпосылок к переплетению частноправовых и публично-правовых функций управления⁷. Особенно характерны задача имунитетных привилегий и пожалование земель в полную собственность. Впрочем, последние, несмотря на многочисленные заверения в противном, содержащиеся в императорских грамотах, оформляющих соответствующие пожалования, вовсе не были прочными и снабженными настоящими правовыми гарантиями. Привилегии не только могли отменяться, но по сравнению с западноевропейским имунитетом они были более ограниченными. На протяжении всей истории империи и особенно в XIV–XV вв. распространялась практика возвращения монастырских земель в ранг налогообязанных и их временная конфискация.

Сущность самой прони также была противоречивой. Необходимо различать ту роль, которая отводилась ей государственной властью и ее реальное функционирование. Она, видимо, рассматривалась как одно из средств сохранения и поддержания четких границ между государственным управлением и частным патронатом, сближаемым византийским правосознанием с частной собственностью, и означала пожалование лишь публично-правовых функций, связанных с взиманием налога. Из

ведливо относить распространение тенденции, связанной с преимущественным влиянием публичного права и ролью государства только к периоду начиная с X в. Это явление восходит к государственному порядку, созданному реформами Диоклетиана и отмечалось уже такими исследователями римского права, как Е. Леви и М. Казер. Последний даже писал о том, что в постклассический период возникла ограниченная собственность частных лиц, что может быть интерпретировано, как государственная собственность. См.: Kaser M. *Das römische Privatrecht*. München, 1959. Bd. II. S.189–190. Ср. также: Levy E. *West Roman Vulgar law: The Law of Property*. Philadelphia, 1951. P. 111, 119. Преемственность эпохи IV в. с последующим развитием империи справедливо подчеркивала Е. Э. Липшиц (Липшиц Е. Э. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. // ВО. 1971. С. 107, 109). Именно в IV в. происходит в Восточной Римской империи ограничение частного патроната (Lemerle P. *Agrarian History of Byzantium*. P. 11). Вся дальнейшая история Византии показывает, что прония имела в этой борьбе не последнее значение.

Максимиовић Љ. Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972. С. 74–95.

этого не следует, что юридически прония сводилась только к пожалованию налога, хотя это непосредственно засвидетельствовано многими источниками. В рассматриваемое понятие вкладывался еще и иной смысл: делегирование некоторых прав попечения или управления (икономия), объем которых зависел от социального статуса получателя. Как некоторое попечение в отношении территории, рассматривал пронию М. Я. Сюзюмов⁸. Выражение τὰ προνοιατικά, по-видимому, подтверждает это представление. В то же время, данное выражение в трактате об обложении никоим образом не расшифровывается. Пролить некоторый свет на выражение τὰ προνοιατικά помогают источники более позднего времени. Я имею в виду *практики* XIV в., содержащие периорисмы владений Лавры св. Афанасия и Ивирского монастыря, где в перечне владений, соседних с монастырскими, упоминаются τὰ προνοιατικά δικάια⁹. Иногда в *практиках* упоминаются и сами прониары, и эти данные лишний раз свидетельствуют о том, что ими могли быть как лица знатного происхождения, так и представители более низкого социального статуса¹⁰.

Очевидно, передача какому-либо чиновнику, военачальнику или стражи земель в качестве τὰ προνοιατικά δικάια являлась не только пожалованием налога, но и отчуждением некоторых принадлежащих государству прав на соответствующую территорию. Согласно византийской официальной политико-правовой доктрине, подданные платили государственные налоги в силу прав попечения, которые принадлежали императорской власти в отношении территории и живущего на ней населения, т. е. в силу императорской пронии, которая восходила к божественному провидению. Следовательно, пожалование прониару

⁸ Сюзюмов М. Я. Указ. соч. С. 60. Ср. Осипова К. А. Указ. соч. 4.1.

Actes de Lavra. P., 1977. Vol. II, N 72. P. 14.42; N 79. P. 48–49. 13.15; Vol. II. N 90. P. 84. 139; P. 85. 142, 144, 160; P. 87, 184, 196; p.89, 229, 233, 245; P. 91.280, 283; N 108. P. 191. 213, 216, 219; P. 192.239; p.193. 257–58; P. 194. 286. Наряду с этим встречаются выражения: τὰ προνοιατικῶς (Ibid. N 90. P. 79.9; N 108. P. 197. 369); δικάων στρατιώτου (N 108. P. 196. 349–350); τὰ προνοιατικῶς κατεχόμενα (N 108. P. 199.422); Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Neue Folge. München, 1949. H.28. A.422.

¹⁰ Об этих традициях по отношению к более раннему периоду см.: Angold M. A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicea (1204–1261). L. 1975. P. 125, 126; Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) // Travaux et Memoires. P., 1965. 1. P. 157.

налога означало отчуждение в его пользу прав попечения, которые реализовывались во взимании налогов с населения соответствующей территории. Как отмечает Г. Хунгер, в Греции эллинистического периода понятие пронии распространялось и на чиновника, однако в византийскую эпоху она в этом значении не встречается¹¹. Этот вывод не представляется абсолютно точным. Упоминания τὰ προνοιατικά в трактате об обложении и τὰ προνοιατικά δίκαια в практиках, как видно, свидетельствуют о том, что соответствующие понятия предполагали пожалование прав попечения чиновникам и стратиотам, без которого передача налога не имела юридических гарантий¹².

В хрисовуле Михаила IX Палеолога от 1310 г., адресованном Ивирскому монастырю на Афоне, говорится об императоре как покровителе подданных в интересах общей пользы¹³. Введение пронии, возможно, и преследовало цель образования института, который создавал бы в свете действующего права надежные юридические гарантии для распространенной в Византии и имевшей традиции формы оплаты службы чиновников и стратиотов, состоявшей в отчислении налогов с определенной территории¹⁴. Возник, таким образом, специфический вид попечения, основанного на государственной инициативе и носящего публично-правовой характер. Естественно, этот институт должен был противостоять частному попечению и усиливать свойственную византийскому политико-правовому сознанию тенденцию к четкому разграничению функций государственного публично-правового управления и частноправовой деятельности и соответствующих доходов. О том, что прония с самого начала предполагала попечение ее получателя над известной территорией, свидетельствуют, по-видимому, не только τὰ προνοιατικά трактата об обложении и τὰ προνοιατικά δίκαια практиков XIV в., т. е. сведения источников, сравнительно недавно привлеченных для изучения интересующего нас института, но и давно известное упоминание о пронии у Анны Комнины¹⁵. В этом фрагменте прония встречается дважды и в разных

¹¹ *Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden.* Wien, 1964. S. 85 f.

¹² Именно юридические, реальные гарантии определялись конкретной социально-политической конъюнктурой и взаимоотношениями с императором.

¹³ *Actes d'Iviron*, vol. III / Ed. par Lefort J. Oikonomidès N. Papachryssanthou D., Kravari V. P., 1994. P. 184. 6–7; 13–14.

¹⁴ О традициях см., например: *Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium.* P. 233.

¹⁵ *Annae Comnenae Porphyrogenitae Alexias.* Lipsiae, 1884. II. 292. 22–25.

значениях. С одной стороны, это та прония, которую император осуществляет по отношению к подданным, а с другой — та, которая, так сказать, отчуждена, отделена (ἀφορίζω) в пользу отдельных лиц, пожалована им.

Права попечения, реализуясь в получении налогов с крестьян, превращались в совокупность прав в отношении этих последних. В этом смысле характерны недавно опубликованные практики 1321 г., содержащие опись владений в феме Фессалоники, пожалованных в икономию членам фессалоникийского аллагия (военного подразделения) Михаилу Саванти и Николаю Марули. Среди их владений преобладают держания зависимых крестьян-пáриков¹⁶.

Право прониаров на получение налогов с территории позволило Н. Икономидису провести определенные параллели между пронией и налоговым иммунитетом. Но такое сходство было чисто внешним. В юридическом отношении прония и иммунитет — понятия диаметрально противоположные¹⁷. Прония — это передача функций публично правового попечения, а налоговый иммунитет — привилегия, предоставляемая собственникам земли.

Итак, представления о пронии, по-видимому, непосредственно дедуцировались византийцами из постулатов официальной политико-правовой теории. Возможно, именно поэтому она не нашла четкого юридического оформления в византийских правовых документах, но рассматривалась как институт, вполне согласующийся с существующим правопорядком. Однако то обстоятельство, что она представляла собой попечение, связанное с управленческими функциями (икономия) по отношению к населенной зависимыми крестьянами территории, привело на практике к тому, что прония эволюционировала по пути превращения в условную земельную собственность, понимаемую как таковая в рамках вульгарного, но не классического римского права¹⁸. Предпосылки этой эволюции содержались уже в пронии IX–XII вв., отражавшей специфичность

¹⁶ Actes de Xénophon / Ed. D.Papachryssanthou. P., 1986, N 15. P. 139–140; N 16. P. 143–144. В этом плане интересны и другие практики прониаров. См.: Schreiner P. Zwei unedierte Praktika aus der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts // JÖB, 1970. 19. P. 33–49. О них см.: Oikonomidès N. Notes sur un *praktikon* de pronoiaire // Travaux et Mémoires. P., 1973. 5. P. 335–346.

¹⁷ Oikonomidès N. The Properties of the Deblitzenoi in 14th and 15th Centuries // Charanis Studies. New Brunswick, 1980. P. 178.

¹⁸ Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologis libri XIII / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1855. Vol. 1. P. 97.21; Острогорски Г. Пронија... С. 124–127; Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа... С. 99, примеч. 171. Наследственные права

византийской социально-политической системы и противоречивый характер внутренней политики императоров. Но наличие соответствующих тенденций в ранней пронии становится особенно заметным благодаря ретроспективному изучению документов эпохи Палеологов, когда произошли очень важные изменения в статусе прониаров и пронии, которая нередко становится наследственной.

Распространяются случаи сочетания в руках держателя пронии (или владения, не названного так, но по своему статусу не отличающегося от нее) публично правовых и частноправовых функций, т. е. прав управления, которые соединяются с реальными экономическими правами. Хорошо известны отнюдь не единичные факты пожалования территории в наследственное (или на срок жизни) владение и управление определенному лицу¹⁹ Хрисовульный орисмос Иоанна V Палеолога, согласно которому, Мануилу Сергопулу — хранителю печати — до конца жизни получателя на условии исполнения службы пожалован

в отношении территории в правосознании византийцев связывались с родовой собственностью. См.: *Gregoras N. Byzantina Historia. Vol.1. P. 233.18.*

¹⁹ В этом плане неоднократно интерпретировались аргировулы Морейского деспота Феодора, согласно которым Георгию Гемисту Плифону были пожалованы город Фанарион и село Врисис. См.: *Острогорски Г. Прония... С. 124–125; Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа... С. 99.* Аналогичным было пожалование деспота Константина Палеолога Димитрию Мамону Григоре (*Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа... С. 99*). Характерен в этом отношении дар Георгию Сфрандзи (Там же. С. 100). В этой связи можно было бы отметить и следующие пожалования. Иоанн VI Кантакузин передал в 1349 г. своему приближенному (οἰκεῖος) Димитрию Девлицину в наследственную икономию посотис в 100 перперов, соответствующую владениям в Хермилее (*Actes de Docheiariou / Ed. N.Oikonomidès. P., 1984. N 26. P. 185*). Согласно хрисовулу Андроника IV Палеолога от 1378 г., Мануилу Тарханиоту передается на срок жизни община Лоротон в Каламарии за службу с тем, чтобы она после его смерти на тех же условиях перешла его сыну Иоанну Тарханиоту, причем ранее Лоротон принадлежала Георгию Цамплаку и его покойному брату, а часть общины была пожалована простагмой Мануилу Раулю Кустугианису. Документ наглядно иллюстрирует движение земель, статус которых не отличается от статуса наследственной пронии (хотя ее обозначение отсутствует). (См.: *Actes de Lavra. Vol. III, N 149*). По данным хрисовула Иоанна V Палеолога от 1351 г., икею императора Георгию Кацаре передается в качестве наследственного владения земля в 2400 модиев в Каламарии, соответствующая его икономии в 48 перперов. Наследники настоящего владельца должны будут выполнять соответствующую службу (*Actes de Docheiariou. N 27. P. 188*).

остров Мармара, интересен в нескольких отношениях²⁰. В нем, хотя и не называется прония (как это часто бывает в подобных пожалованиях), но в отличие от других пожалований с аналогичным содержанием используется другое выражение в том же смысле: ἐπιτελοῦμενος²¹, содержание которого раскрывает текст. Чиновник должен заботиться об обороне острова и прочих условиях жизни, и в этих целях, как и другим получателям наследственной пронии-икономии, дается право проводить на пожалованной территории различные «улучшения» доступными ему способами²².

Приведенные выражения вовсе не свидетельствуют о том, что прония — собственность. Во всяком случае, она ни в коей мере не является собственностью аналогичной монастырской собственности. Но, тем не менее, очевидно наличие прав фактического контроля над землей, что в рамках вульгарного права, смешивавшего собственность и владение, может быть аргументом для того, чтобы признать пронию такого рода владением или условной ограниченной собственностью.

Доходы Сергопула не исчисляются в *посотис*, а остаются нелIMITированными, они могут непосредственно зависеть не только от количества налогоплательщиков, но и от урожая. Из других источников того же времени нам известны десятины зевгарей и десятина урожая²³ — подати, имевшие смешанный. т. е. одновременно публично- и частноправовой характер. Согласно рассматриваемому документу, упомянутому лицу дается право на преимущественную покупку продуктов у местных жителей, что также могло вести к расширению частных прерогатив²⁴.

Четкое разграничение между государственным и частным управлением, свойственное византийскому правосознанию, на практике нарушается. Соответственно по отношению к XIV в. и доходы от земли не могут быть с предельной точностью разделены на государственные налоги и ренту

²⁰ Magdalino P. An unpublished Pronia Grant of the Second Half of the Fourteenth Century // ЗРВИ, 1978. Т. XVIII. P. 155–163.

²¹ Ibid. P. 157.9. Cp.: Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. P. 1968. N 2, P. 45–46.

²² Magdalino P. Op. cit. P. 157.8. Cp.: Actes de Docheiariou. N 27. P. 188, 18–19.

Actes de Lavra. Vol. III, N 155. P. 134.24, 29–30; P. 133, примеч. издателей; N 159. P. 147.32.

²⁴ Мы не знаем, соблюдался ли в XIV в. порядок, запрещающий парикам продавать земли прониарам, существовавший в Никейской империи и восходящий по своим принципам к экономической политике императоров X в. (Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata Graeca Medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1890. Vol. IV. P. 199). (Далее: MM); Angold M. A Byzantine Government in Exile. P. 141.

частноправового характера, хотя формально-юридически попытки к подобному разграничению по-прежнему предпринимаются. Согласно хрисовулу Иоанна VII Палеолога, Лавре, как и другим крупным монастырям, пожалована часть десятины с урожая на Паллене-Кассандре. После смерти дарителя Лавре переходит соответствующая часть самой земли: общины, где работают упряжки волов, и сами эти упряжки, весь доход с урожая и государственные налоги²⁵. В этом документе налог и доход по традиции разделяются, кстати, десятина от урожая не идентифицируется с налогами, являясь сбором смешанного публично- и частногоправового характера. В документах XIV–XV вв., как и в документах вульгарного периода в развитии римского права, отсутствует терминологическая точность: понятия «посотис» и «владение» как бы подменяют друг друга. Если в актах, содержащих пожалование в пронию, говорится о праве на владение, то в документах, оформляющих пожалование монастырям земель в собственность, указывается на передачу *посотис*²⁶.

Подобному переплетению представлений об управлении и владении способствовали в эпоху Палеологов реальные процессы приватизации функций управления, связанные с усилением противоречивых тенденций в политике императоров. Именно в этот период за счет крупных земельных пожалований со стороны государства особенно выросло крупное, в частности, монастырское землевладение, распространились апанажи²⁷, отпали всякие ограничения, чинимые ранее собственникам в привлечении на их земли крестьян. Как и ранее, существовали названные два противоречащих друг другу направления экономической политики государства. Византийская власть балансировала между двумя политическими и общественными силами, составлявшими ее социальную базу: высшей бюрократией и земельной аристократией. Преимущественное развитие того или иного направления в политике зависело от многих факторов: соотношения сил в составе правящей элиты, реальных возможностей того или иного императора, внешней обстановки.

В целом, как отмечалось, в эпоху Палеологов в экономической политике возобладала тенденция к поощрению роста крупной, особенно монастырской собственности. В этой связи характерны многочисленные свидетельства пожалования монастырю бывших проний или замены монастырских

²⁵ Actes de Lavra. Vol.III, N 159. P. 148.33–34.

²⁶ Ibid. N 122. P. 17.6.

²⁷ Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа... С. 12.

земель на прониарские, тогда как монастырские возвращались в казну; при этом обмен совершался, по-видимому, с учетом интересов монастыря²⁸

О том, что пожалованные в XIV в. прониару права попечения уже не только реализовались в получении налогов, но включали возможности создавать на соответствующей территории условия для разнообразной экономической деятельности, свидетельствуют упомянутые выше практики 1321 г., содержащие опись владений прониаров — членов фессалоникийского аллагия. Хотя большая часть их икономий состояла из держаний páриков, им принадлежали также покинутые земли и владения, которые передавались вместо икуменона (налога)²⁹ Эти территории, не находящиеся в держании у крестьян, эксплуатировались или путем сдачи в аренду, или с помощью барщины, о которой в практиках имеются специальные упоминания³⁰. Мы встречаемся с использованием для наименования пронии термина «деспотейя»³¹.

В подобных ситуациях пожалование прониарам прав попечения или управления состояло, по существу, в передаче всех тех прерогатив, которыми обладал собственник в рамках вульгарного римского права. Новый взгляд на попечение не получил, однако, адекватного юридического выражения в документах, в которых, как уже говорилось, продолжались делаться попытки к разграничению государственного управления и частного владения.

Материалы архивов Дохиарского и Ксенофонтского монастырей показывают, что в XIV в. прониар, по существу, распоряжался землей, переданной ему в пронию. Он передает землю монастырю, сдает в аренду, продает, и в этом случае права монастыря на нее представляют собой своеобразный вид условной собственности. Возникают случаи совладения монастырей и прониаров³². По мнению издателя Дохиарских актов

²⁸ Actes de Lavra. Vol.III, N 128. P. 37.29; N 161. P. 156–157. 1–7. В документе, сфабрикованном, по мнению издателей, на основе нескольких ранее изданных практиков, также говорится о пожаловании монастырю части пронии (Actes de Lavra. Vol. III. Appendice XVIII. P. 219.34–35). Но и от более раннего времени мы имеем множество свидетельств подобной практики. См.: *Острогорски Г. Пронија...* С. 34. Ср.: Actes de Lavra. Vol.II. N 97. P. 131.6.

²⁹ Actes de Xénophon, N 15. P. 140.17, 20, 21; N 16. P. 143.21–24, 25; P. 144.25.

³⁰ Ibid. N 15. P. 140.30–31; N 16. P. 144.29.

Actes de Kastamonitou / Ed. Oikonomidès N. P. 1978. P. 28.8.

³² В этом отношении характерны следующие документы: акт передачи прониаром Дохиарскому монастырю от 1313 г. нескольких покинутых харафиев и виноградника. Монастырь должен владеть этими землями и извлекать из них

Н.Икономидиса, подобные передачи происходили с целью обеспечения со стороны монастырей условий для экономической деятельности населения, платящего налоги, которые были уступлены со стороны государства прониарам за их службу³³. Из этого следует, что обычно прониары сами создавали эти условия, проводя икономию, управление и попечение, осуществляемое от лица государства, и пользуясь *посотис*, о чем свидетельствуют их экономические конфликты с монастырями³⁴.

Обычно пожалование земли в пронию влекло за собой усиление эксплуатации налогоплательщиков. Именно этим, видимо, объяснялось то негодование, с которым описывал распространение этого института при Мануиле Комнине Никита Хониат³⁵. Юридически в пронию, равно как и в безусловную частную собственность, могли быть пожалованы или принадлежащие казне держания *пáриков*, или пустующие земли. В период Палеологов часто передавались именно последние, на которых собственник или прониар получал право селить элевтеров. Но на практике в орбите прониара оказывались иногда и мелкие собственники³⁶. Попечение, осуществляемое прониаром, было весьма ощутимым и нередко вызывало протест³⁷. Дохиарский и Ксенофонтский монастыри, в распоряжение которых в XIV в. прониары передавали свои пронии, фактически

любой доход до тех пор, пока даритель и его дети имеют пронию. См.: *Actes de Docheiariou*. N 13. P. 125. 5–7. Характерно в данном случае по отношению ко временному владению использование стандартной формулы: «ἀλὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ εἰς ἕξης». Аналогичного содержания и акт 1314 г. передачи прониарских земель монастырю, осуществляемой двумя прониарами (см.: *Ibid.* N 14. P. 127.6; N 22. P. 164.6). Аналогичный случай засвидетельствован в акте 1364 г. передачи дочерью умершего прониара наследственной пронии монастырю Ксенофонта (*Actes de Xénophon*. N 30. P. 213.24–25). О пожаловании прониарами монастырю своих проний свидетельствует и практик, составленный апографевсом Константином Макреном от 1338 г. и содержащий опись владений Ксенофонтского монастыря (*Ibid.* N 25. P. 195.110–111). Известны факты сдачи прониарами их проний в аренду монастырю (*Ibid.* N 6. P. 97.9, 15) и случаи продажи ими своих проний, а также последующей их конфискации Андроником III (*Ibid.* N 23. P. 117.8–9).

³³ *Actes de Docheiariou*. P. 126.

³⁴ Острогорски Г. Пронија... С. 23 и след.; *Actes de Docheiariou*. N 31, N 35.

³⁵ *Nicetae Choniatae Historia* / Ed. J. A. Van Dieten. Berolini, 1975. P. 208.

³⁶ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 108; *Lemerle P. Agrarian History of Byzantium*. P. 238.

³⁷ О борьбе монастыря Лемвиотиссы и прониаров за *пáриков* см.: Острогорски Г. Пронија... С. 43 и след.

сосредоточивали в своих руках те публично правовые prerogatives, которые юридически были пожалованы прониарам как временное отчуждение в их пользу определенных государственных функций.

Известны и другие примеры, когда функции попечения над территорией государством, причем непосредственно, а не в результате передачи прониарами, возлагались на монастыри, что, естественно, также способствовало возникновению смешанных частноправовых и публично правовых отношений на соответствующих землях, соединению владельческих и управленческих функций. И это влекло за собой появление определенных видов доходов смешанного характера. В дополнение к сведениям подобного рода, рассмотренным в первой главе, добавим, что согласно хрисовулу Иоанна V Палеолога от 1345 г., Лавра св. Афанасия получает старую крепость Контия и прилегающую к ней землю Трихисана на острове Лемнос³⁸. Ранее эти территории являлись императорским зевгилатием³⁹. Это был своеобразный вид условных пожалований, осуществляемых в пользу не прониара, а монастыря. Крепость и земля передаются ему при условии восстановления крепости и поселения на соответствующей территории людей (ἀνθρώπους), обязанных нести службу по охране острова⁴⁰. В XIV в. в условиях чрезвычайного обострения внешней обстановки крупный монастырь, располагавший многочисленными метохами и прочими владениями в разных районах империи, в том числе и укрепленными сооружениями, имел возможность защитить население от нападения врагов и тем самым создать условия для их экономической деятельности и уплаты налогов. Владельцы мелких и средних проний, включавших земли сельской округи, нередко были лишены таких возможностей и вынуждены были передавать земли монастырю. Подобные факты сосредоточения в руках монастыря частноправовых и публичноправовых функций попечения — яркий пример византийского пути развития феодальных отношений. Прониары, передававшие свою пронию Дохиарскому монастырю, ограничивались получением посотис. Их неспособность в известных случаях обеспечить поступление налогов — определенный симптом кризиса данного института.

³⁸ Actes de Lavra. Vol.III. N 126. P. 31.3–4; N 127. P. 34.5–6.

³⁹ Ibid. P. 34.6.

⁴⁰ Ibid. P. 34.7–8, 18. Известно аналогичное пожалование земли монастырю Дионисия, которому также вменялось в обязанность построить пирги и организовать охрану территории. См.: Actes de Dionysiou. N 13. P. 91.4–5; N 17. P. 106.4–5.

Эпоха Палеодогов обычно рассматривается как период дальнейшего развития прони. Но во время внутренних потрясений и обострения внешней опасности она временами оказывалась нежизнеспособной, о чем свидетельствует и огромная мобильность прав на землю, их перемещение из рук прониаров государству и монастырям. Хотя по отношению к тому же периоду известны многочисленные противоположные факты, а именно временные ограничения и ликвидация податных привилегий монастырей, подчинение их земель фиску и пожалование налогов с территорий прониарам⁴¹, а также временная конфискация

⁴¹ По хрисовуле Иданны VII Палеолога от 1404 г., подтверждаются права Лавры на деревню Дримосирта, расположенную в Каламарии. Однако половина владения в течение определенного времени была подвластной фиску вследствие неблагоприятных обстоятельств (см.: *Actes de Lavra*. III. N 155. P.:134.18). Речь идет о мерах Мануила II, связанных, по мнению Н.Звороноса, с пожалованием прониарам налогов с монастырских земель, тогда как собственнические права на них сохранялись за монастырями (Svoronos N. *Le domaine de Lavra*... P. 52–53). Г. Острогорский, однако, полагал, что изъятию подлежали сами земли, передаваемые во владение прониарам (*Острогорски Г. Пронија*... С. 109–110). Ср.: *Мошин в. Акти из светогорских архива* // Споменик. Српска Академја наука. Београд. 1939. N 91. С. 165–167. Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые (*Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick, 1969.: P. 17. Not. 41; *Ђурић И. Сумрак Византије*. Београд, 1982. С. 189, примеч. 33). Не исключено, что хотя юридически прониарам передавались только налоги с монастырских владений, но на практике это приводило к потере монастырем реального контроля над землей как таковой, чему способствовали как реальные процессы приватизации управления, так и смешение представлений о публичном и частном его характере. Тенденция к распространению этих форм правовой ментальности хотя и укрепилась в эпоху Палеодогов, но известна и по источникам XI в. Интересен документ из архива Дохиарского монастыря, свидетельствующий, что право собственности на землю в сознании византийцев ассоциировалось с уплатой с этой земли налога. Неуплата налога воспринималась как отсутствие собственнических прав (*Actes de Docheiariou*. N 2). О сложных взаимоотношениях монастыря и фиска в начале XV в. свидетельствуют акты апографевсов, совершающих обмен земель Лавры на земли казны (*Actes de Lavra*. Vol. III. N 161, N 165). При этом указывается, что лавриоты должны быть свободны от податей в пользу прониаров. Факты временного перевода земель монастырей в ранг казенных, означающие отмену податных привилегий, а возможно, и изъятие самих земель имели место не только при Мануиле II Палеологе, но и в более ранние, равно как и более поздние периоды византийской истории. Такие акции часто были связаны с пожалованиями налогов (обычно

монастырских земель. Иногда земля продолжала числиться как находящаяся в непосредственном ведении монастыря, однако этот последний должен был платить стратиотам и прониарам⁴². Чрезвычайная подвижность земельного фонда в XIV–XV вв. способствовала тому, что между различными видами земельных владений исчезают существенные различия, происходит как бы рецидив отношений, регламентировавшихся вульгарным римским правом. Все формы юридического отношения к земле, в том числе и монастырская собственность, могут быть по существу превращены в виды условной собственности. Такая ситуация отражала борьбу за землю как источник доходов — прежде всего налогов — между государством, прониарами и монастырями. Эта борьба обострялась нехваткой париков-налогоплательщиков⁴³, а также теми

временно) прониарам или стратиотам (*Actes de Lavra*. Vol. III, N 129. P. 41.6–7; N 130. P. 42.2; N 172. P. 195.4). Половина владений Дохиарского монастыря в Гермии была превращена в казенные при Иоанне VI Кантакузине и возвращена монастырю при Иоанне V Палеологе (*Actes de Docheiariou*. N 33. P. 203. Ср.: N 18. P. 142.12; N 21. P. 161). Иногда привилегированный статус монастырских земель, пожалованных прониару, восстанавливается после смерти последнего (*Ibid.* N 29. P. 192; N 3). Политика вмешательства фиска в распоряжение монастырской собственностью имела свои традиции. Подчинение монастырских земель ведомству по управлению императорскими владениями происходило в IX в. при Никифоре I. См.: *Острогорски Г.* История Византије. Београд, 1959. С. 194; Он же. *Пронија...* С. 24–25.

⁴² *Actes de Lavra*. Vol. III, N 131. Согласно акту о передаче владений, составленному апографевсами в пользу Дохиарского монастыря, последнему передается ряд владений в Каламари, специально фиксируются налоги, которые монастырь должен платить прониарам (*Actes de Docheiariou*. N 53. P. 277.20). Иоанн V освобождает монастырь Лавры по просьбе его игумена от уплаты десятины стратиотам в районе Фксалоники (*Actes de Lavra*. Vol. III, N 131. P. 47).

⁴³ Парики, юридически являвшиеся наследственными держателями своих земель, в условиях нестабильности экономической жизни нередко бросали свой надел и переселялись в другие места. При этом они или по-прежнему числились налогоплательщиками по старому местожительству, или порывали с тягом и землей и пополняли число беглых париков и элевтеров. Вряд ли можно согласиться с И. Караяннопулосом, что в этот период играла существенную роль тенденция к превращению париков в свободных собственников. Об этом, по его мнению, свидетельствуют частые упоминания в практиках об ипостатиках, являвшихся одновременно париками и свободными собственниками (см.: *Karayannopoulos I.* Ein Problem der spätbyzantinischen Agrargeschichte // *JÖB*. 1981. 30. S.235–236). На наш взгляд, термин «ипостатик» был многозначным. Он ис-

сложностями, которые испытывало государство в осуществлении отдельных управленческих функций над различными территориями в период нарастающей внешней опасности. Получателям земли жаловалось право заселить территорию элевтерами, обеспечить уплату налогов. Соответственно преимущество было на стороне тех, кто лучше справлялся с данной задачей. И, видимо, несмотря на все перипетии и временный урон, таковыми оказывались монастыри. Об этом красноречиво говорят факты передачи проний монастырям самими прониарами. Таковы итоги длительной эволюции фактического и юридического отношения к земле в Византии.

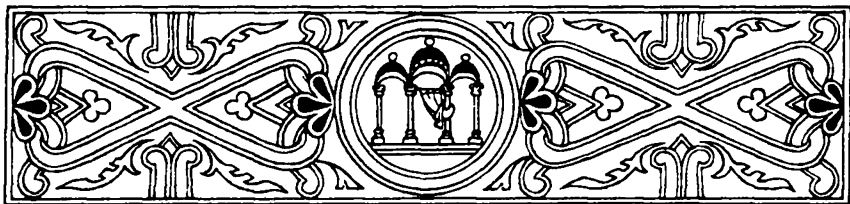
Смысл выражения «прония», состоящий в пожаловании чиновнику или стратиоту совокупности прав попечения в отношении территории и подданных, возникший в результате расширения семантического диапазона понятия пронии, обозначающего божественное провидение, императорское попечение, не является неожиданным. Иоанн Дамаскин вслед за Аристотелем рассматривал политическое управление как практическую философию⁴⁴. Это понимание подтверждается всей деятельностью византийцев в области правотворчества. Поэтому расширение смысла философско-богословской и политико-правовой категории «прония» и дедуцирование его на реальные отношения, появление новой назывной функции наименований «прония» и «икономия» — это один из примеров путей возникновения технических понятий и обозначений в Византии.

пользовался не только для того, чтобы обозначить собственников и соответственно таких париков, которые одновременно были и собственниками, но и для фиксации держателей парического надела (Actes de Lavra. Vol. III, N 139. P. 80.98; N 109. P. 273.901; Actes de Docheiariou. N 15. P. 130.5). Ипостатики — это иногда парики, получившие в держание чью-либо покинутую собственность-ипостась (Actes de Lavra. Vol. III, N 139. P. 81.125–126; Appendice. XVIII. P. 219.34–35). Говорить же о значительной роли тенденции к превращению парика в собственника путем приобретения им свободной от парических обязанностей собственности, которая затем играет доминирующую роль в его хозяйственной деятельности, затруднительно по отношению к эпохе с постоянным перемещением земли от одного владельца к другому в условиях обострения внешней опасности. В этот период происходит концентрация владений в руках крупных собственников. Мелкие собственники все больше и больше разорялись, об этом свидетельствует огромное число сведений о покинутых мелких ипостасях, о продаже земли монастырям.

⁴⁴ PG. T. 94. Col.532.

Прония, регламентируемая правом прецедентов, представляла собой совокупность правовых и социально-экономических казусов, составляющую содержание тенденции, характеризующей одну из особенностей цивилизации. Правовая и социально-экономическая информация перерабатывались таким образом, что правовые понятия, частично восходящие к вульгарному римскому праву, были включены в систему христианского правосознания.

Глава IV

САКРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Особенностью византийской цивилизации являлся сакральный характер социума, определяемый влиянием на его развитие идей восточной патристики. В позднее время заметным было влияние исихазма, идей византийского мистика XIV в. Григория Паламы. Согласно этим идеям, наряду с непознаваемой Божественной Сущностью признаются божественные энергии. Они ниспосылаются в мир благодаря действию содержащихся в них логосов — божественных идей-волений, восходящих к Логосу или Богу-Слову, и воспринимаются человеком в его жизненном опыте. Это восприятие осуществляется в силу присущей человеку синергии — его способности к взаимодействию с божественными идеями-волениями, в результате чего происходит обожение человека¹

Влияние этих воззрений на общественную жизнь проявлялось, в частности, в практике обозначений вновь развивавшихся социальных отношений, не нашедших адекватного отражения в традиционном правовом порядке, с помощью наименований, в семантическом диапазоне которых

¹ Лосский в. Н. Опыт мистического богословия восточной церкви. М., 1991. С. 75–77. У Иоанна Дамаскина энергии-воления определяются как творческая и предумышляющая причина всего мироздания (времени, места, зона и всей природы) — *Ioannes Damascenus. De duabus in Christo voluntatibus* // *Patrologiae cursus completus. Series Graeca* // Ed. J.P. Migne. Vol. 95. 160 B. (далее — PG); У Максима Исповедника говорится о *метексис* — приобщении человека к Богу. PG. Vol. 91. Col. 33. *Meyendorff J.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959. P. 43, 147, 179, 233, 257, *passim*.

имелся богословский смысл. Образование богословских понятий происходило путем использования выражений естественного греческого языка. Однако затем возникла так называемая обратная связь и некоторые существующие в богословии наименования под влиянием присущих византийцам идей энергий и синергий получили применение для обозначения развивавшихся процессов повседневности, не вмещавшихся в известные правовые нормы.

Наиболее характерными являются такие наименования, как *прония*, *анипостати*, *энипостати*, *телос*, *ипостась*, *икономия* и некоторые другие. Прония означает в переводе с древнегреческого заботу, попечение. В богословии — это важнейшая категория, означающая Божественный Промысел. В соответствии с богословскими идеями энергий и синергии, определявшими политическую ортодоксию византийцев, император, власть которого, согласно их воззрениям, имеет божественное происхождение, осуществляет пронию-попечение в отношении подданных². При этом в своей деятельности император подражает Богу³. Равно как и всякое государственное управление, это означает синергию⁴ с ниспосылаемыми в мир божественными энергиями.

В практике византийских социально-правовых отношений прония, это или пожалование чиновнику и военачальнику за службу налоговой квоты с определенной территории, или передача им прав попечения над соответствующей территорией. Император отчуждал часть своих дарованных свыше прав попечения в пользу определенного лица. Понятие *анипостати* в богословии выражает мнимую сущность, в византийской повседневной экономической жизни — это безземельные крестьяне⁵. Наименование *энипостати* использовалось в богословии для обозначения взаимосуществования и единства божественной сущности, единой⁶ в своих ипостасях и божественной энергии⁶. В экономической практике оно обозначало

² Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 84–93.

Ibid. S. 58–62.

Actes de Lavra / Ed. Guillou A., Lemerle P., Svoronos N., Papachryssanthbu D. Paris, 1977. Vol. II. N 89. P. 73. 26.

Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I. Einleitung, Textausgabe, Übersetzung und Anmerkungen von H.-V. Beyer. Wien, 1976. S. 219. 1–2; Actes de Lavra. Vol. II, N 99. P. 151.218–219.

⁶ Ioannes Damascenus. Contra Jacobitas // PG. Vol. 94.1441AB; Idem. Capita philosophica dialectica // PG. Vol. 94. 616 AB; Nikephoros Gregoras Antirrhethika... S. 219.2; Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas... P. 297.

крестьян, имевших земельный надел⁷. Телос в богословии означает божественное целеполагание, в реальной жизни — это термин, употребляемый для обозначения подушно-поимущественного налога с крестьян⁸. Ипостась является одним из важнейших богословских понятий, выражающих лица божественной сущности. В экономической практике со времен античности это одно из наименований земельной собственности и земельного владения⁹. Понятия собственности *θεσποιεα* и *κυριότης*, имеющие четкий юридический смысл, также имели в своем семантическом диапазоне сакральное содержание. Первое известно в христологии¹⁰. Второе Иоанн Дамаскин употребляет для характеристики божественной воли¹¹. Григорий Палама использует данное выражение для наименования власти, переданной Богом человеку¹². Понятие икономии, восходящее к античности, но имеющее в рамках богословия значение отношения Троицы к тварному миру, божественное домостроительство, часто использовалось в Византии для характеристики государственного и монастырского управления¹³, осуществляемого в соответствии с энергиями и синергией.

Сам по себе факт широкого использования названных выражений в практике повседневности вряд ли о чем-нибудь говорит. Но он приобретает особый смысл в свете идей энергий и синергии, отражая пути обожения социума. Появление для обозначения институтов повседневности понятий, содержание которых включало богословский смысл, означало

⁷ Actes de Lavra... N 99. P. 151. 218–219.

⁸ Об употреблении данного понятия в значении божественной воли см., напр.: Ioannes Damascenus. De duabus in Christo voluntatibus... 160 B. Об этом: Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. С. 83–107. Византийские практики изобилуют сведениями об употреблении выражения «телос» в значении подушно-поимущественного налога. См., например, Actes de Lavra. Vol. IV. Paris, 1982. Index grec. P. 370.

⁹ О богословском содержании понятия см., напр., Dörrie H. Hypostasis. Wort und Bedeutungsgeschichte // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen aus dem Jahre 1955. Philolog.-hist. Klasse. Göttingen. 1955. S. 36; Actes de Lavra. Vol. IV. Index grec. P. 378 приводит многочисленные употребления понятия в значении «собственность».

¹⁰ Actes de Lavra. Vol. II. N 103. P. 160. 14–15; P. 161.44.

Ioannes Damascenus. Capita philosophica. Dialectica. Col. 616C.

¹² Gregorii Palamae Physica, Theologica, Moralia et Practica. Capita CL // PG. Vol. 150. Col. 1165.

¹³ Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologue // Actes de Lavra. V. IV. P. 154–160.

инкорпорирование соответствующих развивавшихся отношений не только в рамки традиционного правопорядка, но и в сферу религиозного опыта, благодаря чему возникала характерная для византийцев целостная картина мира. В юридическом отношении подобная практика вела к возникновению права прецедентов, нашедшего свое отражение в поздневизантийских актах.

Понимание социальной жизни как приобщения к божественной благодати, осуществляемого благодаря божественной энергии, вызывающей у человека ответную синергию, показывает то отличие восточной патристики и богословия от западных аналогов, о котором писал еще в. Н. Лосский. Если, согласно Августину и Фоме Аквинскому, божественные идеи, данные в Логосе, отражают божественную сущность, совпадающую с божественной энергией, к которым тварное с необходимостью стремится как к образцу, то согласно восточным авторам, божественные идеи отождествляются с божественной волей, содержащейся в божественной энергии, которые отличны от божественной сущности. Сущность и энергия сопоставляются с солнцем и его лучами. Соответственно, допускаются различные способы, по которым тварное «причащается» творческим энергиям¹⁴. Обожение социума восходит к концепциям восточной патристики об идеальном прообразе в Логосе мира вещей, к иерархической идее Дионисия-Ареопагита, к теории Григория Нисского об именах и понятиях, свойственных естественным языкам. Согласно этой теории, имена предполагают «предумышление», связанное с разумной частью души, произошедшей от Бога. При образовании наименований происходит следование этому умыслу или общей идее имени¹⁵. Согласно концепции, выражающей постоянное присутствие божественности в мире вообще и в человеческой жизни, в частности, означающей понимание творения как непрекращающегося процесса, постоянной эволюции, большее значение, чем на Западе, придавалось свободе воли человека. В рамках политико-правовой доктрины, соответственно, огромная роль отводилась внутренней политике императоров, понимаемой как стремление к достижению синергии с божественными энергиями. Характерно, что Иоанн Дамаскин рассматривал управление государством как практическую философию, входящую в общую богословскую доктрину¹⁶.

¹⁴ Лосский в. Н. Очерк мистического богословия... С. 10, 73.

¹⁵ Флоровский Г. В. Восточные Отцы IV в. М., 1992. С. 140.

¹⁶ Ioannes Damascenus. Capita philosophica. Dialectica... Col. 669

Сакрализация византийского общества, проявлявшаяся в использовании понятий, включавших наряду с другими и богословский смысл, для обозначения развивающихся отношений повседневности, отражала особый византийский способ снятия характерной для Средневековья дихотомии высшего мировоззренческого уровня идей (мир небесный), с одной стороны, и уровня практических представлений повседневной жизни (мир земной), — с другой. Эти два уровня рассуждений и концепций в рамках византийского менталитета не разъединялись, как на средневековом Западе, где на протяжении времени происходила секуляризация, а объединялись в единую систему представлений о роли божественных энергий и ответной синергии человека в развитии общества¹⁷. На Западе процесс секуляризации привел не только к последующему отделению философии от религии, но и к возникновению западного научного и философского рационализма.

Согласно Фоме Аквинскому, интеллигибельными, т. е. познаваемыми с помощью разума, являются недоступные чувственному созерцанию последние причины бытия, т. е. Бог¹⁸.

В Византии в качестве ценности, ведущей человека к самопознанию, а также познанию мира и Бога признавался не разум сам по себе в отрыве от человеческой жизни, но весь праведный, в любви к Богу опыт индивидуального и коллективного существования, вся добродетельная жизнь, способная к достижению в мистической молитве реального единения с Богом. Традиция византийского богословия, связанная с расширительным толкованием религиозного опыта, в который включались и результаты разнообразной добродетельной во имя общего блага повседневной управленческой деятельности властей, входила и в более широкие мировоззренческие рамки. В своих рассуждениях византийцы следовали словам Евангелия от Иоанна: «Я есмь путь и истина и жизнь: никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанн 14.6).

Сближение представлений о «мире небесном» и «мире земном» определялось также отрицанием в рамках византийского богословия латинского принципа *Filioque*, что отражало понимание византийцами божественного единоначалия, распространяемого не только на космогонию, но и на весь комплекс идей, известных под названием политической ортодоксии.

¹⁷ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации... С. 90.

¹⁸ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 150.

Тенденция к обмирщению, секуляризации общества была, как известно, характерна для недолгого периода византийского иконоборчества и разоблачена уже Иоанном Дамаскином.

Греческий ученый Х. Яннарас и отечественный философ С. С. Хоружий рассматривая роль византийского богословия в современной богословской мысли и философии, полагают, что в рамках воспринятого современным православием учения Григория Паламы о божественной энергии и ответной со стороны человека синергии преодолевается основное противоречие, характерное не только для средневековой богословской мысли на Западе, но и для всей западной философской эссенциалистской метафизики. Это противоречие состоит в признании, с одной стороны, непознаваемой божественной сущности, а, с другой, — причастности человека в соответствии с высказыванием апостола Петра «божественному естеству» (2 Петр. 1, 4). Плодотворность данного направления богословских исследований очевидна. Однако нельзя не отметить, что названные выводы во многом предвосхищены в исследовании русского богослова в. Н. Лосского¹⁹. Тем не менее, вывод в. Н. Лосского оставался достоянием только русской религиозной интуитивистской философии и не был воспринят на Западе. Теперь и в западноевропейском философско-богословском научном сообществе ряд ученых признает философское значение православных, восходящих к византийскому паламизму, догматических представлений²⁰.

С. С. Хоружий на основе идей Паламы об энергии и синергии разработал так называемую синергичную антропологию. Ее содержанием является попытка связать православные идеи синергии с современными антропологическими и психологическими учениями.

Названные ученые пытаются обнаружить сходство идей Паламы и новой синергичной антропологии с экзистенциалистскими воззрениями М. Хайдеггера²¹. Однако именно М. Хайдеггер выступает за отказ от

¹⁹ Лосский в. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви... С. 67, 72, 75. Об этом же см. Аверинцев С. С. Философия VIII–XII вв. // Культура Византии. Т. II. М., 1989. С. 44–45, где говорится о «Нетварном Свете», понимание которого приводило к снятию «фундаментальной для... рационализма оппозиции «чувственное-интеллигильное»».

²⁰ Штёкль К. Обзор конференции «Субъект и сообщество в европейской философии и теологии: Взгляд с Востока и Запада» (Флоренция, 19 мая 2006 г.) // Вопросы философии, 2007. № 1. С. 87–88.

²¹ См. об этом Штёкль К. Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна // Вопро-

метафизики в философии. Рассматривая бытие с точки зрения его эмоционально-волевого понимания человеком, подчеркивая «открытость» бытия для человека, философ усматривает источник этой открытости в ощущаемой человеком «временности», а не в метафизических энергиях²²

С. С. Хоружий и К. Штёкль находят связь идей Паламы и синергийной антропологии с идеями современной синергетики, в рамках которой изменение энергий и энергийные контакты в мире рассматриваются как порождение нового состояния и спонтанного развития²³. Сами представители синергетики рассматривают в качестве источника своих воззрений идеи Платона, восточные религии, но не воззрения Григория Паламы или представителей восточной патристики²⁴.

Сакральный характер представлений об обществе в Византии определялся характерными для империи отношениями так называемой симфонии церкви и государства, столь отличными от перманентной борьбы императоров и пап на средневековом Западе. Эта симфония обуславливала приравнивание как в юридическом отношении, так и в политико-церковной трактовке, императорских законов к церковным канонам. Такое приравнивание отражает понимание византийцами сакрального характера государственного управления. Если на Западе, в частности, у Фомы Аквинского, земельная собственность рассматривалась как светский институт, связанный с правом народов, в Византии *деспотейя* и *киротиис* трактовались как порождение «божественных законов и святых канонов»²⁵.

Метафорическое сознание византийцев, способствующее использованию некоторых выражений, включающих богословский смысл, для обозначения социальных отношений и придающих этим отношениям сакральный характер, отражает применение соответствующими

сы философии. М., 2007. № 6. С. 44. Об экзистенциализме Паламы писал уже И. Мейендорф. — *Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas...* P. 147.

²² Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002. С. 334–438.

Штёкль К. Новая антропология: поиск альтернативы картезианскому субъекту в «Очерках синергийной антропологии» Сергея Хоружего // Вопросы философии, 2008. № 1. С. 175.

²⁴ *Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Synergetics at the Crossroads of the Eastern and Western Cultures. Moscow, 1994. P. 20.*

²⁵ *Corpus Juris Civilis. Vol. II. Codex Justinianus / Rec. et retract. Krueger P. Berolini, 1954. I, 2, 12, 1; I, 3, 44. Actes d'Ivion / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, V. Kravari. Paris, 1994. Vol. III. N 66. P. 79, 11; P. 129.33; Actes de Xénophon / Ed. Papachryssanthou D. Paris, 1986. N 9. P. 109.32; P. 114–115. 24–26.*

авторами методов интерпретации. Византийцы не только владели искусством расширения объема понятия и перенесения смысла на новый денотат, они понимали роль слова и интерпретации в передаче мысли и выработке нового понятия. Интерпретация свойственна им, как и западным средневековым мыслителям в богословско-философской сфере, в понимании права и при ориентации человека в отношениях повседневности. В этом отношении характерна преамбула хрисовула Михаила VIII Палеолога от 1263 г. монастырю Лавры, где говорится о том, что существуют две побудительные силы события: слово и действие. Слово же бывает двух видов. Такое, которое ведет к действию или такое, которое следует за ним. Оно обнаруживает активность духа и ведет к эффективности описаний²⁶ Василий Великий, рассуждая о мудрости пророков, утверждает, что мудрости свойственно расширять смысл слова²⁷

И. Мейендорф писал о том, что в XIV в. идейные противники Палама и его приверженцы, а, с другой стороны, Варлаам, Григора и другие представители западной ориентации в богословии, в равной мере прибегали к интерпретации Псевдо-Дионисия Ареопагита²⁸. Одновременно с этим в восточном христианстве наряду с идеями возможности слова и его смысловой емкости доминировало представление о его ограниченных потенциях, о мистическом единении с Богом, превосходящем возможности слова²⁹ В рамках апофатического богословия проблемы слова, его смысла и интерпретации были поставлены достаточно точно.

Византийцы сознавали наличие заключенных в слове противоречий и их диалектического единства. Характерно сравнение апофатического (отрицательного) и катафатического (положительного) богословий, содержащееся в одном из произведений Григория Паламы. «Апофатическая теология, — пишет Палама, — не противоречит катафатической, но показывает, что все то, что говорится о Боге, не является истиной, так как находится в нас самих, а не в Боге»³⁰ Теоретические проблемы

²⁶ Actes de Lavra. Vol. II. N 72. P. 14.1–4. Cp. D. I. 3, 18; 16, 6; Bas. II. 32; II. 2, 6. P. 18, 22.

²⁷ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийския. М., 1993. Ч. II. С. 6–7.

²⁸ Meyendorff J. Byzantine Hesychasm: Historical, Theological and Social Problems. London, 1974. P. 547.

²⁹ Ibid. P. 549.

³⁰ Gregorii Palamae Thessalonicensis archiepiscopi Physica, Theologica, Moralia et Practica... Col. 1205. 123.

метафоричности сознания в настоящее время рассматриваются в рамках современной герменевтики³¹, придающей, в частности, большое значение так называемому «дарованному смыслу»³², содержащемуся в первоисточниках.

Применение метафор и интерпретаций определяло тот механизм воспроизводства византийской цивилизации во времени, который составлял ее специфическую традиционность и придавал ей характер исторической парадигмы. Включение развивавшихся отношений в систему существовавшего правопорядка, очевидно, не способствовало возникновению новых цивилизационных тенденций, что отличало византийскую цивилизацию цивилизаций средневекового Запада. В Византии функции переработки различных видов информации — социальной, правовой, богословской, на протяжении времени имевшие одни и те же образцы, стандарты, по существу совпадали с функциями ее хранения и передачи. Это явление, выражающее в терминах современной теории информации традиционный характер византийской цивилизации, проявилось, в частности, в многочисленных повторах, обнаруживаемых в византийских нарративных источниках и актовом материале. Повторами изобилуют византийские жалованные грамоты и поимущественно-налоговые описи-практики. Их формуляр таков, что на протяжении всего текста неоднократно повторяется перечень земельных владений и привилегий, пожалованных императором данному физическому или юридическому лицу. В последующих жалованных грамотах, или *практиках*, отделенных значительным промежутком времени, адресованных тому же лицу, изданных тем же императором или его преемниками, соответствующие перечни повторяются. Такие повторы, отражавшие избыточную информацию, характерные для формуляров официальных документов, свидетельствуют о стремлении подчеркнуть основную идею документа, выраженную в стандартной традиционной форме.

Целостное понимание религиозного опыта, означавшее единение с Богом, включает и единение с природой. Эта связь φύσις и τέχνη отчетливо звучит у Григория Паламы: «Мир имеет начало. Природа учит, история утверждает. Изобретение искусств и создание законов, а также государственные институты явно обнаруживают это»³³. Перед нами не просто

³¹ Ricœur P. Hermeneutics and Human Sciences. Heidelberg, 1974.

³² Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб., 1997. С. 434.

³³ Gregorii Palamae Physica, Theologica, Moralia et Practica... Col. 1121. 1.

форма физико-телеологического обоснования творения, предполагающего восхождение мысли от следствия к причине, но и идея гармоничного сочетания природы и результатов духовной и общественной деятельности людей, как элементов целостного чувственного опыта, цельной жизни.

Эта идея природы, органически связанной с деятельностью человека, обладающего свободой воли, звучит и на заре восточного христианства у Евсевия (Памфила) Кесарийского. Он утверждает, что в результате грехопадения люди не помышляли о городах, о государственном устройстве, законах, искусстве... «Они кочевали по пустыням как дикие звери...» Тогда Бог, «надзирающий за всем, насылал потоки воды и огня, словно на дикий лес, разросшийся по всей земле»³⁴ Эта аналогия как бы восходит к трактовке *физис* как перводанного понятия греческой натурфилософии, о котором так ярко сказал М. Хайдеггер. Философ подчеркнул ту роль, которую играет понятие природы в его широком и первоначальном смысле, когда оно означало сущее в целом, которое «понимается не как природа в позднем новоевропейском смысле, т. е. не как нечто, противоположное истории. Имеется в виду смысл более изначальный, предшествующий им и объемлющий природу и историю... и божественное сущее»³⁵. Этот смысл выражался в Византии не только в идеях подчиненной божественности, содержащейся в энергиях, но и в идее присутствия (*метексис*) божественности в тварном мире, в том числе в политическом управлении, что придавало этому управлению (*икономии*) сакральный характер. И в Византии, и на Западе образы поля, сада и виноградной лозы в духе общехристианской библейской символики присущи и христианской риторике. У Григоры в его первой Антиретике, содержащей полемику с Григорием Паламой, поле трактуется как образ всего того, что сохраняет добродетель³⁶ Константинопольский патриарх Афанасий I, используя соответствующую символику и евангельские образы, именует церковь виноградником Бога³⁷ или деревом жизни³⁸ Григорий Палама также восклицает: «...Сын Божий ответил: я есть

³⁴ Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 16.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики... С. 134.

³⁶ Nikephoros Gregoras. Antirrhetika I... S. 129.6. Cp.: Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Lœnertz. Città del Vaticano. 1960. Vol. II. N 229.

³⁷ The Correspondence of Athanasius I Patriarch of Constantinople / Ed. A.-M. Maffry Talbot // Dumbarton Oaks. Text III. Washington, 1975. N 14. P. 14.28.

³⁸ Ibid., N 34. P. 70.31. Comment. P. 434.

виноградник... Вы являетесь лозами, а отец мой — виноградарь»³⁹. Никифор Хумна в произведении об учении Плотина о душе, повествуя о выявленных Плотиним различных проявлений души и их взаимосвязях, обращается к аналогии, характеризующей связи, которые существуют между ростком, колосом и соломой⁴⁰. Христианская символика, отражающая идеи роли и значимости сельскохозяйственного труда в земной жизни человека, как и на Западе, часто использовались для характеристики духовных проявлений общественной и индивидуальной жизни, что свидетельствует о двойственном значении соответствующей христианской знаковой системы. Социальная роль названной символики определялась обратным характером лежащих в ее основе социальных связей. Природа и, в частности, сельскохозяйственная практика и ее роль в обществе, не только вызвала к жизни соответствующую систему образов, но эта система в дальнейшем, в свою очередь, сама формировала как на Западе, так и в Византии⁴¹, принципы экономических воззрений, обуславливая сакральное понимание общества в Византии и его элементы на Западе.

О роли символики, связанной с земледельческой деятельностью как одного из важнейших факторов византийского экономического сознания, выражающего важнейшие основы бытия, присущего человеческой природе (*ἀνθρωπίνη φύσις*), свидетельствует один из императорских хрисовулов. В нем говорится о политике по отношению к обращенным в христианство язычникам, которая уподобляется той заботе, которую требуют к себе от земледельца пересаженные растения⁴².

Несмотря на отличие Византии от Западе, где отсутствовало представление о проникающей в мир божественной энергии, отличной от божественной сущности⁴³, на Западе в понимании социальных

³⁹ Gregorii Thessalonicensis metropolitae Ad reverendissimam in sanctionibus Xenam, de passionibus, virtutibus et mentalis quietudinis fructibus // PG. T.150. Col. 1053.

⁴⁰ Nicephori Chumni Antirrheticus Adversus Plotinum de Anima // PG. T.140. Col. 1416–1417.3.

⁴¹ Представитель западной философской мысли Бернارد Клервосский сравнивал, как известно, поле с душой мирских людей. См.: Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С. 434–435; Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee... N 7. S.224.

⁴² Hunger H. Op. cit. N 7. S. 224.

Византийский гуманист Никифор Григора, являвшийся в известном смысле последователем Западе, критиковал исихаста Григория Паламу за его учение об энергиях, обвиняя его в пантеизме. Nikephoros Gregoras. Antirrethika I... S.34.

отношений также существовал элемент сакральности, ведь и Фома Аквинский вводит божественную похожесть в вещи.

Рационализм западного богословия, как полагает специалист по юриспруденции Ф. фон Халем, был связан в значительной мере с недооцененным в современной научной литературе влиянием, оказанным на него римским правом. Юристы Тертуллиан и Августин внесли рациональность в веру⁴⁴. Сакрализация византийского общества особенно ярко проявляется в поздней Византии. В литературе отмечалось, что Иоанн Дамаскин подвел «творческие итоги раннего византийского богословия»⁴⁵. В поздней Византии в трудах Григория Паламы получило окончательное оформление учение о божественных идеях-волениях, содержащихся в божественных энергиях, и об ответной со стороны человека синергии. Именно в поздней Византии полностью определились идеи, обусловившие многие особенности византийского менталитета и социальной ментальности, а также специфику византийской цивилизации, придали ей черты исторической парадигмы.

Византийский менталитет, оказавший влияние на развитие византийских социально-правовых отношений, отличавший Византию от средневекового Запада, с его нарастающей тенденцией к секуляризации общественных отношений, не был связан с развитием теократии. Этому препятствовало сильное античное влияние, а также доминирование императорской власти в системе социальных отношений, союз церкви и государства, — факторы, сами по себе отражающие уникальный и неповторимый характер византийской цивилизации.

Специфические особенности византийской цивилизации, связанные с идеями божественных идей-волений, энергий и синергии, а также пониманием сакрального характера общества, позволяют говорить о своеобразном византинизме. Условно назовем его византинизм «оправдание жизни».

Под византизмом мы подразумеваем те проявления византийской цивилизации, которые оказали влияние на культуру других православных народов, включая Русь. Под византизмом «оправдание жизни» мы подразумеваем восприятие византийцами всего жизненного коллективного и индивидуального опыта как единого целого, обусловленного

⁴⁴ Халем Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток–Запад // Вопросы философии. М., 2002. № 7. С. 26.

⁴⁵ Флоровский Г. В. Восточные Отцы V–VIII вв. М., 1992. С. 42. Ср.: Аверинцев С. С. Философия VIII–XII вв. // Культура Византии. Т. II... С. 41.

влиянием идей божественных энергий и ответной синергии со стороны человека. В восточном христианстве, по словам в. Н. Лосского, «божественные свойства (атрибуты) относятся к общей природе: разум, воля, любовь, мир свойственны всем трем ипостасям и не могут определить их различия»⁴⁶ По мнению Григория Паламы, жизнь — то высшее благо, и отсутствует различие между мудростью и жизнью. Божественные энергии/соединяют различные уровни бытия и создают их единство. Палама признавал «живого» Бога⁴⁷ Идея синтеза концепций божественного целеполагания, космического божественного порядка с представлениями о тварном мире, человеке, социуме и деятельности человека в социуме, т. е. идеи снятия противоречий между средневековой дихотомией: «земной мир», «небесный мир» не путем их разъединения, а наоборот — их согласия были характерны для концепции так называемой идеи всеединства русской интуитивистской философии конца XIX — начала XX в.⁴⁸

Сказанное, естественно, не означает отсутствия в западной средневековой философско-богословской мысли мистицизма как доминирующей идеи⁴⁹ В Византии в рамках гуманизма развивалась достаточно сильная рационалистическая тенденция, состоявшая в признании возможностей разума в приближении к абсолютной истине. Идеи эти выражены у Иоанна Итала, Михаила Пселла, Варлаама, Никифора Григоры, Димитрия Кидониса и др. Варлаам и Никифор Григора, как отмечалось, обвиняли Григория Паламу в пантеизме⁵⁰. Но в данной работе акцентируются те идеи византийцев, с учетом которых традиционно в богословии и истории философии проводилась граница между западным и восточным христианством. Как отмечал в. Н. Лосский, а затем Х.-Г. Бек, названные различия

⁴⁶ Лосский в. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви... С. 215.

Gregorii Palamae Physica, Theologica, Moralia et Practica... Col. 1441. 34; Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas... P. 289.

⁴⁸ Лосский Н. О. История русской философии. М. 1991. С. 516; Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 98, 103; Соловьев в. С. Русская идея // Спор о справедливости. М., Харьков, 1999. С. 650–659; Он же. Византизм в России. Там же. С. 663–703; Уткина М. Ф. Тема всеединства в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 59–75.

⁴⁹ Gilson E. La philosophie au Moyen Âge dès origines patristiques à la fin de XIV siècle. P., 1947.

⁵⁰ Nikephoros Gregoras. Antirrethica I... S. 34.

носили типологический, а не региональный характер⁵¹, составляя содержание научной идеализации, модели. По сравнению с этой моделью, реальная жизнь обнаруживала множество отклонений и являла собой разнообразие.

Возвращаемся к выводам Григория Паламы, согласно которым «Мир имеет начало. Природа учит, история утверждает. Изобретение искусств и создание законов, а также государственные институты явно обнаруживают это»⁵². Далее следует ссылка на библейский текст, а именно на слова Моисея о начале мира. Ведущая мировоззренческая идея христианства о конечности мира обосновывается, как видно, и ссылкой на авторитет Библии, и методом эмпирической индукции, т. е. путем перечисления природных и общественных явлений. Представляет интерес сопоставление данного обоснования с первой антиномией чистого разума Канта, также выражающей идею конечности мира, но рассматривающей ее логические антиномии⁵³, а не общую гармонию. Строго говоря, данное сравнение не является в силу различия сопоставляемых эпох предельно корректным. И все же именно И. Кант с предельной ясностью выразил идею западного рационализма, а Григорий Палама — идею византизма, «оправдание жизни», как представление о совокупном жизненном опыте, подчиненном идее мистического постижения Бога. Применение эмпирической индукции Паламой свидетельствует о том, что он находит аргументы в той сфере мыслительной деятельности человека, которая принадлежит не столько разуму, сколько рассудку, т. е. связана с представлениями об известном, традиционном, «готовом» знании, коммуникациях человека. Рассудочная часть души, соответствующая рассудочному знанию (λογική γνώσις), по Паламе, связана с многообразным опытом наук и искусств, опытом обработки земли и строительства дома⁵⁴.

Характерно и целостное понимание мира на уровне разума. Однако, как пишет Палама: «все, что мы знаем о небе, и законы природы, и искусство, и всякое знание, состоящее из отдельных частей, которое мы строим с помощью разума из ощущений и благодаря воображению, ли-

⁵¹ Лосский в. Н. Паламитский синтез // Богословские труды. М., 1972. Т. 8. С. 196. Beck H.-G. Humanismus und Palamismus // Xlle Congrès international des études byzantines: Rapports. Béograd; Ochrid, 1961. S.67.

⁵² Gregorii Palamae. Physica, Theologica, Moralia et Practica... Col. 1121.1.
Кант И. Критика чистого разума. Пер. Н. Лосского. СПб., 1907. С. 266–270.

⁵⁴ Gregorii Palamae. Physica, Theologica, Moralia et Practica... Col. 1165.63.

шено само по себе духовности»⁵⁵. В этих словах заключается не только идея необходимости синтеза веры (духовности) и разума, но и механизм этого синтеза. Высшая истина духовна и постигается в вере, в акте мистического единения с Богом. Синтез разума и веры также очень важен и для Фомы Аквинского. Именно так трактуют идеи Фомы представители современного католицизма⁵⁶ и томизма. Фома противопоставляет чувственное разрозненное знание и интеллигибельное, т. е. познание, «которое направлено на то, что свойственно всему сущему, универсально, без всякого исключения»⁵⁷. Иными словами, имеется в виду познание, которое позднее в эпистемологии науки получило название категориального⁵⁸.

В стиле современной герменевтики мы пытаемся рассмотреть произведения как тексты, обладающие определенной формальной структурой. Мы делаем акцент не на интерпретации как единственном способе постижения смысла, точнее, не столько на интерпретации, сколько на анализе структуры рассуждения, особенностей аргументации.

Внимание к структуре рассуждения, аргументации, ее не только содержательным, но и формальным проявлениям, естественно, вовсе не означает пренебрежение смысловой, содержательной стороной интерпретации. Это невозможно, поскольку установление смысла — цель всякого гуманитарного анализа и является конечной целью исторической текстологии. Речь идет об углублении такой интерпретации. На наш взгляд, она должна быть дополнена формальным анализом аргументации. Этот анализ должен приблизить к пониманию ряда специфических черт восточно-христианской апологетики, риторики в их взаимосвязях с античностью и христианством. Кстати, подобный взгляд на текстологический анализ вполне соответствует позиции современной философской герменевтики. Согласно герменевтике, интерпретация рассматривается как основной метод гуманитарного знания, однако она подразумевает комплексный подход к тексту, включая использование структурных и формальных методов, а также компьютера⁵⁹.

⁵⁵ Ibid. Col.1133.20.

⁵⁶ Движение к экуменическому сознанию / Интервью католического священника о. Романо Скальфи для «Вопросов философии» // ВФ. 1989. № 9. С.150.

⁵⁷ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики... С. 150.

⁵⁸ Там же. С. 150.

⁵⁹ Thaller M. Zur Formalisierbarkeit hermeneutischen Verstehens in der Historia. Mentalitäten und Lebensverhältnisse: Beispiele aus der Sozialgeschichte der Neuzeit // Rudolf Vierhaus zum 60. Geburtstag. Göttingen, 1982.

Теоретическим обоснованием такого подхода к произведениям Паламы, в центре которого находится анализ аргументации, ее структуры, является современная философия речи⁶⁰. О философии как выговаривании писал Хайдеггер⁶¹. При таком подходе философское рассмотрение проблемы выражено в дискурсивных терминах, некоторые из которых восходят к патристике и богословию. Например, философское понятие вечности, означающее сущность, лишенную временных характеристик, рассматривается как объект апофатики: умолчания, отрицания.

Я полагаю, что рассмотрение концепции Паламы как текста удобно по следующим причинам. У Паламы строгая структура рассуждения и аргументации. Например, названный выше трактат «Главы по Физике, Теологии, Морали, Практике», само название которого уже отражает идею оправдания совокупного жизненного опыта человека как единого целого, имеет четкую схему изложения материала. Трактат содержит тезис — утверждение некой идеи: богословской, космогонической, нравственной и т. д. После тезиса следует его обоснование. Оно, как уже отмечалось, содержит ссылку на Писание и индукцию через перечисление. Мир имеет начало — это тезис. Природа учит, история говорит, искусство и государственные установления показывают — таково обоснование тезиса, содержащее эмпирическую индукцию через перечисление данных от рассудка. Затем следует антитезис, содержащий утверждение древних о вечности мира и показ его абсурдности с помощью апелляции к здравому смыслу, рассудку, а именно привычным временным представлениям человека⁶². И, наконец, в тексте Паламы содержится вывод — синтез, т. е. повтор тезиса, избыточная информация, называемая в терминах философии речи псевдоречью. Особенно важно то, что в самом сочинении Паламы содержится сравнение иерархической идеи творения со структурой речи или текста. Для него мир — это текст, указанный в Логосе. Палама пишет: «Человек — цель творения и заключение космической системы. Он допущен к существованию после других точно так, как мы завершаем текст эпилогом»⁶³.

Интерпретация аргументации Паламы в дискурсивных терминах речи подводит к необходимости специального рассмотрения синтеза, т. е. псевдоречи, содержащей повторы. Роль повторов в трактате Паламы ог-

⁶⁰ Визгин в. П. Философия как речь (историко-философская концепция Александра Кожева) // ВФ. 1989. № 12.

⁶¹ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики... С. 119.

⁶² *Gregorii Palamae. Physica, Theologica, Moralia et Practica...* Col. 1121.I.

⁶³ *Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas...* P. 176.

ромна⁶⁴. В частности, постоянно повторяются доводы от рассудка при обосновании тезиса. В тезисе о конечности мира повторяется перечень: природа, история, искусство, государственные институты⁶⁵. Повторы, если их характеризовать в терминах информатики, повторяем, должны быть определены как избыточная информация. Ее избыточность превосходит ту, которая могла бы быть при полном изложении посылок и вывода в аподиктическом и риторическом силлогизмах, которыми пользуется Палама. Специальный анализ повторов показывает, что избыточная информация содержит основные аргументы. Идея «оправдания жизни», входящая в избыточную информацию и состоящая из доводов от рассудка, — основная сущностная идея в системе рассуждения Паламы. Присутствие этой идеи в избыточной информации — свидетельство ее значимости в системе аргументации. Итак, посредством анализа избыточной информации в тексте Паламы приходим к пониманию значения, придаваемого им идее «оправдание жизни». Если же попытаться дать сегодняшнюю оценку византинизма, то необходимо принять во внимание следующее. Традиционные западные идеи рационализма и логицизма, четко сформулированные в логическом позитивизме, «западная идея», которая часто противопоставлялась русской интуитивистской идее, в настоящее время претерпевают развитие и известные метаморфозы⁶⁶. В эпоху постнеклассической рациональности произошел отход от методов анализа, свойственных позитивистскому детерминизму. Наука и ее рационалистические принципы рассматриваются в контексте культуры. Происходит развитие герменевтики, лингвистического направления эпистемологии истории. Возникает задача рассмотрения текстов с их сложным культурно-историческим напластованием смысловых оттенков в рамках широкого целостного культурологического и мировоззренческого контекстов. Восточно-христианский мировоззренческий опыт в этой связи обнаруживает свое историческое значение. Византинизм с его представлениями о единстве мира, идеи единства интеллигибельности и мира чувств, деяний и представлений приобретает интерес особой исторической парадигмы.

⁶⁴ Повторы характерны для восточнохристианской богословской традиции. Они восходят к Псевдо-Дионисию Ареопагиту и Проклу. См.: *Аверинцев С. С. Эволюция философской мысли // Культура Византии. Т. I. М., 1984. С. 76.*

⁶⁵ *Gregorii Palamae. Physica, Theologica, Moralia et Practica... Col. 1121.I.*

⁶⁶ *Рормозер Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // ВФ. 1991. № 5. С. 79.*

Современная политологическая литература излишне прямолинейно опсывает понимание византийцами общественного бытия. В интересной в целом работе А. Р. Устьяна со ссылками на воззрения У. Тредголда и Д. Т. Райса, утверждается, что Византия была «христианско-демократической»⁶⁷, «конституционной монархией»⁶⁸, «светско-теократическим государством»⁶⁹. Данные характеристики расплывчаты, неопределенны и неверны. Византия не была теократическим государством. Проявление демократии в Византии ассоциируется с существованием сената, народного собрания, свободного крестьянства. Византийское государственное управление, основанное на хорошо организованном чиновничьем аппарате и налоговой системе, выгодно отличаясь от западной средневековой анархии, не может быть уподоблено современным принципам демократии. Наличие демократических проявлений в Византии отмечали, как известно, и некоторые историки. Думается, что для решения названной проблемы необходимо исходить из четкого определения демократии. В настоящее время наиболее распространены определения государственно-политических устройств в рамках либеральной, коммунитаристской и постмодернистской политических теорий⁷⁰. Все они, однако, учитывают общее классическое определение демократии, согласно которому ее неотъемлемыми атрибутами являются признание народа в качестве источника власти на основе принципов равенства и свободы, а также признание верховенства закона. Исходя из классического, а также коммунитаристского определения демократии, которое предполагает рассмотрение политического режима в контексте социальных отношений, мы придерживаемся в отношении Византии более консервативной позиции, разделяемой Ф. фон Халемом, и рассматриваем ее политический режим, восходивший к режиму домината в Риме, как авторитарный. Действительно, в Византии император был свободен от повиновения закону. Он сам являлся «живым законом». В качестве источника власти рассматривалось попечение императора в отношении подданных, имевшее божественное происхождение. Политические мыслители Византии предпочитали монархию демократическому правлению. В отличие от Запада, где в XIII–XIV вв. уже существовали представительные учреждения, в Византии народное собрание и сенат с VI в. не играли существенной роли.

⁶⁷ Устьян А. Р. Политическая философия неовизантизма. М., 2005. С. 39.

⁶⁸ Там же. С. 76.

⁶⁹ Там же. С. 53.

⁷⁰ Штёкль К. Сообщество после субъекта... С. 35–37.

Однако всякое общее определение любого государственного и социального института есть выражение его типичных признаков и не учитывает всего разнообразия проявлений в реальной жизни. Чистой демократии, как и чистого авторитаризма, в жизни не существует. Отклонения от типичных параметров были особенно характерны для крупных империй древности и средневековья с их слабыми социальными коммуникациями, делающими затруднительным создание сети социальных институтов, приводящих существующий режим в действие в отдельных регионах государства. М. Вебер считал, что демократия в чистом виде возможна только в рамках государства-полиса с ограниченной территорией и населением⁷¹. Но и авторитаризм на практике отличался значительным разнообразием. Некоторые проявления византийской жизни отличались от типично-авторитарных. В Византии на уровне политической доктрины отсутствовало престолонаследие, существовала так называемая вертикальная мобильность населения, т. е. теоретически, а иногда и на практике, каждый человек мог стать императором. В X в. византийская внутренняя политика была направлена на ограничение возможностей династов внедряться в свободную крестьянскую налогообязанную общину. Но эти проявления, если и могут быть названы «демократическими», не вносят существенных коррективов в общее функционирование режима. В поздней Византии господствует право прецедентов, не издаются новеллы, императоры свободно манипулируют своей властью, раздавая и отнимая привилегии, что означает, что на протяжении времени черты византийского авторитаризма, как одной из существенных тенденций, характеризующих византийскую цивилизацию, возрастали.

В целом сходство византийских и современных государственных институтов — иллюзорное, отражающее гетерогенные государственно-политические и социальные системы. Консервативность и традиционность византийской цивилизации, которые признавались самими византийцами, проявлялись также в признании в рамках византийской философии истории античной идеи циклического времени, переосмысленной в Византии с христианских позиций и подчиненной идее линейного, христианского телеологического и эсхатологического времени.

Идеи кругообращения, связанные с пониманием творения как постоянного процесса, развивались еще Григорием Нисским и Максимом Исповедником и были популярны в среде афонского монашества. «Время движется по кругу... вещи по необходимости согласуются со временем...

⁷¹ Weber M. The Theory of Economic and Social Organization. N.Y. 1964. S. 413.

одни опускаются вниз... другие же вверх поднимаются. Круговорот идет наподобие шара⁷², — писал афонский прот Асень в 1262 г. Ситуации и события, возникающие в общественной жизни, по мнению византийских авторов, повторялись. Эти повторы византийские мыслители объясняли тем, что люди, наделенные совокупностью дарованных свыше добродетелей и способные воспринять ниспосылаемые свыше божественные энергии, но одновременно обладающие и свободой воли, могут в процессе своей деятельности, как утверждал, например, Иоанн Дамаскин, реализовать или оставить нереализованными различные добродетели⁷³.

При реализации добродетелей, согласно идеям восточной патристики, появляется синергия, т. е. действие человека в соответствии с божественными энергиями, если добродетель не реализуется, синергия отсутствует. Однако, поскольку «набор» добродетелей, определяемый общими христианскими ценностями, конечен (хотя его описание и варьирует у отдельных авторов), то результаты деятельности людей схожи. «То, что разделяется во времени, объединяется часто общностью деяний», — писал Никифор Григора⁷⁴. Подобные идеи круговорота событий и сходства положения вещей в разные хронологические эпохи нашли свое отражение в римско-византийском праве, а именно в Дигестах и были пересказаны в Василиках. Так, юрист Павел утверждает, что новые законы сохраняют преемственность со старыми и благодаря этому законы управляют схожими во времени ситуациями и отношениями людей⁷⁵.

Повтор событий и общественных ситуаций делает возможным их относительное предвидение. Понимание такого предвидения и ориентации являлось, по мнению византийцев, содержанием практической философии, занимавшейся, по утверждению Иоанна Дамаскина (вслед за Аристотелем), изучением искусства управления.

Для социальной ориентации и соответствующих действий необходимо правильно выбрать временной момент — *кайрос*: ...кайросы — это

⁷² Actes de Docheiariou / Ed. Oikonomidès N. Paris, 1984. N 7. P. 89; Лосский В. Н. Опыт мистического богословия... Р. 79. О воззрениях античных философов см., например, Аэций II, 2, 4; II, 11.1; Аристотель. Физика. Кн. II. 10. 218b. М., 1936. С. 17.

⁷³ Ioannes Damascenus. Dialogus contra Manichaeos // PG. Vol. 94. Col. 155.

⁷⁴ Nicephore Gregoras. Correspondance / Texte éd. et trad. par R. Guiland. Paris, 1927. N 152.

⁷⁵ Corpus Juris Civilis. Vol. I. Digesta / Rec. Mommsen Th., retract. Krueger P. Berolini, 1954; I, 3, 27; Basilicorum Libri LX / Ed. Sheltema H.E. van der Wal-N., Holwerda D. Groningen, 1953; II, 36; 37

душа вещей и если кто-либо не умеет ими воспользоваться и управлять, то может возникнуть большой ущерб делам»⁷⁶, — говорится в предписании афонского прота Феодосия от 1353 г., относящемся к афонскому монастырю Лавры св. Афанасия. Понятие *кайроса* и в целом христианская интерпретация античных идей циклического времени, трактуемого в рамках христианского учения о вечном характере творения и добродетелях, что придавало этому толкованию характер этических представлений, составляли одну из существенных особенностей византийского мирозерцания. Данные представления отличаются от соответствующих воззрений средневекового Запада, где идеи круговорота не имели такого влияния. Августин утверждал, что «история не знает кругообращения... ибо Христос умер однажды за грехи наши»⁷⁷

Идея циклического времени по отношению к общественной жизни человека в Византии неотделима от понимания цикличности физического времени⁷⁸, связанного с природными циклами. Это единство в понимании природного и общественного, т. е., как мы его называем, исторического времени при наличии идеи подчинения их ритма линейному библейскому времени — еще одно свидетельство целостного восприятия жизни, ее оправдания в рамках библейских идей и веры.

Понимание цикличности исторического времени как формы этического времени, ритм которого определяется реализацией или нереализацией добродетелей и соответственно божественным даром или возмездием, неизменно присутствует в исторических сочинениях византийцев на уровне прагматического политического сознания. Эти идеи тесно связаны с относительной византийской прогностикой и футурологией⁷⁹. О возможности предвидения будущего на основе изучения событий прошлого говорится в сочинениях таких историков ранней и поздней Византии, придерживавшихся разной политической и философской ориентации, как Прокопий, Григорий Палама, Никифор Григора, Димитрий Кидонис, Федор Метохит. Можно сказать, что подобные схожие

⁷⁶ Actes de Lavra. Vol. III. Paris, 1979. N 133. P. 50.1–2; О *кайросе* говорит и Григорий Палама. Gregorii Palamae metropolitae Ad reverendissimam in sanctionibus Xenam... Col. 1053; Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas... P. 219.

⁷⁷ Творения блаженного Августина, епископа Иппоникийского. Часть 4. Киев, 1901. С. 258.

⁷⁸ Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992. С. 129.

⁷⁹ Там же.

высказывания разных авторов, являясь «общим местом», определенным топосом, отражали характерные, свойственные византийцам, черты исторической ментальности.

Для обозначения возможности предвидения будущего византийцы использовали глагол *στοχάζομαι*, означающий в переводе с древнегреческого «догадываюсь», «предполагаю». «На основе случившегося, предполагающие будущее». «На основе знаков прошедшего угадывается нами то, что произошло затем», пишет Никифор Григора⁸⁰. «Предполагающий на основе сущего и рассчитывающий то, что должно произойти на основе случившегося»⁸¹, читаем у Григория Пахимера. Димитрий Кидонис утверждает: «Предполагающий на основе явлений...»⁸²

Анализ понимания византийцами механизма предвидения общественных ситуаций приводит нас к выводу о том, что им было свойственно упрощенное, выраженное на уровне здравого смысла и в терминах этических идей (учение о добродетелях) эпохи, представление о стохастическом, т.е. вероятностном характере общественных процессов. Современная наука, естественно, предлагает более усложненные формы понимания этих процессов. О названных представлениях византийцев свидетельствует не только использование глагола «стохадзомай», но и вся система рассуждения. Поскольку «набор» добродетелей, который в процессе своей деятельности реализует или не реализует человек, конечно, то он как бы образует поле возможностей или пространство событий, т.е. всю сумму возможных решений, принимаемых человеком в данной ситуации, и их результатов. В сочинениях Никифора Григоры, Димитрия Кидониса, других авторов, а также в некоторых новеллах Льва VI эти результаты уподобляются исходу бросания игральной кости⁸³. Подобное сравнение восходит к античности, но присутствует и в христианстве: апостол Матфей был избран по жребию. Но именно результаты бросания игральной кости и монеты рассматриваются современной теорией вероятностей в качестве классического примера

⁸⁰ Nicephori Gregorae Byzantina Historia graece et latine. Bonnae 1829. Vol. I. P. 452; P. 5. 15–16; P. 310; Ibid. Bonnae 1830. Vol. II. P. 618.9; PG, t. 145. Col. 421.

⁸¹ Georgii Pachymeris de Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae 1885. Vol. I. P. 13.

⁸² Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Citta de Vaticano. 1960. Vol. II. N 133.

⁸³ Nicephori Grigorae Byzantina Historia... Vol. II. P. 572.22; Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. P. 7.

равномерного распределения вероятностей, при котором вероятности каждого исхода одинаковы.

Правомерность представления идей византийцев об ориентации и предвидении в обществе в терминах современной теории вероятностей объясняется, на наш взгляд, еще и отмеченным выше различием византийского и западного средневекового богословия. Византийцы, вслед за представителями восточной патристики, как отмечалось, понимали творение как постоянный процесс постепенного и осуществляемого различными способами приобщения тварного благодаря божественным энергиям и ответной синергии со стороны людей к божественной сущности.

Эти идеи, очевидно, оказывали влияние и на воззрения так называемых гуманистов и приверженцев распространившихся в поздней Византии томистских идей. Антипаламист Григора, обвиняя Паламу в пантеизме, называл его последователем Евномия, который «разъединял сущность и энергии» и понимал «Бога-Сына как отображение всемогущего Бога»⁸⁴. Одновременно с этим Григора обращается к идеям Василия Великого и Григория Нисского. Первый, по мнению Григория, отрицал энергию, лишенную сущности⁸⁵, второй — указывал, по его словам, на невозможность энергии являться самой по себе, не будучи при этом сущностью⁸⁶. Григора акцентирует идеи патристики и богословия, согласно которым сущность-усия противоположна тварному бытию, но имплицитно признает и их идеи присутствия божественного в тварном... «ὕπὸ πάντων μετέχουσαι»⁸⁷. В языческой космогонии Плифона, как известно, боги — образное выражение философских категорий — имеют взаимосвязь с реальным миром. Что же касается идеи синергии в божественном управлении, то она, как отмечалось, присутствует в преамбулах императорских жалованных грамот. Патриарх Филофей Коккин — сторонник исихазма — писал о проникновении в мир божественной энергии⁸⁸.

Западные средневековые теологи воспринимали творение как приобщение с необходимостью к единому закону-образцу. Соответственно, западное богословие, влиявшее на философию и науку вплоть до XX в.,

⁸⁴ Nikephoros Gregoras. Antirrethika I... S. 217. 10.16; 217.11–20.

⁸⁵ Ibid. S. 217. 11.22; S. 219. 11. 1–2.

⁸⁶ Ibid. S. 219. 12. 10–12.

Ibid., P. 231.11.18.

⁸⁸ В. Е. Ψευτογκα. Φιλοθεου Κокκινού λόγοι και ομιλίες. Φεσσαλονίκη 1981. Σ. 52.308; 88. 463–467; 149. 608–609.

обусловило западный классический детерминизм, уступивший место эпохе современной, неклассической, а затем пост-неклассической рациональности, тогда как византийское православие содержало в себе скрытые истоки «вероятностных» представлений.

Характерно, что на заре возникновения вероятностных теорий А. Эйнштейн, отстаивавший идеи западного классического рационализма и детерминизма, писал М. Борну: «Ты веришь в играющего в кости Бога»⁸⁹

Примечательно, что в рамках современной синергичной антропологии, восходящей к идеям энергии и синергии Григория Паламы, предполагается, что названная антропология должна способствовать появлению в обществе уверенной ориентации⁹⁰, утраченной в XX в. в эпоху войн, тоталитаризма. Правомерно выразить некоторые сомнения в том, что представления византийцев об ориентации в обществе, восходящие к восточной патристике, а в позднее время к идеям Паламы, и выраженные метафорой «игры в кости», могут рассматриваться в качестве идеального образца уверенной ориентации.

Наличие в Византии в рамках христианского провиденциализма прогностики и футурологии, понимаемых на уровне прагматического политического сознания, заставляет нас обратиться к идее протестантского теолога Р. Бульмана, который рассматривает всякое предвидение как «своеволие»⁹¹, как философскую интерпретацию христианского бытия без Христа. По мнению Р. Бульмана, подобные топосы говорят о том, что человек рассматривается вне самоотдачи Богу, вне покорности⁹². В рамках византийской картины мира речь вовсе не идет о понимании божественного целеполагания в отношении прошлого, настоящего и будущего, что, по мнению византийцев, недоступно человеку, т. е. не о «своеволии», а об угадывании, о поиске, о попытке приобщиться путем добродетельных деяний, возможных благодаря божественным энергиям и синергии, к божественному плану. В данном топосе используется глагол *στοχάζομαι*, означающий «угадывать, догадываться, предполагать».

Понимание в Византии прогностических возможностей как относительных и ограниченных прогнозов подтверждается следующими высказываниями византийцев: Мануил II Палеолог утверждал, что будущее

⁸⁹ Борн М. Физика моего поколения. М., 1963. С. 376.

⁹⁰ Хоружий С. С. Очерки синергичной антропологии. М., 2005. С. 13–14; 146–147.

Бульман Р. Новый Завет и мифология: Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // ВФ. 1992. № 11. С. 104.

⁹² Там же. С. 103.

невидимо⁹³ В другом месте он говорит, что нам не познать время и кай-росы, но благодаря нашим молитвам мы узнаем о них⁹⁴. Филофей Коккин писал: «Следует знать, что являющаяся нам мудрость есть подражание высшей мудрости»⁹⁵. Тот факт, что глагол *στοχάζομαι* употреблялся для обозначения свойственного человеку благодаря присущей ему синергии с божественными энергиями способности только к относительному прогнозу, высказываемому в виде предположения, следует из 111 новеллы Юстиниана. В ней говорится: «считается, что предположение — используется форма глагола *στοχάζομαι* — каждого является полезным, оканчивается же, что из-за собственной ограниченности оно бесполезно»⁹⁶

Философии истории в рамках византийского богословия отводилась функция регулятора социального поведения, а рассказу о прошлом, т. е. историописанию — дидактическая роль.

Далее возникает вопрос, не находится ли свойственная византийской цивилизации традиционность, проявлявшаяся в идее циклического времени, круговорота в природе и обществе, с одной стороны, и «вероятностный характер» византийской цивилизации, определяемый идеями вечного творения и развития и различными модусами приобщения тварного к Божеству, с другой, — в противоречии друг с другом? Подобная антиномия, если она существовала, то носила диалектический характер и снимались в рамках концепции об энергии и синергии. Идеи энергии воплощали понимание единой и неизменной божественной сущности, связанной с энергией, тогда как идея синергии вмещала в себя представления о деятельности людей, отличающейся разнообразием проявлений.

Итак, если на христианском Западе, как отметил Ф. фон Халем, рациональное римское право внесло рациональность в веру, то на христианском Востоке, наоборот, патристика и мистическое богословие, испытав влияние эмоциональной эллинской культуры, определяли в рамках концепции об энергии и синергии сакральное понимание социального управления, повседневности и ориентации человека в обществе.

Прямомерно констатировать, что византийская цивилизация как историческая парадигма характеризовалась чертами, расположенными в иерархии социальных признаков между христианским средневековым

⁹³ *Lettres de l'empereur Manuel Paléologue* / Ed. Legrand E. Amsterdam, 1962, N 8.

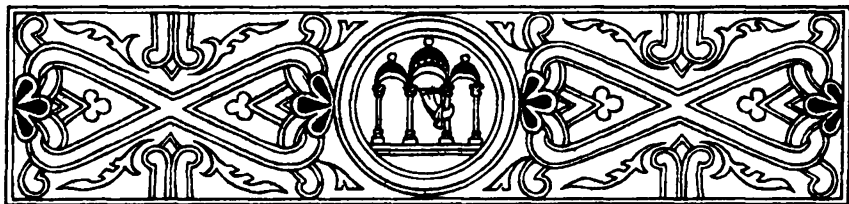
Ibid. N 3.

Phlothei Constantinopolitani patriarchae Antirrhetici libri XII contra Gregoram // PG. T. 151. Col. 866.

⁹⁶ *Corpus Juris Civilis. Berolini. 1954: vol. III: Novellae* / Rec. R. Schoell, G. Kroll.

Западом и мусульманским Востоком. Действительно, на Западе в Средние века происходило спонтанное формирование институтов, подготовивших наступление Нового времени, происходила секуляризация сознания, философии, правовых основ экономики и социально-политической жизни. На мусульманском Востоке сознание и право составляли неизменный атрибут религиозных предписаний Корана.

Глава V

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНО-ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН-ПÁРИКОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Характер аграрного общества в Византии не может быть понят без рассмотрения структуры частновладельческого домена, правового и имущественного статуса поземельно-зависимых крестьян-пáриков. Мы располагаем для решения этой проблемы значительным актовым материалом, относящимся к крупным афонским монастырям. Анализ будет происходить в плане выяснения связи названных явлений с общими цивилизованными особенностями Византии. Пáрики платили собственнику причитающиеся подати, выполняли барщину и платили государственный подушно-поимущественный налог — телос, который в порядке пожалования податного иммунитета передавался обычно крупному собственнику¹.

¹ Положение пáриков анализировалось во многих работах. См., например: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1972; *Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study.* New York, 1977; О структуре монастырского землевладения и повинностях пáриков см., например: *Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues // Actes de Lavra / Ed. Guillou, Lemerle P., Svoronos N., Papachryssanthou.* Vol. IV. Paris, 1982. P. 65–173; *Karayannopoulos J. Entwicklungsetappen der agrargesellschaftlichen Verhältnisse in Byzanz // XVIIIth International Congress of Byzantine Studies.* Moscow, 1991. P. 102–151; *Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.).* М., 1992. С. 51–84; *Литаврин Г. Г. К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии X–XI вв. // вв. Т. 59 (84).* М., 2000. С. 5–23.

Пожалование императором земельных владений отдельным монастырям, превращение домена в крестьянские держания (стаси), купля-продажа, аренда — все эти факты представляют собой серию событий, событийную историю. Каждое из таких событий имеет свои причины, многие из которых как особые казусы рассмотрены в византиноведении². Калейдоскоп событий в социально-экономической истории повседневности отличался не меньшей пестротой, чем в политической жизни и был тесно связан с политической историей. Каждое пожалование или приобретение земель было оформлено специальными документами. Нас интересует, в какой мере соответствующие постановления, относящиеся к положению páриков, или влияли на возникновение тех или иных новых цивилизационных тенденций, или же способствовали поддержанию плавного дальнейшего развития отдельных, уже известных тенденций. Могли существовать и такие постановления, отраженные в нашем актовом материале, которые знаменовали начало кризиса некоторых тенденций. Анализ всех этих явлений, отражающих связь событийной истории с цивилизационными тенденциями, должен показать степень развития соответствующих проявлений цивилизации во времени и уровень традиционности.

Положение зависимых крестьян достаточно хорошо изучено в литературе. Нам, однако, представляется, что существенным недостатком имеющейся литературы является отсутствие в ней четкой постановки проблемы о связи византийских источников, характеризующих положение páриков, с римским законодательством, относящимся не только к положению колонов, но и к римскому вещному праву в целом. Мы постараемся подробно остановиться на соответствующих проблемах, тесно связанных с особенностями византийской цивилизации, характеризующими ее как историческую парадигму.

Известно, что имущество поземельно-зависимых крестьян-páриков включало земли разного юридического статуса. Наряду с наделом на паричском праве, определявшем социальный и юридический статус páрика, páрик мог обладать свободной полной собственностью, отличавшейся от собственности представителей элиты только своими размерами и отсутствием привилегий. Такая собственность может быть уподоблена западноевропейскому аллоду. Далее, páрик мог арендовать землю, находившуюся в собственности того физического или юридического лица, páриком которого он являлся, или принадлежавшую другому собственнику. Эта была аренда, за которую уплачивалась частноправовая арендная плата.

² См., например: Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues... P. 65–173.

Что же касается наделов на паричском праве, то они не были одинаковыми по своему юридическому статусу. Недавно приселившийся на землю крупного собственника пáрик-проскафимен не только являлся в соответствии с римским правом лишь держателем и физическим, а не юридическим владельцем своего надела, т. е. владеющим землей от «чужого имени», он не имел вообще никаких гарантий в отношении этого держания.

Об этом определенно говорится в решении византийского юриста X в. Космы Магистра³. В этом документе подчеркивается отличие обычной аренды и одного из ее видов — эмфитевсиса от держания на паричском праве. Если эмфитевт имел юридическое оформление прав на свое держание, гарантировавшее его права в соответствии с заключенным договором, то пáрик, получивший надел на паричском праве, владел им до тех пор, пока на то была воля собственника земли. Фактически, однако, такой надел, как правило, передавался по наследству. Юридический статус такого пáрика можно уподобить соответствующему статусу английского виллана, державшего землю по воле лорда. Однако в сборнике XI в. Евстафия Ромея, именуемом в византиноведении «Пира», говорится, что пáрик, державший свой, очевидно переходящий по наследству надел в течение тридцати лет, становится как бы его собственником⁴. Однако пáрик должен и далее выполнять повинности, предусмотренные паричским правом. И. Караяннопулос, справедливо назвав таких пáриков квазисобственниками, пришел к выводу, что в положении пáриков произошли со временем определенные изменения.

Права пáриков на их надел следует оценивать в терминах доминировавшего в Византии римского классического права и в этом отношении целесообразно сравнить пáрика с колоном. Такие сравнения неоднократно осуществлялись в византиноведении, однако при этом не всегда проводилось конкретное сопоставление римского и византийского законодательства, в частности, Дигест и Василик. Подобное сравнение показывает, что права поселенцев: узуфруктариев, колонов, инквиллинов, мистотов, эников (синоним пáрика) однозначно определялись в Дигестах и Василиках как физическое владение или держание от чужого

³ Karayannopoulos J. Entwicklungsetappen der agrargesellschaftlichen Verhältnisse in Byzanz... S. 125.

⁴ Jus Greco-Romanum ed. Zepos J. Aalen, 1962. IV. 49 Peira XV. 2, 3. См. об этом Karayannopoulos J. Op. cit. S. 127.

имени⁵. Такой владелец был лишен исковой защиты в отношении своего надела, что и подтверждается свидетельством Космы Магистра, указавшим, что соответствующий паричский надел является держанием по воле собственника.

Реализация этой воли проявлялась чаще всего в том, что собственники, видимо, могли перемещать таких париков с одного места на другое, а также могли вообще лишиться париков надела. Подобные парики, очевидно, имеются в виду в хрисовуле Льва VI от 908 г., посвященном урегулированию поземельной тяжбы между монахами монастыря Колова и монахами Афона. В нем говорится, что монахи Колова захватили обширную территорию, рассматривая жителей в качестве своих париков, которых можно согнать, как поселившихся на землях, им не принадлежавших⁶. Статус таких париков был близок к статусу «*coloni adscripticii*» Римской империи.

По-видимому, именно недавними поселенцами являлись парики деревни Радоливо, принадлежавшей Иверскому монастырю, в соответствии со свидетельствами практика 1341 г. В нем говорится, что парики, покинувшие свои владения, должны быть возвращены на прежнее место жительства⁷. При этом отсутствует перечень их владений и причитавшихся с них повинностей, что подтверждает тот факт, что эти парики являлись лишь недавними держателями, а не квазисобственниками,

⁵ Corpus Juris Civilis. Berolini, 1954. Vol. I: Digesta / Rec Th. Mommsen, retract. P. Krueger. Dig. 41. 2.12; (далее — Dig.). Naturaliter videtur possidere is qui usum fructum habet..., Dig. 43. 26.6. § 2: et fructuarius... et colonus et inquilinus sunt in praedio et tamen non possident. Cp. Basilicorum libri LX / Ed. H. E. Scheltema, N. van der Wal, D. Holwerda, Groningen, 1953. LVIII. 24.7.2: Σὶ αἰτήσεις ἐν τῷ ἀγρῷ μου διατρίβειν, ἐγὼ νέμωμαι, οὐ σὺ, ὥστερ ὁ χρῆσιν καρπῶν ἔχων, ἢ μισθωτὸς ἢ ἐνοικίος. (далее — Bas.). Имеющий хресис на плоды — это узупруктарий, мистот — арендатор, обозначение энэйкий, по-видимому, соответствует византийскому обозначению парик. Все эти обладатели земли имели в соответствии с классическим римским правом физическое владение или держание, являвшееся обладанием от чужого имени (possessio naturalis, detentio, possessio alieno nomine, detentio corporaliter), в Василиках этим обозначениям соответствует νομὴ σῶματι Bas. L. 2.2. Cp. Dig. 41.2.3. § 1. Cp. также Dig. 41.2.18 имеет переложение в Bas. L. 2.17; Dig. 41.2.10. § 1 и соответствующие Bas. L. 10.1, L. 2.9. D. 41.2.3. § 1.

⁶ Actes de Prôtaton / Ed. Papachryssanthou. Paris, 1975. P. 184.23–25.

⁷ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14 Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. N.F. Bd. 28. München, 1949. RV. 235.

о которых говорил Евстафий Ромей. Рассматриваемая ситуация побудила Ф. Дэльгера высказать обоснованное мнение о прикреплении таких пáриков к тяглу⁸.

Однако статус квазисобственников, согласно данным Евстафия Ромея, отличался от статуса недавних поселенцев. Квазисобственники получали известные гарантированные права в отношении своего надела. Они не могли быть согнаны с земли, свободно ей распоряжалась: продавали, обменивали, отдавали в приданое, передавали по наследству и пользовались исковой защитой. Но они имели эти права при условии выполнения надлежавших паричских повинностей⁹. Нам представляется, что в качестве косвенного юридического источника правового положения таких пáриков можно рассматривать постановление Феодосия II от 424 г. о так называемой *longissimi temporis praescriptio*, согласно которому физический владелец, обладавший землей более тридцати лет, даже, если он ей владел «недобросовестно», т. е. знал о существовании ее законного собственника, получал прочные права на соответствующую территорию¹⁰.

Это означало, что все судебные иски к владельцу, включая иск, именуемый *rei vindicatio* (иск с требованием возврата вещи), вчиняемый законным собственником, автоматически погашались. Первоначально такой владелец все же не становился в соответствии с римским классическим правом полным собственником земли. Он в случае утраты земли не имел права *rei vindicatio* и не мог виндикацировать утраченную землю. Но при Юстиниане при условии только «добросовестного» владения, т. е. если владелец не знал о существовании законного собственника, он получал названное право¹¹. Из всех этих постановлений на положение византийского пáрика повлияло лишь правило о тридцатилетнем сроке как гарантии прочности владения и предоставления прав распоряжаться им.

В остальном же и после тридцатилетнего срока держания земли пáрик по-прежнему оставался держателем от чужого имени, признавая собственнические права крупного собственника, в пользу которого он по-прежнему выполнял зафиксированные повинности. Соответственно, наделы такого пáрика и его повинности, как и наделы недавно поселившегося пáрика, были вписаны в практик, перечисляющий владения

⁸ Ibid. S. 19.

⁹ Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire... P. 181–182.

¹⁰ Codex Juris Civilis. Berolini, 1954. Vol. II: Codex Justinianus / Rec. et retract. P. Krueger. 7.39.3. (далее — C.J.); Bas. L. 14.5.

¹¹ C. J. 7, 39.8. § 1; Bas. L. 14.9.

крупного собственника, где паричские держания указывались наряду с доменальными землями собственника.

Ни при каких условиях *пáрик*, как колон и раб, не становился юридическим владельцем от своего имени¹². Это является следствием того, что основным юридическим источником положения *пáриков* и юридического статуса принадлежавших им земельных участков, как недавно приобретенных, так и находящихся в тридцатилетнем держании, были многочисленные хорошо известные постановления, относящиеся к римским колонам. В 332 г. произошло прикрепление колонов к земле и превращение их в *coloni adscripticii* (в греческих текстах — *энапографы*)¹³. При Анастасии I тридцатилетний срок пребывания на чужой земле стал рассматриваться как основание для превращения обычного арендатора в колона. Запрещено было продавать землю без сидевших на ней колонов. В результате статус колона в поздней Римской империи характеризовался следующими чертами. Колон держал чужую землю, принадлежавшую собственнику. Несмотря на давность пребывания на земле, он не мог вчинять собственнику соответствующий иск¹⁴. При этом колон уплачивал собственнику денежную или натуральную плату¹⁵. Колон не имел права добровольно покинуть землю¹⁶. Однако он не мог быть и согнан с нее¹⁷.

Видимо, статус недавно приселившихся *пáриков* был близок статусу римских колонов, тогда как *пáрики*, владевшие землей в течение тридцати лет, отличались большим объемом прав и соответственно в интерпретации Евстафия Ромея в отличие от прикрепленных к земле бесправных держателей являлись квазисобственниками. Характерно, что если в Риме срок тридцатилетней давности держания земли и пребывания держателя на одном месте привел к его закрепощению, то в Византии та же давность держания привела к увеличению объема прав *пáрика*. Видимо, реальная повседневная жизнь с ее потребностями и обычаями были таковыми, что позволили Евстафию Ромею в своем постановлении о данной категории *пáриков* обратиться в качестве юридического источника

¹² О юридическом и физическом владениях см. Dig. 41.2.1. § 20; 41.2.28; 41.2.47; 43.16.1. § 25; 12.1.9; 13.7.37. Cp. Bas. L. 2.1; Bas. L., 2, 27; L. 2, 46; L. 60. 17; XXIII. 1; XXV. 1.

¹³ Dig. 41.2.1. § 20; 41.2.28; 41.2.47. 43.16.1. § 25; Bas. L. 2.1.

¹⁴ C. J. 11 (59). 49; Bas. LVI. 14.

¹⁵ C. J. 11. 50 (49). 2; Bas. LV.2. C.J. 11. 48 (47). 23. § 4 (2) 5; Bas. LV.1.

¹⁶ C. J. 11. 48 (47); Bas. LV.1.

¹⁷ C. J. 11. 50 (49); Bas. LV.2.

не только к свидетельствам римского права, относящимся непосредственно к колонату, но и постановлениям Феодосия II о «*longissimi temporis praescriptio*», относящимся к свободным владельцам занятой ими земли.

Все сказанное показывает, что в положении пáрика наблюдалась та двойственность в его юридическом и фактическом статусе, которая была характерна и для положения западноевропейского поземельно-зависимого крестьянства. Известно, что, например, английский виллан, с юридической точки зрения, держал землю по воле лорда, т. е. являлся держателем и имел землю от чужого имени. На практике его права на находящийся в его пользовании земельный надел были достаточно широкими и в качестве правового обоснования этого факта использовался манориальный обычай, существовавший как бы параллельно с правом лорда. В судах при рассмотрении конкретных вопросов руководствовались, как известно, зачастую именно этим обычаем. Так и в Византии некоторые повинности пáриков, в частности барщина и натуральные подношения, как это следует из практиков, регламентировались местным обычаем¹⁸.

Юридический статус пáрика целиком и полностью не вменялся ни в одну из совокупностей норм римского права, относящихся к поземельно-зависимым держателям и лицам, занявшим свободную землю. Он регламентировался как некоторыми из этих норм, так и местным обычаем, а также возникшим на основе обычаев правом прецедентов.

Некоторые изменения во владельческих правах пáриков по сравнению с таковыми колонов свидетельствуют о развитии во времени важнейшей цивилизационной тенденции, характерной для аграрных отношений Византии и связанной с эксплуатацией поземельно-зависимого населения. Эти изменения происходили под влиянием событийной истории повседневности. А именно, имели место разорение, обеднение и обогащение отдельных держателей, чему способствовали сделки купли-продажи, переход земель по наследству и дробление наделов. Нельзя забывать об экспансии крупных собственников, имевших право перемещать с места на место пáриков, не имевших тридцатилетнего срока давности в отношении своих наделов. Играли роль налоговая и частноправовая ответственность пáриков, отражавшаяся на их экономическом положении. Кроме того, существенное значение в позднее время имело разорение ряда территорий, подвергавшихся османским вторжениям.

¹⁸ См. например, *Actes de Lavra* / Ed. Guillou A., Lemerle P., Svoronos N., Papachryssanthou D. Paris, 1977. Vol. II. N 74. P. 27.83; N 77. P. 43.114; N 89. P. 76.214.

Обеднению населения способствовало обесценивание денег, произвол сборщиков податей и другие факторы, побуждавшие держателей бросать свои наделы. Практики содержат сведения об огромных массивах заброшенных земель, присоединенных к монастырскому домену. Под влиянием подобных явлений власти, как известно, в ранней Византии, а затем, особенно в X в. были вынуждены поддерживать налогоплательщиков как свободных, так и поземельно-зависимых, ограничивать частный патронат и попытки чиновной знати подчинить свободных крестьян¹⁹. Все эти обстоятельства и обусловили решение Евстафия Ромея о статусе páриков, владевших землей в течение тридцати лет.

Существенные изменения претерпевала во времени и тенденция, связанная с налогообложением подданных. После того, как Диоклетиан распространил единую систему налогообложения на территорию империи, эта система с известными изменениями составляла важнейшую цивилизационную особенность Византии, придавая ей характер исторической парадигмы, и отличая ее от Запада, где в раннее средневековье, как известно, налоги потеряли свое значение в связи с ослаблением государства и уступили место частноправовой ренте.

В Византии налоги платили все подданные, хотя представители элиты — физические и юридические лица — получали податной иммунитет. Существенное отличие в положении византийского páрика и западноевропейского поземельно-зависимого крестьянина было связано с тем, что в эксплуатации páрика большую роль играло налогообложение.

Практики, содержащие перечень владений крупных монастырей, тщательно фиксируют все элементы хозяйства páриков, которое ведется на паричском наделе, и приводят величину взимавшегося с этого хозяйства подушно-поимущественного налога, называемого телос²⁰. Впрочем, во владениях крупных монастырей этот налог в порядке пожалования податного иммунитета передается монастырю и впредь выполняет социальную функцию частноправовой ренты.

Свободные крестьяне, обладавшие собственническими правами на свой надел, правовой статус которых восходил к таким категориям

¹⁹ Corpus Juris Civilis. Vol. III: Novellae / Rec. R. Schoell, G. Kroll. Nov. J. 123. cap. 4; Lemerle P. Agrarian History of Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. Galwai, 1981. P. 11; Chvostova K. V. La civilization byzantine comparée à l'Occident du Moyen Age // Actes de XIX Congrès international des études byzantines. Copenhagen, 1996. P. 47.

²⁰ Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologue... P. 162.

населения в Риме, как *vicani propria possidentes* или *agricolae*²¹, принадлежали к непривileгированному населению и платили налоги.

Сведения практиков обычно не позволяют точно определить, как соотносились в поздней Византии частнопровые платежи пáриков и уплачиваемые ими государственные налоги. Бесспорно, роль и доля частнопровых рент, прежде всего арендной платы, возрастала в общем объеме платежей. Это было связано с тем, что со временем государство практически прекращает борьбу за сохранение свободного крестьянства и ограничение частного патроната. В позднее время собственники беспрепятственно селят на своих землях разорившихся крестьян, превращая их не только в пáриков, но и в частнопровых арендаторов²².

Бросается в глаза, однако, то обстоятельство, что перечисляемая в практиках недвижимостъ пáриков невелика по размерам²³. Одновременно с этим не всегда указывается точный юридический статус парического держания. Иными словами, не всегда можно с точностью утверждать, является ли конкретное держание стасью недавнего поселенца (проскафимена), имевшего ограниченные права, или же это квазисобственность, понимаемая в соответствии с определением Евстафия Ромея. Есть даже основания полагать, что в некоторых случаях речь идет и о свободной крестьянской собственности в духе римского классического права, вкрапленной в земельный массив крупного собственника-монастыря²⁴.

Каким бы ни был в каждом конкретном случае правовой статус фиксированных в практиках конкретных наделов, с него взимался налог-телос, а также требовались обычные парические повинности. Очевидно, в большинстве случаев в практиках указаны или держания на парическом праве, в отношении которых отсутствовали прочные владельческие права, поскольку срок их держания не достиг тридцати лет, или речь

²¹ C.J. 11. 56; Bas. LV. 5.

²² Chvostova K. V. La civilization byzantin comparée à l'Occident du Moyen Age... P. 47.
Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992. С. 62.

²⁴ Возможно, именно о свободных собственниках говорится в практике, где они и называются «свободными». Впрочем, не исключено, что это бывшие безземельные мигранты: «элеветеры» или «ксены, неизвестные казне». Actes de Lavra. Vol. II, N 91. P. 112, 175. Характерно, что держатели не перечисляются поименно и не упоминаются их повинности. Это говорит в пользу одного из высказанных предположений, хотя и не ясно, какого именно.

идет о квазисобственности, т. е. держаниях, имеющих тридцатилетнюю давность. Вкрапления собственных участков свободных крестьян в составе земель монастырского домена, по-видимому, редки.

Считаем, что в поздней Византии уже не парикия определяла характер крестьянского землепользования, а свободная крестьянская частнопроводная аренда. Об этом свидетельствует то, что во многих практиках в составе перечня владений крупных монастырей при описании домена, т. е. земель, неподделанных на паричские стасы, упоминаются земли, сдаваемые в аренду. В качестве арендаторов могли выступать свои парики и парики, зависимые от других собственников (ксенопарики), а также свободные крестьяне. К выводу о том, что не парикия определяла в поздней Византии аграрные отношения, автор данной работы пришла еще в 1978, а затем в 1980 г.²⁵

При этом положение вещей в Византии было сопоставлено с ситуацией в средневековой Англии, где так же в XIV в., как, в частности, показал М. А. Барг, происходил кризис вилланства²⁶. Оценка роли парикии в поздней Византии была нами затем повторена в совместном с З. В. Удальцовым докладе на XVI Международном конгрессе византистов в Вене²⁷.

К сходному выводу пришел И. Караяннопулос²⁸. Однако наша позиция по этому вопросу и позиция И. Караяннопулоса существенно различаются. Полагая, что в поздней Византии парикия не играла ведущей роли в аграрных отношениях, мы в то же время воздерживаемся от принятия предложенной И. Караяннопулосом гипотезы, согласно которой в Византии в поздний период возникли условия, благоприятствующие росту численности свободных крестьян-собственников в духе римского классического права. Одновременно будто бы возрастала и численность париков-ипостатиков, т. е. таких, которые наряду с паричским держанием владели свободной землей²⁹.

²⁵ Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения париков в Византии XIV в. // Византийский Временник (далее — ВВ). Т. 39. М., 1978; Она же. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 101.

²⁶ Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1960. С. 329.

²⁷ Oudal'zova Z., Chvostova X. Les structures sociales et économiques dans la Basse-Byzance // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 31/1. Wien, 1981. S. 147.

²⁸ Karayannopoulos J. Entwicklungsetappen der agrargesellschaftlichen Verhältnisse in Byzanz... S. 137.

²⁹ Karayannopoulos J. Op.cit. P. 137.

Обозначение «ипостась», используемое еще в античной Греции в значении «собственность», часто встречается в практиках. Еще Ф. Дэльгер высказал мысль, что ипостатики — это те же пáрики, которые кроме парического надела имели землю на правах полной собственности³⁰. Однако тщательное ознакомление с актовым материалом показывает, что обозначения «ипостась» и «ипостатик» обладали полисемантизмом. Иногда ипостатиками назывались и обычные держатели стаси, т. е. в этом случае «ипостась» употреблялась в значении «стась»³¹. Иногда ипостатики — это квазисобственники в понимании Евстафия Ромея³². Не исключено, что в отдельных случаях под ипостатиками подразумевались те крестьяне, о которых писал Ф. Дэльгер, т. е. имевшие одновременно и парический надел и свободную собственность. Однако, на наш взгляд, в любом случае использование выражений «ипостась» и «ипостатик» в практиках не дает оснований для предположения о том, что в поздней Византии у пáриков открываются возможности для постепенного превращения в полностью свободных крестьян. Но, на наш взгляд, эти возможности чисто виртуальные, не подтвержденные конкретными сведениями источников.

Действительно, поскольку статистика по данной проблематике отсутствует, аргументировать гипотезу И. Караяннопулоса можно было бы только с помощью косвенных сведений. Но эти последние говорят не в ее пользу. А именно, знание общей ситуации в империи в рассматриваемый период времени свидетельствует о том, что вероятность значительного развития тенденции к приобретению пáриками земель в собственность достаточно мала. В период экономического спада, усиления внешней опасности земля в империи не являлась уже средством обеспечения социально-экономической стабильности. Данные о высокой степени мобильности земельного фонда, а также большое количество содержащихся в практиках сведений о наличии значительных массивов заброшенных крестьянских земель³³ являются, на наш взгляд, основательным аргументом для подобного вывода. Частноправовая аренда домениальных земель крупных земельных собственников должна была оказаться более рентабельной и надежной в это смутное и опасное для человека со скромным достатком время.

³⁰ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika... S. 21.

Actes de Dionysiou / Ed. Oikonomidès N. Paris, 1968, N 25. Notes. P. 147.

³² Хвостова К. В. Социально-экономические процессы... С. 85–86.

³³ Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues... P. 79.

Однако возрастающая роль частноправовой крестьянской аренды отнюдь не свидетельствует о появлении новой цивилизационной тенденции в аграрных отношениях, развивавшейся параллельно с той, которая определялась паричским хозяйством на наделе на паричском праве при условии уплаты париком, в первую очередь, налога. Наоборот, новая тенденция вполне совмещалась с прежней. Арендные отношения инкорпорировались в традиционный правопорядок, дополняемый правом прецедентов. А именно, частноправовая аренда регламентировалась в основном римским классическим правом, относящемся к эмфитевсису и узуфрукту, частично развивающимся правом прецедентов. В отличие от Запада отсутствовало записанное обычное право типа западноевропейских средневековых кутюмов. Несмотря на тенденцию к росту частноправовых отношений, проявляющуюся не только в развитии частноправовой аренды, но и в распространении на монастырских землях податного иммунитета и других привилегий, способствующих развитию частной инициативы собственников, правосознание византийцев не изменилось. В нем по-прежнему доминировала идея о первостепенной роли налогообложения в аграрных отношениях. В практиках при пожаловании земель крупным собственникам ценность земли определялась не ее ценой и доходностью, но величиной причитавшегося с нее государственного налога, сумма которого (*посотис*) в форме податного иммунитета передавалась крупному собственнику³⁴.

В то же время увеличение числа париков, арендовавших монастырскую землю на условиях уплаты собственникам частноправовой ренты в известном смысле означало сближение византийских аграрных порядков с таковыми на средневековом Западе, где преобладали частноправовая рента, и крестьяне, обязанные уплатой такой ренты в пользу сеньора. Поэтому можно предположить, что если бы не гибель империи в XV в., в Византии произошло бы изменение соответствующих цивилизационных тенденций и возобладал бы аграрный порядок, напоминающий тот, который существовал на Западе в эпоху классического средневековья и который был основан на частноправовых отношениях. Об усилении тенденции к распространению частноправовой аренды говорят и рассматриваемые далее факторы миграции париков, которые, переселяясь в другие места, становились иногда свободными арендаторами. Имеется в виду такая миграция, при которой крестьяне сохраняли за собой права на свое покинутое держание, а безземельные сохраняли

³⁴ Хвостова К. В. Социально-экономические процессы... С. 74.

приусадебный участок, дом и движимое имущество, с которых продолжали платить налог, а сами переселялись (возможно, временно) в другие места, расположенные или в сельской местности, или в городе. Проблема такой миграции пáриков впервые была поставлена нами в 1987 году³⁵.

Особое внимание исследователи уделяли проблемам перемещения лиц, не зафиксированных в государственных кадастрах, так называемых свободных (*элеветеров*) и «чужих» (*ксенов*), «неизвестных казне». Представители названных мигрирующих групп были свободны, с одной стороны, в том смысле, что они не являлись чьими-то пáриками, а с другой — были свободны от уплаты податей. Косвенное свидетельство роли миграционных процессов — наличие технического смысла (хотя и не лишённого многозначности) у выражений, обозначающих мигрирующее население (*проскафимены*, *элеветеры*, *ксены*).

Меньшее внимание исследователей к миграции пáриков по сравнению с элеветерами и ксенами, «неизвестными казне», объясняется сравнительной бедностью сведений источников. Тем не менее, на основе сравнительного анализа имен пáриков, зафиксированных в разновременных практиках, относящихся к одним и тем же общинам, исследователи пришли к выводу о том, что через промежуток в 20 лет более 50% имен полностью исчезает³⁶. Это наблюдение представляет значительный интерес, хотя трудно установить степень его типичности. Изменения в именах пáриков на территории общины могли быть вызваны разнообразными причинами. Не исключены переселения пáриков в другие места при условии прекращения податной ответственности по прежнему месту жительства. Изменение имен могло быть следствием смерти прежних владельцев и передачи выморочного имущества другим держателям и т. п.

Однако в практиках о переселении пáриков имеется определенное число прямых, а также множество косвенных свидетельств, анализ которых представляет специальный интерес. Прямые сведения — это такие, когда в источнике непосредственно говорится о переселенцах в определенный район, деревню, проастиий, город³⁷. Эти данные позволяют констатировать наличие в поздней Византии двух групп переселенцев (*проскафименов*). Первая состоит из людей, проживающих в той же общине, где они

³⁵ Хвостова К. В. Миграционные процессы в среде поздневизантийских зависимых крестьян // вв. М., 1987. Т. 48; Она же. Социально-экономические процессы в поздней Византии... С. 53–59.

³⁶ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika... S. 27.

³⁷ Actes de Lavra. Vol. II. N 109. P. 237. 280–281; P. 255.53.

несут податную ответственность³⁸. Они происходили в основном из поселившихся во владениях крупного собственника элевтеров или ксенов, «неизвестных казне». Другая группа проскафименов представлена лицами, которые переселились на новое место, а податную ответственность несли по старому местожительству. Эта группа в отличие от первой менее изучена. Она-то и составляет объект нашего изучения.

Наряду с прямыми указаниями практиков об этой категории у нас имеются и косвенные данные. Таковы многочисленные свидетельства о наличии у париков земли (чаще всего виноградников), расположенной в разных частях данного села, а также в разных селах. В этом случае на территорию нового владения, возможно, переселялся, кто-либо из членов большой крестьянской семьи. О перемене париками места жительства говорят и факты покупки, обмена крестьянами имущества и все те сведения о различных новых центрах крестьянской хозяйственной деятельности, о которых речь пойдет ниже.

Интерпретация прямых свидетельств о переселениях париков позволяет сделать следующие выводы. Из 34 проскафименов, перебравшихся в другие места (в хорионы или Фессалонику) и зафиксированных в практике Лавры от 1321 г., содержащем описи владений в феме Фессалоника, 18 были полностью неимущими³⁹. У 5 имелось небольшое хозяйство⁴⁰, а у 11 более значительное⁴¹. Свыше половины переселенцев были, судя по всему, бедными (к тому же малосемейными). Видимо, их переезд был окончательным, и они лишь числились в кадастрах по прежнему месту жительства как налогоплательщики. Именно отсутствие имущества и невозможность нести тягло и явились, вероятно, основными причинами переселения. Сохранение податных обязательств отличало проскафименов подобного рода от беглых париков и элевтеров или ксенов, «неизвестных казне». Проскафимены обычно становились арендаторами в других

³⁸ Actes de Docheiariou / Ed. Oikonomidés N. Paris, 1984. N 19. P. 147.11–15; N 20. P. 157.42–46; N 21. P. 162.34; N 22. P. 165.20; N 58. P. 294.4). Мигрирующим населением могли быть к беглые парики (Actes de Lavra. Vol. III. Paris, 1979. N 167. P. 182.31), а также свободные собственники, продававшие, покупавшие или обменивавшие земли.

³⁹ Actes de Lavra. Vol. II, N 109. P. 225.53; 227.99; 234.225; 236.266; 237.270; 237.271; 243.372–373; 246.425; 247.441; 248.470–471; 250.499; 251.516–520–260.678–679; 269.835–836; 272.887–888; 277.987.

⁴⁰ Ibid. P. 237.278–279; 237.280–281; 242.369–370; 248.465; 249.476–477–273.896.

Ibid. P. 228.125–126; 248.465–466; 251.516–517; 251.519–520; 269.822–270.843–844; 270.885–886. Ср. также: N 91. P. 103.36–37; 104.51–52; 105.63; 112.181–182; 114.214.

общинах (арендаторы-ксенопáрики) или уходили в город. Иногда они обзаводились хозяйством в новой общине или устраивались в другой части той же общины благодаря вторичному наделению землей, которую получали от собственника⁴². Такое наделение осуществлялось из резерва земель, ранее не поделенных на стаси, или за счет стасей беглых пáриков, а иногда из каких-либо заброшенных земель или из ресурсов выморочно-го имущества.

Новый хозяйственный центр поземельно зависимого крестьянина мог в отдельных случаях возникнуть в результате создания хозяйственного комплекса на периферии села⁴³ или приобретения экзохорафия, т. е. земли, также расположенной на окраине общины. Иногда это был пахотный надел, в некоторых случаях приобретались виноградники или сады.

Что же касается тех проскафименов рассматриваемой группы, которые ранее располагали некоторым имуществом, особенно недвижимостью, то после их переселения в другие районы и образования новых очагов их экономической деятельности прежнее хозяйство не только сохраняло свое фискальное значение, как у неимущих проскафименов, но и продолжало свое параллельное экономическое развитие. У таких проскафименов складывались два (или более) центра хозяйственной деятельности.

Крестьяне, у которых отсутствовало недвижимое имущество, но имелся тягловый скот, перемещаясь на территорию другой общины, фактически могли, подобно полностью неимущим, целиком порвать со своим прежним домом и превратиться в арендаторов земли или того же собственника⁴⁴, от которого они и первоначально зависели, или же другого. Соответственно они становились дважды пáриками или ксенопáриками⁴⁵, или превращались в арендаторов земли на других условиях. Но для прежнего хозяина такие крестьяне по-прежнему оставались пáриками, обязанными нести все соответствующие повинности, несмотря на то, что их семьи уже не проживали на прежнем месте.

⁴² См.: Svoronos N. Le domaine de Lavra... P. 168.

⁴³ См., например: Actes de Lavra. Vol. II. P. 272.893–894.

⁴⁴ Lemerle P. The Agrarian History... P. 38, 206; Svoronos N. Le domaine de Lavra... P. 162, 167; Actes de Lavra. Vol. II, N 71. P. 10.70; Vol. III, N 123, P. 25.133; Actes de Chilandar. N 92; Angold M. A. A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261). L., 1975. P. 141.

⁴⁵ Actes de Lavra. Vol. III, N 118. P. 5.99–100; Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения пáриков в Византии XIV в. (Количественный подход к проблеме) // Византийский Временник. 1978. Т. 39.

Таким образом, вследствие перемещения либо появлялись новые центры хозяйств поземельно зависимых крестьян, тогда как старые сохраняли лишь фискальное значение, либо возникало несколько параллельно функционирующих центров. Подобные явления определяли существо сложных изменений в крестьянском землепользовании в Византии XIV–XV вв., которые состояли в падении социально-экономической роли «собственного» парического хозяйства классического типа, т. е. такого, которое сосредоточивалось на крестьянской стаси, в отношении которой имелись прочные владельческие права при условии сохранения тягла, и расположенной вблизи домов, а не за пределами хориона. Преимущественную роль стали играть хозяйства на земле, арендованной (хотя бы частично) на условиях, отличных от наследственного владения, равно как хозяйственные центры, возникшие за пределами деревни, владельцы которых, однако, по-прежнему выполняли традиционные парические повинности.

Интерпретация косвенных сведений о миграции париков, т. е. данных о наличии нескольких центров крестьянского хозяйства, позволяет высказать предположение о том, что в некоторых случаях переселялись только члены крестьянской семьи, тогда как ее глава оставался на прежнем месте. Возможно, именно поэтому подобные переселения и не зафиксированы в практиках.

Проблемы миграции париков, связанные с положением социальной группы, называемой проскафименами, помимо всего прочего, заставляют несколько по-иному оценить проблему покинутых земель в Византии. Источники свидетельствуют о большом их количестве, а само их наличие рассматривалось в историографии в значительной мере как симптом экономического кризиса⁴⁶. Но приведенные выше факты миграции париков показывают, что имел место и противоположный процесс вовлечения в обработку новых земель. Кроме того, заброшенные земли могли быть оставлены без обработки в силу естественного истощения их плодородия. При этом парики, их бывшие владельцы, арендовали другие наделы. Вновь возникшие центры хозяйственной деятельности крестьянина

⁴⁶ См., например: *Actes de Lavra*. Vol. II, N 73. P. 20.69; Vol. III, N 127. P. 34.6, 18–19. В документе XV в., относящемся к владениям Дохиарского монастыря, содержатся данные о разорении собственников (*Actes de Docheiariou*. N59. P. 298.1–3). Заброшенные земли неоднократно упоминаются в практиках. Иногда речь идет о покинутых крестьянских стасях или ипостасях. См.: *Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés en Grèce: Un bilan provisoire // Villages désertés et histoire économique. XIe–XVIIIe siècles*. P., 1965.

свидетельствовали о наличии некоторых элементов внутренней колонизации. Безусловно, они по своему значению не могут быть сопоставимы с известными процессами внутренней колонизации на Западе, имевшими существенные социально-экономические и демографические последствия.

В Византии подобные процессы не захватывали больших территорий, Миграция, как правило, осуществлялась в радиусе соседних поселений и ближайших городов. Однако явления внутренней колонизации, несмотря на свой ограниченный пространственный диапазон, не могут быть сброшены со счетов как отражавшие динамику крестьянского землепользования. Они показывают также, что тенденция запустения земель не была однозначной. Миграция зависимых крестьян оказывала влияние и на развитие семейных отношений. Проскафимены, проживавшие в других общинах, были, как уже отмечалось, малосемейными, как и элевтеры и ксены, «неизвестные казне».

Кроме того, прямые данные о переселении крестьян в города или в другие общины свидетельствуют о том, что проскафименами являлись, как правило, сыновья, братья, зятья и другие родственники главы бывшей неразделенной большой семьи. Очевидно, структура, экономический и имущественный статус византийской семьи не могут быть уяснены без анализа миграции пáриков. Имущественное положение семьи, отдельные члены которой уходили в другие общины, было сложным. Семья в силу такого переселения разделялась и практически не могла совместно вести хозяйство. Возникали многочисленные владения, составлявшие части прежде единого хозяйства⁴⁷. Перемещения пáриков не только сказывались на судьбах самих крестьян, но и были прямо связаны с развитием крупной собственности. В отличие от поселения элевтеров и ксенов на территории крупных поместий, которому оказывало содействие государство, предоставлявшее собственникам права на соответствующие поселения, борьба за привлечение арендаторов-ксенопáриков во многом развertyвалась вне государственной поддержки.

Особый интерес представляют временные или постоянные перемещения поземельно зависимых крестьян из сел, прилегавших к крупным городам (например, к Фессалонике), в эти города. Они обуславливались сложными имущественными и торговыми взаимоотношениями города и его округа⁴⁸. Документы Лавры св. Афанасия позволяют несколько

⁴⁷ Actes de Lavra. Vol. II, passim.

⁴⁸ Hrochová V. Aspects sociaux et économiques de la décadence des villes byzantines à l'époque des Paléologues // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzan-

углубить понимание вопроса. В практике 1321 г., содержащем опись владения монастыря в феме Фессалоники, упоминаются земли, которые были проданы монастырскими париками жителям Фессалоники, и с которых Лавре по-прежнему поступал парический *телос*⁴⁹. Зафиксированы и владения, приобретенные монастырем у жителей Фессалоники⁵⁰. Среди чересполосных с монастырскими территориями фигурируют и земли пропониаров, и виноградники горожан.

Актовый материал свидетельствует о наличии в городе, в частности в Фессалонике, метохов, хорафиев и виноградника, принадлежавших монастырям, равно как и монастырских домов, магазинов, мастерских⁵¹. Там жили зависимые от монастырей парики, арендаторы и проскафимены из других монастырских владений. Среди переселенцев в другие места упоминается ряд проскафименов в Фессалонику⁵².

Случаи переселений в город обедневших париков, сохранявших свои обязанности налогоплательщиков по прежнему месту жительства, но искавших средства к существованию в Фессалонике, — по-видимому, одно из косвенных свидетельств более благополучного положения в городе, чем в его округе, где проблема обеспечения крестьян землей приобретала все большую остроту. Крестьяне стремились также в центры железодельного производства. Возможно, соответствующие шахты и мастерские предоставляли беглым право убежища⁵³.

Итак, миграционные процессы в Византии, охватывавшие не только ксенов, «неизвестных казне», беглых париков и элевтеров, но и париков, прикрепленных к тяглу и осуществлявших «легальные» переселения, оказывали значительное влияние на развитие аграрных отношений. В тесной связи с этими процессами происходили изменения в крестьянском землепользовании, развитие форм эксплуатации и хозяйствования, отличных от парикии, формирование взаимосвязей крупных городов с их округой и перенесение центров социальных конфликтов в город.

Имеющиеся в практике данные не позволяют составить исчерпывающего представления о размахе этого миграционного движения, ибо

tines. București, 1971.

⁴⁹ Actes de Lavra. Vol. II. N 109. P. 275.946; 276.952–953.

⁵⁰ Ibid. N 89. P. 74.119–120; Vol. III, N 118.117; 118.141.

Ibid. Vol. II, N 71. P. 10.70–71; Vol. III, N 123. P. 25.127–128; Actes de Docheiariou. N 47. P. 251.

⁵² Actes de Lavra. Vol. II. N 109. P. 225.53; 234.225; 237.271; 243.372–373; 246.425.

⁵³ Ibid. Vol. III. N 128. P. 36. Not.

относятся только к главам разделившихся семей. Наличие косвенных сведений о возможных переселениях остальных членов семей, т. е. все содержащиеся в источниках упоминания о нескольких центрах крестьянского хозяйства, означает, что действительный размах миграции пáриков был большим, чем это следует из прямых упоминаний о них. Однако все «легальные» перемещения, выявляемые на основе прямых или косвенных свидетельств, имели одну общую черту. Они обычно происходили в ограниченном радиусе, распространяясь на данную общину, или охватывали небольшую территорию соседних общин либо ближайшего города⁵⁴. Очевидно, переселения в отдаленные районы, как правило, становились нелегальными. Пáрик в этом случае был вынужден отказаться от уплаты податей и исполнения повинностей, а значит, подлежал возвращению на прежнее местожительство или же через некоторое время попадал в разряд элевтеров. Среди тех, кто уезжал на сравнительно значительные (до 40 км) расстояния, видимо, преобладали эмигранты из сельской местности в Фессалонику. Можно предположить, что пребывание на новом месте таких проскафименов оказывалось длительным.

Миграция пáриков не только была связана с судьбами их самих, но она вызывала изменения в структуре крупной собственности и в целом в аграрных отношениях. Пáрики легально перемещались при отсутствии какого-либо контроля со стороны государства за их действиями. Собственники могли самостоятельно поощрять поселение в своих владениях таких крестьян, сохранявших свои налоговые обязательства по прежнему покинутому местожительству, находившемуся на территории этих же или других собственников. Они становились или пáриками-проскафименами, или частноправовыми арендаторами. Этим легальные переселенцы отличались от беглых крестьян, бросавших тягло, и тех, кто не числился в государственных кадастрах в качестве налогоплательщиков по каким-либо землям, называвшихся «ксены, неизвестные казне». Поселение этих последних на землях какого-либо крупного собственника-монастыря в поздней Византии, если не лимитировалось, то, во всяком

⁵⁴ Lefort J. Villages de Macédoine: Notices historiques et topographiques sur la Macédoine orientale au Moyen Âge. Paris, 1982. Ср.: Svoronos N. Le domaine de Lavra... Cartes. О переходе проскафименов из одного владения в другие метохи того же собственника (Лавры св. Афанасия), расположенные на Лемносе, говорится в простагме Мануила II Палеолога от 1405 г. См. Actes de Lavra. Vol. III. N 157. P. 142.4. Возможно, имеется в виду редкий случай переселения пáриков в отдаленные районы.

случае, контролировалось государством. Для более раннего периода, как это хорошо известно, было характерным пожалование частному собственнику со стороны государства права поселить на своей земле строго определенное число (*арифмос*) неизвестных казне мигрантов. Подобные меры были общей, характерной для ранней Византии и эпохи Комнинов, политики контроля за поступлением налогов. Легальная миграция париков, способствовавшая развитию частноправовой аренды, и, следовательно, наряду с такими факторами, как податной и частичный административный иммунитет, создавала более благоприятные условия для развития экономической инициативы собственника, способствовала появлению отношений, наподобие существовавших на Западе.

Эти факторы как бы пробивали брешь в развитии цивилизационной тенденции четкого различения публичных и частных прав, создавая возможности для его смешения. Наряду с этим развитие названных явлений приводило к известной децентрализации в сфере аграрных отношений; уменьшалась роль налогообложения в системе эксплуатации крестьян. Но, как уже отмечалось, в соответствии с политико-правовой доктриной взиманию государственных налогов и в целом фискальной политике государства по-прежнему в империи придавалось большое значение. Всякое оформление пожалования земли со стороны государства физическому или юридическому лицу предполагало указание в практике, оформляющем передачу земли, наряду с ее размерами также и величину соответствующего данному владению земельного налога (*посотис*)⁵⁵. При этом подобные указания делались и в отношении тех владений крупных афонских монастырей, которые имели податной иммунитет. Последнее означало, что налог с домениальной земли упразднялся, а с держаний париков передавался монастырю, выполняя в дальнейшем функции частноправовой ренты. Фиксация этих упраздненного и пожалованного монастырю налогов являлась выражением величины императорского дара. Иными словами, как уже отмечалось, не стоимость земельного владения, а именно размеры причитающегося с него земельного налога определяли в соответствии с имперским правосознанием византийцев его ценность.

Нарастающая тенденция к развитию частноправовых отношений, характеризующаяся множеством событий повседневной социально-экономической жизни, была, как это следует из вышеуказанного, недостаточно сильной. Она не разрушила традиционный правопорядок и правосознание и не изменила в корне те традиционные формы публично-правовых

⁵⁵ Хвостова К. В. Социально-экономические процессы... С. 74.

отношений между представителями элиты и властью, которые придавали византийской цивилизации специфику и делали ее исторической парадигмой. События, относящиеся к развитию частноправовых отношений и к смешению частного и публичного права, означали известное ослабление и видоизменение во времени тенденции, характеризующейся преобладанием публично-правовых отношений, однако, не свидетельствовали о ее кризисе.

Пáрики, как отмечалось, имели не только разный социальный, но и разный имущественный статус. Практики не дают исчерпывающего представления на этот счет. Мы знаем только о движимом и недвижимом имуществе пáриков, с которого он уплачивали подушно-поимущественный налог-телос. Однако, поскольку публично-правовые отношения, связанные с уплатой государственного налога, по-прежнему определяли ведущие цивилизационные тенденции византийского общества, соответствующие данные представляют существенный интерес. Для определения силы названной тенденции важно определить степень имущественного расслоения пáриков с учетом их имущества, подлежащего налогообложению, а также величины уплачиваемого налога. Решение этой проблемы не может быть осуществлено без применения математических методов. Суть в том, что мы имеем дело с массовым количественным материалом. Можно спорить о степени его репрезентативности, о полноте сведений, об их точности, о степени идентичности подхода отдельных податных чиновников к фиксации действительности. В зависимости от ответов на эти вопросы осуществляется выбор тех или иных приемов количественного анализа, но в любом случае он необходим.

Объектом количественного анализа являются сведения практиков, которые содержат опись многочисленных крестьянских хозяйств, характеризующихся 16 количественными признаками: дом, число членов семьи, размеры виноградника, величина пахотного надела, количество тяглового скота (упряжки, т. е. зевгарь, волы, ослы), количество нетяглового скота (коровы, овцы, козы, свиньи), число рыбацких лодок, пчелиных ульев, плодовых деревьев, размеры земли под садом и огородом, величина налога. В некоторых хозяйствах ряд признаков равнялся нулю, т. е. соответствующие виды имущества отсутствовали.

Мы называем эти хозяйства крестьянскими, так как полагаем, что среди них наряду с владениями пáриков с прочными владельческими правами и держаниями пáриков-проскафименов были хозяйства арендаторов на условиях, отличных от тех, на которых держали землю названные группы владельцев. Бесспорно, в некоторых отношениях этих арендаторов,

называемых иногда антропой, катикунты, также можно причислить к парикам, однако это уже другая разновидность названной социальной группы, положение которой определялось уплатой нефиксированных, зависящих от величины урожая, т. е. частноправовых, сборов.

Количественный анализ названных 16 признаков приближает нас к решению многих спорных проблем аграрного развития империи. Среди них, кроме проблем уровня имущественного расслоения крестьян, меры зависимости налога от размеров имущества и, следовательно, роли налогообложения и соответствующего разграничения функций публично-правового управления и частной власти. Особое значение приобретает вопрос об экономическом районировании отдельных областей империи.

Очевидно, что для ответа на эти вопросы необходимо тщательно проанализировать названные обширные данные таким образом, чтобы каждая количественная характеристика, т. е. соответствующий элемент информации, рассматривалась в тесной связи с другими количественными показателями. Несомненно и то, что массовая информация, содержащаяся, например, в практике монастыря Лавры от 1321 г., относящаяся к 856 крестьянским хозяйствам (данные о которых издателями полностью восстановлены), расположенным в разных катепакикиях и селах фемы Фессалионики, не может быть проанализирована не только без применения количественных методов, но и без компьютера.

Уже визуальная оценка матрицы размерностью 856×16 обнаруживает необходимость упорядочения материала. Становится ясно, что не обойтись хотя бы без процентных отношений или средних показателей, а также репрезентации материалов с помощью таблиц. Попытку сведения данных в таблицы для их количественной обработки предпринял Н. Зворонос в работе, посвященной домену Лавры при Палеологах⁵⁶. Исследователь, в частности, определил суммарное количество скота, общее число модиев под виноградником и пахотной землей, число членов семьи и т. д. по всем хозяйствам в рамках общин и катепакикиев. Подобное суммирование, безусловно, интересно, так как показывает, например, сравнительную обеспеченность земель, скотом и прочими видами имущества, с одной стороны, крестьян, а с другой — крупного собственника — монастыря. Но оно оставляет открытой массу других вопросов. В частности, возникает вопрос о месте каждого хозяйства в общей социально-экономической и демографической ситуации, зафиксированной в названном источнике. Суммирование по хозяйствам означает отказ от

⁵⁶ Svoronos N. Le domaine de Lavra... P. 165–173.

рассмотрения каждого хозяйства в системе других и поэтому является недостаточным.

Наличие 16 признаков, которыми характеризуются хозяйства, т. е. существование, как говорят математики, 16-мерного пространства, делает необходимым использование более сложных математических методов, позволяющих выполнить последовательную обработку многих данных, т. е. нужна выработка соответствующего алгоритма.

Проблема состоит в нахождении и обосновании его адекватности поставленной задаче. Мы остановимся здесь на рассмотрении некоторых методов, использованных в наших предшествующих работах. Нами разработана методика частичной формализации концепции имущественного расслоения средневековых крестьян, результатом чего явилось создание коэффициента расслоения таких крестьян⁵⁷. Его использование позволяет определить степень названного расслоения крестьянских хозяйств в пределах отдельных общин по каждому из 16 признаков и по всем вместе.

Проблема выбора методики измерения степени имущественного расслоения крестьян интересна своей многоаспектностью. В ней, как в фокусе, отражена взаимосвязь нескольких уровней анализа исторических явлений, а именно уровень реконструирования самих отношений считается с рассмотрением представлений современников эпохи об этих отношениях. Для решения необходимы выявление и анализ понятийного аппарата эпохи, что составляет первый этап исследования. Второй состоит в оценке восстановленных и изучаемых отношений в терминах современного понятийного аппарата.

Визуальная оценка количественных данных практиков убеждает нас в наличии имущественного расслоения крестьян. Каждое хозяйство по своим показателям отличалось от большинства других. Чтобы выявить меру расслоения, очевидно, необходимо попарное, возможное только с помощью компьютера, сопоставление 856 хозяйств друг с другом. Поиск алгоритма, позволяющего осуществить соответствующие подсчеты, лежит на пути содержательного анализа сущностных признаков имущественной дифференциации изучаемых крестьян с учетом соответствующих воззрений византийцев. Для его выработки необходима вначале

⁵⁷ Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980; Она же. Количественные методы в исторических исследованиях // Вопросы философии. М., 2002, № 6; Она же. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. М., 2007. № 3. С.

словесная характеристика типичных черт расслоения и представлений о них современников, а затем должно последовать адекватное выражение словесной характеристики в виде алгоритма. Выполнение названных процедур и означает построение частично формализованной концепции имущественного расслоения византийских (и вообще средневековых) крестьян. Итак, каковы признаки этого расслоения, не ускользнувшие от внимания самих жителей империи?

В этом плане существенны идеи византийцев о структуре крестьянского хозяйства, обеспечивающей его длительное поступательное развитие. Они отражены в 162-й новелле Юстиниана, намечающей различия, существовавшие между энапографами и свободными колонатами. В ней говорится, что свободный колон при условии приобретения отличной от пекулия земли в таком размере, в каком сможет ее обработать собственными силами, и отсутствия земли сверх этого количества приобретает право свободного передвижения. Представления о земле, которую землевладелец может обработать собственными силами, содержит в себе определение крестьянина и характерную для средневековья идею полного или нормального надела, распространенную и на Западе. Исходя из этой (свойственной средневековью в целом) идеи, мы и строили содержательную характеристику концепции имущественной дифференциации византийского крестьянства.

Итак, считаем, что если бы существовала ситуация, в которой все крестьяне изучаемой вотчины, общины или региона владели бы полным наделом, т. е. если бы в соответствующей совокупности отсутствовало бы расслоение, то это означало бы наличие условий для оптимального развития крестьянской экономики в условиях любого аграрного, в том числе византийского общества. В действительности же очевидно, что имущественное состояние большинства крестьян в тех общинах, вотчинах и регионах, о которых мы располагаем статистическими данными, было совершенно иным, отличным от положения держателей полного надела.

Здесь необходимо сделать существенную оговорку. В византийских источниках сведения о поземельном статусе парика зачастую носят неявный характер. Иными словами, мы можем высказать лишь более или менее обоснованную гипотезу относительно того, являлся ли он владельцем надела, связанного с уплатой налога, парического пакта, или арендовал землю на иных условиях. Более того, и это в данном случае главное мы вообще точно не знаем, сколько у него было земли. Поэтому при анализе степени имущественного расслоения париков мы оперируем данными об

их налогообложении, считая, что налог с хозяйства более или менее адекватно отражал общий имущественный статус крестьянина.

Возвращаясь к проблеме оценки степени имущественной дифференциации пáриков в конкретных, изучаемых на основе сохранившихся источников общинах, вотчинах и регионах, констатируем основной постулат, положенный в основу всего дальнейшего рассуждения о методике анализа названного расслоения. Целесообразно сравнить положение каждого из 856 крестьян в отдельности, а также общину, вотчину и регион в целом с нефактической ситуацией, в которой все крестьяне имели полный (нормальный) надел и упряжку, точнее, платили налог, соответствовавший данному имущественному статусу и составлявший одну номисму из расчета наличия земли смешанного II и III качества. В условиях поздней Византии полный надел составлял от 200 или 300 модиев земли низшего качества до 50–25 первого. Если исходить из предположения о существовании в Византии двуполья, то реальный полный надел равнялся 100–150 модиям низшего или третьего качества, 50 модиям второго и 25 — первого. С этих наделов взималось по одной номисме основного налога — телоса⁵⁸.

Суммарная мера отклонения реального состояния каждого из 856 анализируемых хозяйств от предполагаемой нефактической ситуации, отражавшей оптимальные условия длительного поступательного развития крестьянской экономики, при которой все крестьяне имели полный надел (т. е. платили одну номисму), рассматривается как мера расслоения этих хозяйств. Сопоставление осуществляется с помощью специально разработанной нами методики, основанной на решении дифференциальных уравнений и представляющей собой алгоритм⁵⁹. Ситуация, в которой все имели полный надел, могла бы на оценочном уровне исследования в понятиях современной науки, точнее в терминах учения Макса Вебера, быть охарактеризована как «идеальный тип». Мы полагаем, что названную нефактическую ситуацию целесообразно оценить по-иному, с учетом общенаучной терминологии, употребляемой при изучении вероятностных, случайностных или стохастических процессов. Нефактическая ситуация является некоторой нормой, оптимальными условиями в имущественном положении крестьян. Она может быть названа необходимым аспектом стохастического процесса, выражающим его развитие в крайних специфических оптимальных условиях. Реальное положение

⁵⁸ Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

⁵⁹ Хвостова К. В. Количественный подход... С. 75–79.

вещей — это вероятностное проявление стохастического процесса, отличающееся от оптимального его состояния. Результат сопоставления этих двух состояний, оцениваемый как мера (коэффициент) расслоения, есть мера случайности в изучаемых отношениях или процессах.

Переходим к словесной характеристике концепции расслоения крестьян эпохи Средневековья в целом. Имущественная дифференциация зависимых крестьян определенного поселения или общины означает существование в недрах крестьянства определенных имущественных групп, различающихся наличием имущества (прежде всего, земли) в определенных размерах и специфическими чертами социального поведения.

На протяжении времени средний по зажиточности слой крестьян (т. е. держатели нормального надела) или беднел или богател. Под обеднением подразумеваем результат сокращения нормального надела. Это было связано с дроблением наделов, образованием, в силу нехватки рабочего скота, новых мелких держаний, переходом вымороченных наделов крупным собственникам и передачей их вновь крестьянам в держание, но уже в виде урезанных наделов, продаж наделов и т. д. Однако в условиях более развитых производительных сил (а иногда и при отсутствии этого условия) эти урезанные наделы в дальнейшем рассматривались как нормальные.

Соответственно, обогащение означало увеличение нормального или полного надела. Наиболее характерными для рассматриваемых процессов были процессы, которые назовем условно сравнительным обогащением или псевдообогащением. В условиях, когда у значительной части крестьян сокращались размеры нормального надела, крестьяне, которые сохранили прежний нормальный надел, являлись уже не представителями среднего слоя, а относительно зажиточными держателями. Наряду со слоем крестьян средней зажиточности в эпоху развитого средневековья четко определяются и другие слои: держатели $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ наделов, а также малочисленные слои совсем бедных и относительно богатых держателей. Появляются и полностью безземельные крестьяне. Однако большая часть крестьян все же сохраняла пахотную землю, дававшую возможность сохранять их экономический потенциал.

Процессы интенсивной концентрации земли и другого имущества (прежде всего тяглого скота) в среде самих крестьян не были типичными для рассматриваемых отношений. Иными словами, переход земли и других форм имущества от одних крестьян к другим не определял сущность процессов имущественной дифференциации крестьян в целом. Такие процессы, конечно, развивались, но, в отличие от индустриального

периода, не играли доминирующей роли. Поэтому мы полагаем, что для измерения степени имущественного расслоения средневековых крестьян нельзя применять коэффициенты дифференциации, используемые в эконометрии и предназначенные для измерения степени имущественной концентрации. Как известно, наиболее распространенным из таких коэффициентов является коэффициент Джини. Использование этого коэффициента, равно как и других коэффициентов концентрации, применяемых в науке, для измерения степени имущественной дифференциации средневековых крестьян аналогично экстраполяции на изучение средневековой истории научных критериев, разработанных для изучения отношений более поздней эпохи. Специфические черты имущественного расслоения средневековых крестьян и побудили автора к созданию специального коэффициента и специальной процедуры для измерения степени этого расслоения.

Поскольку при наличии у всех крестьян изучаемой совокупности полного или нормального надела (т. е. принадлежности их к слою средней зажиточности) расслоение отсутствовало, полагаем, что у крестьян средней зажиточности в каждый конкретный момент времени степень бедности равняется степени богатства и соответственно разность между этими степенями равна нулю. Для других имущественных категорий крестьян эта разность составляет некоторую величину, характеризующую степень имущественного расслоения, вызванного или обеднением, или обогащением по сравнению со средним уровнем зажиточности. Это делает целесообразным рассмотрение разности между степенью бедности и степенью богатства каждого крестьянина в качестве слагаемого в формуле коэффициента расслоения крестьян данной совокупности.

Задача формализации концепции расслоения средневекового поземельно зависимого крестьянства состоит, очевидно, в нахождении количественных значений степени бедности и богатства. Для этого необходимо продолжить начатое рассуждение об обеднении и обогащении крестьян средней зажиточности и найти в этом рассуждении утверждения — «аксиомы», характеризующие элементарные отношения между простейшими, атомарными факторами. Далее следует записать эти утверждения в виде дифференциальных уравнений. Частные решения этих уравнений дадут формулу, которую можно интерпретировать как степени бедности или богатства каждого крестьянина в фиксированный хронологический период. Затем следует вычислить разность между степенью бедности и богатства для каждого крестьянина, интерпретируемую

как коэффициент его расслоения. Сумма этих коэффициентов покажет степень расслоения крестьян в исследуемой общине.

Целесообразно считать, что степень бедности определенных категорий зажиточных крестьян близка к нулю, а бедность безземельных крестьян является наивысшей и равна единице. В то же время процесс обогащения не имеет границ в рамках заранее определяемого поля возможностей. Очевидно, некоторое обеднение данного крестьянина прямо пропорционально некоторому уменьшению размеров его надела и прямо пропорционально степени его бедности в данный момент времени. Последнее означает, что потеря части надела бедным крестьянином сильнее увеличивает степень его бедности, чем потеря такой же части надела богатым держателем.

Поскольку обогащение — процесс, обратный обеднению, то справедливо утверждение, что некоторое увеличение степени богатства, (т. е. обогащение) данного крестьянина прямо пропорционально некоторому увеличению надела и обратно пропорционально степени его богатства в данный момент времени. Последнее означает, что при изменении надела на фиксированную величину изменение степени богатства будет больше для менее богатых владельцев⁶⁰.

Утверждения о зависимости между названными факторами являются теми утверждениями — «аксиомами», которые можно записать в виде следующих уравнений:

$$\Delta P = -a R \Delta x, \quad (1)$$

$$\Delta R = \frac{b \Delta x}{R} \quad (2)$$

Здесь P — степень бедности и R — степень богатства в фиксированный хронологический момент. ΔP — изменение степени бедности,

⁶⁰ Мы говорим об уменьшении и увеличении размеров земельного надела крестьян, исходя из того факта, что в общем случае именно земля определяла в эпоху Средневековья и в целом в эпоху аграрных обществ благосостояние крестьян. Однако подобное рассуждение правомерно и по отношению к другим видам имущества крестьян. В случае с византийским крестьянством мы по названным выше причинам при конкретных подсчетах оперируем величиной налога, уплачиваемого крестьянами с совокупного имущества.

ΔR — изменение степени богатства, Δx — изменение величины надела в фиксированный момент времени, a и b — коэффициенты пропорциональности.

Соответствующие дифференциальные уравнения имеют следующий вид:

$$\frac{dP}{P} = -a dx \quad (3)$$

$$RdR = b dx. \quad (4)$$

При условиях $P(x=0) = 1$, $R(x=0) = 0$ частные решения уравнений (3) и (4) таковы:

$$P = e^{-ax}, \quad (5)$$

$$R = \sqrt{2bx}, \quad (6)$$

Выше говорилось, что степень бедности держателей нормального надела равна степени их богатства. Если m — величина нормального надела, то равенство $P(m) = R(m)$ позволяет выразить коэффициент b через количественные значения a и m :

$$\sqrt{2b} = \frac{e^{-am}}{\sqrt{m}} \quad (7)$$

Поэтому имеем

$$R = \frac{e^{-am}}{\sqrt{m}} \sqrt{x} \quad (8)$$

Коэффициент a определяется эмпирически на основе источников.

Формулы (5) и (8) интерпретируются соответственно как степень бедности и степень богатства каждого отдельно взятого крестьянина и определяются для каждой общины, села, вотчины, региона и т. д. особо, с учетом индивидуальных особенностей, зафиксированных в источниках.

Коэффициент имущественного расслоения D имеет вид:

$$D = \sum_{i=1}^n |P_i - R_i| \quad (9)$$

где n — число крестьян в изучаемой совокупности,

P_i — степень бедности i -го крестьянина,

R_i — степень богатства i -го крестьянина.

Степени бедности и степени богатства, а, следовательно, и показатель расслоения и соответствующие им утверждения, видимо, могли бы быть отнесены и к характеристике расслоения в более позднюю эпоху, а именно в период дезинтеграции средневековых аграрных структур и в эпоху капитализма. Однако по отношению к этим периодам степени бедности и богатства, определяемые формулами (5) и (8), не отражают *сущность*, типичную структуру расслоения в крестьянской среде. Известно, что в эти периоды в отличие от средневековой эпохи обогащение одних крестьян происходило в значительной мере за счет обеднения других. В обществе протекают интенсивные процессы земельной концентрации, захватывающие и крестьянство, в недрах которого формируются новые социальные группы. Коэффициентами дифференциации для названного периода являются упомянутые выше коэффициенты концентрации.

Формулы (5) и (6), характеризующие степень бедности и богатства крестьян, имущественный статус которых отличается от среднего уровня зажиточности, назовем, условно, моделями развития. Для расчета по этим формулам используются, как отмечалось, данные поземельно-налоговых описей-практиков, т. е. данные источников, отражающих существующие реалии. При условии $x = m$, функции (5) и (6) отражают оптимальное для эпохи состояние, при котором у крестьянина имеется нормальный надел. Определение m происходит с учетом нормативных источников, в частности, как указывалось 162 новеллы Юстиниана. Оптимальные условия для крестьянского землепользования отражают типичную нефактическую тенденцию — идеальный тип. Далее происходит сопоставление результатов подсчетов в соответствии с моделью развития с таковыми результатами для оптимальной типичной, но нефактической ситуации. Расхождение между этими результатами (9) есть мера приближения фактического состояния землепользования (любого другого вида имущества или уплачиваемой подати) к оптимальному виртуальному состоянию, характеризующему типичную цивилизационную тенденцию аграрного общества, проявлявшуюся в том, что все крестьяне принадлежали к среднему

уровню зажиточности. Поскольку наши расчеты осуществлялись с учетом не земли, а величины уплачиваемого налога, рассматриваемого как индикатор расслоения, то в качестве величины параметра m в структурной модели принимается 1 номисма уплачиваемого названными крестьянами налога. Расхождения между результатами в расчетах по моделям развития и структурной модели — есть коэффициент расслоения каждого крестьянина. Сумма этих коэффициентов — есть коэффициент расслоения в данном поселении.

Результаты применения количественных методов при изучении имущественной дифференциации византийских крестьян позволили получить важные выводы. Степень имущественного расслоения по разным признакам различна. Как уже отмечалось, наиболее показательным является расслоение не по земельным наделам с прочными владельческими правами, а по налогу — телосу. По нашему мнению, именно он отражал действительный уровень экономического благосостояния. Об этом свидетельствуют следующие факты. Как показывает корреляционный-регрессионный анализ, осуществленный по данным, относящимся к тем же 856 хозяйствам⁶¹, принцип налогообложения в этот период был, если можно так выразиться, избирательным. Если у пáриков были относительно значительные земельные наделы или большие участки, засаженные виноградником, эти владения становились основным объектом налогообложения. Скот же и другие виды имущества почти или полностью не влияли на высоту налога. По-иному обстояло дело при налогообложении крестьян, у которых отсутствовала земля на паричском праве. В этом случае объектом обложения становились упряжки, нетягловый скот, мельницы, рыбацьи лодки и т. д. Совсем неимущие пáрики, как это нетрудно заметить в результате даже визуальной оценки материала нашего источника, платили небольшую подать — от 1/6 до одной номисмы.

Уплата налога неимущими, равно как обложение движимости (упряжки, скот, рыбацьи лодки, ульи и т. д.) у пáриков, не владевших пахотной землей (или имевших ее в небольшом размере) или виноградником, свидетельствует о том, что в этих ситуациях при налогообложении в какой-то мере учитывались доходы от деятельности, не связанной с наличием обязанного уплатой телоса владения на паричском праве (от занятий ремеслом, торговлей, рыбной ловлей и т. д.). Особенно показательно высокое обложение упряжек, достигавшее иногда одной номисмы. Мы

⁶¹ Хаостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории... С. 69–79.

говорили, что в этом случае возможно существование наряду с упряжкой арендованного надела или свободной собственности на основе уплаты морты, пакта и т. д. Точные размеры этих владений нам не известны, однако мы можем составить приблизительное представление о них по величине подати, взимаемой с упряжки и вычисленной с помощью уравнения регрессии⁶².

Поскольку арендная плата регламентировалась частным, а не публичным правом, данные земли и доходы от них лишь эпизодически фиксировались в практиках, назначение которых состояло в регистрации публично-правовых сборов. Однако высокое обложение упряжек свидетельствует о том, что доходы от аренды косвенным образом, путем обложения упряжек, учитывались при определении размеров налоговой ставки. В каждой из рассмотренных ситуаций: утрате четкой связи между упряжкой и размерами паричского владения с прочными правами и при аренде земли с уплатой пакта или на условиях, отличных от паричского держания, — налогообложение было приспособлено к изменившимся условиям землепользования париков. Именно поэтому вариации в размерах налога, а не земли отражали действительный характер имущественного расслоения крестьян. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает то, что тенденция, связанная с той ролью, которая придавалась в Византии налогообложению и фискальной политике, не исчезла, но под влиянием противоборствующих тенденций, обусловленных развитием частноправовых отношений, приобретала новые формы.

Коэффициенты расслоения, вычисленные по данным о налогообложении и относящиеся к разным районам, варьируют очень незначительно. Более того, многие из них составляют 0,3–0,5 (при диапазоне варьирования от 0 до 1, достигаемом благодаря нормированию коэффициента)⁶³. Такая близость коэффициентов, относящихся к разным общинам в разных районах (катепаникиях), каждая из которых имела свою экономическую специфику (в некоторых большую роль играли виноградарство и садоводство, в других скотоводство или иные виды хозяйственной деятельности), означает, что социально-экономическое расслоение поземельно-зависимых крестьян в целом по феме Фессалоника было примерно одинаковым и умеренным. Напомним, что именно умеренное расслое-

⁶² Там же.

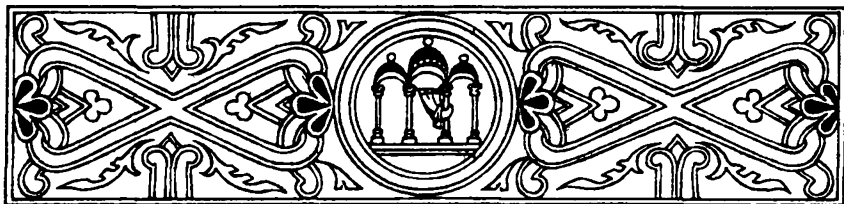
⁶³ Таблицы соответствующих коэффициентов см. в книге: Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории... С. 98–102.

ние, вызванное преобладанием слоя средних крестьян, характерно для эпохи средневековья в целом.

Факт умеренного расслоения крестьян по уплачиваемому ими налогу является лишним доказательством того, что тенденция социально-экономической жизни империи и внутренней политики, связанная с налогообложением и соответствующим, восходящим к Римской империи эпохи домината правосознанием, оставалась достаточно стабильной.

Количественный анализ в данном случае способствовал наиболее полному обнаружению этого явления, которое в силу недостаточности данных оставалось неясным для современных исследователей, но было известно византийцам — современникам событий.

Глава VI

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА ПРЕЦЕДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Проблема византийского права и правопорядка является в целом достаточно изученной, однако сложная проблематика, относящаяся к роли и значению права прецедентов в Византии, его истоков и содержания по существу осталась незатронутой. И это несмотря на то, что знакомство с поздневизантийским актовым материалом показывает, что значительная часть правоотношений в этот период регламентировалась этим правом. Это означает, что соответствующие отношения возникали в результате определенного правового казуса, например, пожалования земли, льгот, привилегий со стороны императора какому-либо физическому или юридическому лицу. Однако впоследствии эти казусы были подтверждены многими последующими императорскими постановлениями-хрисовулами или простагами, что и свидетельствовало о возникновении записанного права прецедентов. Кроме того, различные уставы городских корпораций, деятельность которых, как известно, регламентировалась в Византии государством, фиксировали возникшие ранее правовые казусы, прецеденты или обычаи, запись которых также приводила к появлению права прецедентов. По своей правовой и социальной функции к праву прецедентов был близок обычай, регламентировавший, в частности, барщинную эксплуатацию париков¹. Право прецедентов развивалось и на средневековом Западе, однако в этом отношении

¹ Напр. Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. Paris, 1986. N 16. P. 144. 27–30.

имелся ряд различий между Византией и Западом, которые мы постараемся охарактеризовать ниже.

Исследователи, изучавшие эпоху Комнинов, отмечают свидетельство Никиты Хониата, из которого следует, что при Мануиле I Комнине возник казус, суть которого заключалась в том, что стратиотам в пронию были пожалованы не только *пáрики*, как это делалось обычно, но и свободные собственники, обязанные ранее уплатой налогов в казну. Этот казус вызвал отрицательную реакцию Никиты Хониата², который, очевидно, опасался превращения подобного казуса в правовой прецедент, который мог повлечь за собой возникновение права прецедентов.

Опасения Никиты Хониата не представляются безосновательными. Правители вполне могли применить распространенный в юридической практике принцип аналогии и легализовать возникший казус, что повлекло бы за собой появление соответствующего права прецедентов. Нельзя было полностью исключать и возможность превращения данного казуса в закон. Подобная возможность не исключалась, несмотря на то, что в Дигестах Папиан и Павел говорят, что *jus singulare*, т. е. право, основанное на отдельных казусах, не должно иметь прямых следствий³, т. е. не подлежит расширительному распространению. В Василиках эти высказывания интерпретируются таким образом, что единичная практика, не соответствующая существующим нормам, не может являться образцом — *ὁλόβεγμα*⁴, т. е. прецедентом. Однако впоследствии в эпоху Палеологов практика юридической аналогии получила большое распространение, появились прецеденты, состоявшие в частности, в том, что в пронию передавалась определенная налоговая квота с монастырских земель. При этом не исключено, что на практике монастыри теряли и собственнические права на соответствующие земли⁵.

Перед тем, как более подробно охарактеризовать право прецедентов в поздней Византии, отраженное в многочисленном актовом материале, обратимся к общей характеристике правовых истоков названного права,

² Острогорски Г. Пронија. Прилог историји феудализма у Византије и јужнословенским земљама. Београд, 1951. С. 18; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1972. С. 27. прим. 106.

³ Corpus Juris Civilis. Vol. I: Digesta / Rec. Mommsen Th., retract. Krüger P. Berolini 1954: (далее: D) 1, 3, fr. 14; D. 40, 5 fr. 23, § 3; D. 50, 17 fr. 162.

⁴ D. I, 3, 14; Basilicorum libri LX / Ed. J. Scheltema, van der Wal, N. Groningen, 1953 (далее: Bas.) II, 1, 24.

⁵ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. С. 79.

сведения о которых содержатся в Юстиниановом законодательстве, в частности, в Дигестах и Василиках. Наряду с этим важно на основе названных источников выявить юридическое содержание интересующего нас права, его связь с другими видами права, а также сравнить ситуацию, связанную с функционированием в Византии права прецедентов с соответствующим положением вещей на Средневековом Западе.

Представляется необходимым сопоставить данные Дигест и Василик, относящиеся к структуре римского права в целом и вычленив в этой структуре те элементы, которые порождали право прецедентов. Известно, что римское право имело несколько градаций, осуществляемых в соответствии с различными юридическими критериями. Прежде всего, различалось право естественное и позитивное, т. е. положительное. Естественное право, *jus naturalis*, φυσικός νόμος понималось в античности как природный порядок вещей, основанный на высшей справедливости: *aequitas*, *humanitas*, δικαιοσύνη⁷. Положительное право — *jus positivum* — это право, издаваемое государством и имеющее в качестве образца естественное право. Положительное право разделяется на право объективное, т. е. нормативное, и субъективное, не имеющее нормативного характера. Это последнее включает *jus singulare*⁸. В Василиках это право обозначается как *ἰδικός νόμος*⁹. К данной категории принадлежало право прецедентов, т. е. подтвержденная неоднократно серия льгот и привилегий, дарованных конкретному физическому или юридическому лицу. Далее все положительное, т. е. нормативное и ненормативное, индивидуальное или единичное право подразделялось на право публичное или государственное — *jus publicum*, т. е. такое, которое подразумевает право государства по отношению к физическим и юридическим лицам, равно как и права этих последних по отношению к государству, и право частное — *jus privatum*, регулирующее взаимоотношения частных лиц. В Византии, согласно Василикам, публичное право обозначается как *νόμος δημόσιος*¹⁰. Несмотря на то, что в Юстиниановом праве,

⁶ D. I, 1, 1; Bas. I, 1, 1.

D. I, 1, 10; Bas. II, 1, 10.

⁸ D. I, 3, 16. Paulus libro singulari de jure singulari. Jus singulare est quod contra tenorem rationis propter aliquam utilitatem auctoritate constituentium introductum est.

⁹ Bas. II, 1, 26. Ср. D. I, 1, 9 и Bas. II, 1, 9, где говорится о единичном праве применительно к юридическим лицам.

¹⁰ Bas. II, 1, 1, 3.

равно как и в римском, различались понятия «закон» и «право» (*lex* и *jus*), в Василиках понятие «закон» (*vóμος*) часто употребляется в значении «право» (*δίκαιον*)¹¹.

По Ульпиану, «*publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat... jus privatum quod ad singulorum utilitatem...*»¹². В Василиках частное право обозначается как *τὸ ἰδιωτικόν*¹³. Забегая вперед, отметим, что индивидуальное и субъективное право прецедентов в Византии носило публичный характер, тогда как на Западе оно могло быть и публичным, и частным. Как публичное, так и частное римское право подразделялось на право гражданское — *jus civile*, регламентировавшее только отношения граждан государства, а также право местное — *jus gentium*, по которому жили подданные, не имевшие римского гражданства. Известно, что при Каракалле те и другие слои населения были уравнены во многих правах. При Диоклетиане провинциальные земли по своему статусу были приравнены к италийским. Несмотря на это, в интерпретации Василик право также подразделяется на гражданское *τὸ πολιτικόν* и местное, т. е. право народов — *τὸ ἐθνικόν*¹⁴. По существу, в Византии гражданское право отождествлялось с публичным¹⁵. Местное право, существовавшее в различных регионах империи, в основном имело форму обычая. Поэтому Василики фиксируют связь естественного права с местным и гражданским¹⁶. Для средневекового Запада, где в раннем средневековье преобладало или местное обычное право, или смешанное местно-римское¹⁷, содействовавшее как в ранних правовых сборниках, так и в более поздних постановлениях правителей и местных властей, при наличии развитых форм личного феодального права градации, характерные для римского классического права, не очень важны. Однако они имели первенствующее значение для Византии в поздний период ее развития.

Дело в том, что в III–IV вв. Запад и Византия были в значительной мере едины в своем правовом развитии. В эту эпоху в обеих частях Римской империи доминировало вульгарное римское право, характерной чертой которого, отраженной, в частности, в кодексе Феодосия, было смешение

¹¹ Ibid.

¹² D. I, 1, 1.

¹³ Bas. II, 1, 1, 7.

¹⁴ D. I, 1, 1; Bas. II, 1, 1.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Levy E. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1950. P. 69.

правовых характеристик собственности, владения и прав на чужую землю¹⁸. Именно вульгарное право, естественно, в совокупности с местным правом и обычаем, явилось правовым источником *dominium duorum in solidum* иерархического феодального земельного права на средневековом Западе¹⁹. Однако в законодательстве Юстиниана было восстановлено в правах классическое римское право, которое четко различало собственность, владение и права на чужую землю²⁰.

Наряду с римским классическим правом в Византии, равно как и в Риме, существовал обычай, отражавший местный правопорядок. Обычай проявлялся как сингулярное право, имевшее единичный характер, что роднило его с правом прецедентов и отличало от западных кутюмов. Кроме того, в Византии издавались императорские новеллы, отражавшие в той же мере, как и римское кодифицированное право, нормативный правопорядок. Новеллы регламентировали вновь возникающие правоотношения, не отраженные в римском праве. По своей функциональной роли они могут быть сопоставлены с капитуляриями в средневековой Франции. Со временем в Византии все большую роль приобретало субъективное индивидуальное право, нашедшее выражение в привилегиях и праве прецедентов и содержащееся в императорских жалованных грамотах. Это право развивалось и на Западе, однако его роль и пути развития были иными, чем в Византии. В поздней Византии произошло снижение социальной роли некоторых ведущих цивилизационных тенденций. Изменилась государственная социально-экономическая политика. Если раньше, в X в., она была направлена на поддержание свободных крестьян-налогоплательщиков, на ограничение частного патроната и попыток династов внедриться в сельскую фискальную общину, то в XIII-XV вв. при поддержке государства интенсивно растет частное землевладение. Представителям светской и духовной элиты, физическим и юридическим лицам передаются в собственность огромные земельные владения, предоставляются податные привилегии. Соответственно, возникают факты смешения частного и публичного права. Это происходит вопреки тому, что на уровне правовой теории и правосознания эти права по-прежнему четко различаются. Империя испытывала многие внутренние и внешние затруднения, нарастала османская угроза.

¹⁸ Levy E. *West Roman Vulgar Law...* P. 38.

¹⁹ Ibid. P. 67.

²⁰ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации... С. 41.

В эту противоречивую эпоху законодательная деятельность сокращается. Были изданы лишь немногие кодифицированные сборники римского права, например, кодекс Арменопула. Центр законодательной деятельности перемещается в сферу индивидуального в римском понимании сингулярного права. В Василиках принципы сингулярного права изложены менее четко, чем в Дигестах. В законодательной практике XIII–XV вв. мы также не встречаем их теоретического уточнения. Поэтому получить представление о развитии соответствующей практики в поздней Византии можно только на основе изучения обширного актового материала, относящегося к землевладению Афонских монастырей XIII–XIV вв.

Право прецедентов, как отмечалось, тесно связано с императорским пожалованием земли, льгот и привилегий отдельным физическим и юридическим лицам. Существуют непосредственные указания на то, что в основе права прецедентов лежит некий единичный правовой казус, отражающий первичное пожалование привилегии. Одному из метохов Лавры, находящемуся в Константинополе, передаются в соответствии с императорскими постановлениями по практике 1334 г. земли и налог с принадлежащих методу париков. Далее утверждается, что основанием пожалования соответствующих привилегий и земель является тот факт, что ранее передаваемые земли находились во владении (очевидно, в пронии — *К. Х.*) у великого друнгария Стефана Палеолога, который владел ими свободно от всех налогов²¹.

Однажды осуществленное подобное пожалование податных привилегий затем по принципу юридической аналогии неоднократно подтверждалось тем же императором или его преемником посредством специально издаваемых императорских простагм и хрисовулов, что и приводило к созданию права прецедентов. Всякое пожалование земель монастырям со стороны третьих лиц также подтверждалось императором²².

В поздней Византии право прецедентов определяло систему имущественных взаимоотношений государства и монастырей, т. е. являлось публичным правом, регламентируя те отношения, которые не находили своего отражения в римском праве и новеллах. Благодаря последующим подтверждениям, т. е. в силу функционирования права прецедентов, возникали владения крупных монастырей и представителей светской элиты.

²¹ Actes de Lavra / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. Paris, 1979. Vol. III. N 122. P. 18, 19, 28.

²² Actes de Xénophon... N 1. P. 70. 11–12; N 4. P. 86. 2–3; N 5. P. 92. 2, 9; Ibid., N 12. P. 121–122. 4.

Свидетельством огромной социальной значимости права прецедентов в Византии является его роль в юридическом оформлении социальной стратификации в условиях отсутствия сословий наподобие тех, которые существовали на средневековом Западе, и распространения вертикальной мобильности населения. В императорских хрисовулах, оформляющих пожалование представителям элиты земель и привилегий, их получатели фигурируют как особая социальная группа — хрисовулаты, т. е. привилегированная элита, статус которой оформлен хрисовулами, содержащими право прецедентов. Тем не менее, это право, нашедшее явное, хотя и не совсем однозначное отражение в Дигестах и Василиках, не называлось в жалованных грамотах иначе, как права и привилегии: *δίκαια καὶ προνομία*²³. Это достаточно неопределенное обозначение, однако, отражало единичный и субъективный характер соответствующих отношений. Не исключено, что в некоторых случаях оно подразумевает и землю²⁴.

Неопределенность выражения объясняется тем, что пожалованные права не обладали однозначностью. Они носили субъективный характер, зависящий от получателя, его положения в обществе, авторитета, воли императора, создающего единичное право своим решением.

Несмотря на то, что во многих императорских грамотах и практиках утверждается, что пожалование монастырю прав и привилегий осущест-

²³ Actes de Lavra. Vol. II. P., 1977. N 89. P. 73. 69–71.

²⁴ В хрисовуле Андроника III Палеолога от 1389 г. Лавре св. Афанасия подтверждается владение рядом владений в Южной Македонии и говорится, что монастырь должен владеть землями, метохами и другими правами. Actes de Lavra, vol. III, N 118. P. 5. 76; P. 6. 112, 130, 141, 144–145. Подобные различия в значении *δίκαια* встречаются очень часто во многих документах. Ср., напр., хрисовул Иоанна V Палеолога Лавре от 1365 г., где это выражение означает только права — Ibid., N 142. P. 89. 9; Однако в хрисовуле того же императора Лавре от 1362 г. то же выражение подразумевает и землю. — Ibid., N 143. P. 87. 2. То же значение оно имеет и в акте цезаря Алексея Ангела от 1389 г. — Ibid., N 151. P. 121. 4–5. Перечень соответствующих источников, свидетельствующих о расхождении в значении данного выражения, можно было бы значительно продолжить, причем он мог бы относиться к владениям всех крупных афонских монастырей. Наряду с этим употребляется выражение *δίκαιωσα*, означающее совокупность документов, удостоверяющих собственность. В частности говорится, что монастырь должен и впредь владеть па́риками, которых он имеет в соответствии с документами. — Ibid. P. 6. 156.

вляется навечно²⁵, через определенный промежуток времени издавался новый документ, подтверждающий соответствующее пожалование²⁶.

Вопреки предостережениям, содержащимся в Дигестах и Василиках о неправомерности повтора правовых казусов и их превращения в систему, подобная практика, свидетельствующая об использовании принципа юридической аналогии римского права, получила большое распространение и означала создание права прецедентов. В хрисовуле Стефана Душана монастырю Лавры св. Афанасия от 1347 г. вначале за монастырем подтверждается половина доходов с определенной территории, а затем, по юридической аналогии, жалуются и вторая половина²⁷.

Правовой статус пронии или икономии, целиком регламентировался правом прецедентов, поскольку в отношении пронии отсутствуют какие-либо нормативные постановления. Здесь нас интересует тот факт, что право прецедентов в отношении пронии также возникает из принципа юридической аналогии. Простагма Иоанна V Палеолога содержит распоряжение об увеличении суммы налогов, получаемой прониаром Димитрием Кокалой с определенной территории²⁸. Происходит, таким образом, эскалация привилегий, означавшая возникновение индивидуального и субъективного права прецедентов, восходящего к разрозненным и противоречивым его определениям, содержащимся в Дигестах и Василиках.

Роль права прецедентов в поздней Византии, оформлявшего подтверждение или расширение ранее дарованных привилегий²⁹, объяснялась запутанностью поземельных отношений, фактом нарушения прав и привилегий со стороны третьих лиц³⁰, потерей документов³¹. Имела значение сильная разбросанность владений крупных монастырей, чресполосица³², значительное удаление владений от самого монастыря, неопределенность

²⁵ Actes de Lavra, vol. III, N 124. P. 28.11; N 128. P. 38. 20–21; N 134. P. 53. 17; N 142. P. 89.4; N 166. P. 179.18.

²⁶ Ibid., N 128. P. 38.18; Ibid. N 155. P. 134.18.

²⁷ Ibid. N 128. P. 38. 27–30. Cp. Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidés/ Paris, 1968. P. 106. 3; Ibid. N 18. P. 109. 6–11; Ibid. N 128. P. 158. 8–9.

²⁸ Ibid. N 129. P. 39. 2–6.

²⁹ Например, хрисовул Иоанна VII Палеолога от 1404 г. дает монастырю дополнительное право на приселение на территории его владений ксенов, неизвестных казне — Ibid., N 155. P. 134. 30. Actes de Dionysiou. N 28. P. 159. 9.

³⁰ Actes de Lavra, N 131. P. 53. 1–8; N 134. P. 53. 13–14; N 163. P. 166. 28; Actes de Xénophon. N 14. P. 14–15. Actes de Dionysiou. N 6. P. 63. 7–9.

³¹ Actes de Xénophon, N 3. P. 82. 5–8.

³² Ibid., N 28. P. 206. 1–4.

границ. Кроме того, земли и привилегии, пожалованные императором определенному физическому или юридическому лицу, несмотря на заверения в их вечном и неизменном характере, могли отниматься, изменяться или заменяться на другие³³. Факт возможности и правомерности отнятия будто бы дарованных навечно привилегий — важнейшая и характернейшая черта византийского права прецедентов. В частности, как отмечалось, налоги с монастырских владений иногда передавались прониару³⁴. Отдельные земельные владения в сложной обстановке нарастающей османской угрозы в рамках доктрины общего блага могли быть отобраны у крупного собственника — монастыря, — а по истечении некоторого времени заменены другими. Подобные процедуры были связаны с подтверждением или изменением соответствующих индивидуальных привилегий³⁵. Кроме того, необходимость регулярного подтверждения индивидуальных привилегий, результатом которого являлось создание права прецедентов, диктовалась вышеназванными правилами Дигест и Василика о сингулярном праве, хотя в этих же законодательных сборниках, как уже говорилось, содержится одновременно и предостережение против чрезвычайного расширения привилегий во времени и пространстве по аналогии с ранее созданным правовым казусом.

Кроме того, практика отнятия ранее данных привилегий или замены их другими как у прониаров, так и у монастырей имела свое юридическое обоснование в принципе свободы императора от повиновения закону (подробно ниже), и в античной теории общего блага, переосмысленной в Византии с христианских позиций. Правда, отобранные в моменты тяжелого внутреннего и внешнего положения страны привилегии по прошествии времени иногда восстанавливались³⁶.

Возможность отнятия ранее данных привилегий подразумевалась также самим содержанием права прецедентов. Его индивидуальный, субъективный и ненормативный характер означал, что названное право не мыслилось как непрерывное, упоминание о его вечном характере — не более чем риторический прием, не создающий истинных правовых гарантий. Такие гарантии, создаваемые личными взаимоотношениями с императором, социальным статусом и авторитетом получателя земель и привилегий, но-

³³ Ibid., N 123. P. 25. 181–185; N 155. P. 134. 18; N 163. P. 166. 45–46; Actes de Xénophon, N 2. P. 78. 5–6; Actes de Dionysiou... N 26. P. 154. 5–6, 14.

³⁴ Actes de Xénophon... N 16. P. 144. 30.

³⁵ Ibid., N 17. P. 149. 38; P. 149. 51.

³⁶ Actes de Lavra, vol. III. N 155. P. 134. 19; N 163. P. 166. 30.

силы, соответственно, индивидуальный и временный характер. Несмотря на серию подтверждений, они не теряли характера правовых прецедентов.

Если, как отмечалось в некоторых случаях, в хрисовулах и простагах содержится заверение в том, что привилегии даются навечно, то в других аналогичных документах указывается на их временный характер. В простаге Мануила II Палеолога от 1405 г. оговаривается лишь временное освобождение некоторых владений Лавры от поставки зерна в Константинополь и говорится, что, если экономическое положение соответствующих владений улучшится, то они будут обязаны названными поставками³⁷. В некоторых документах прямо указывается, что подтверждение привилегий и пожалований земли, даже если в документе говорится, что пожалование сделано навечно, испрашивается субъектом права ради получения более прочных гарантий³⁸. Огромное влияние права прецедентов в поздней Византии отражало достигнутое к этому времени равновесие между социальной ролью крупных земельных собственников — прежде всего афонских монастырей, с одной стороны, и силой и авторитетом императорской власти — с другой.

Византийская прония, как отмечалось, неоднократно являлась предметом изучения со стороны византинистов. В литературе утвердилось мнение, согласно которому, в отличие от соседней Сербии, во всяком случае юридически, прониар не имел собственнических или владельческих прав на землю, с которой ему предоставлялся налог³⁹. Одновременно исследователи неоднократно подчеркивали сложный правовой статус пронии⁴⁰. Известно, что в византийском нормативном праве отсутствуют нормы, регламентировавшие правовой статус пронии. Известно также, что привилегии прониара варьировали в диапазоне от получения налоговой льготы с определенной территории до получения прав попечения в отношении соответствующей территории⁴¹. Эти факты позволили нам сделать вывод о том, что прония не может классифицироваться как собственность

³⁷ Actes de Lavra, vol. III. N 157. P. 142. 17.

³⁸ Ibid., N 129. P. 41. 10–11; N 151. P. 121.5; Actes de Xénophon, N 2. P. 78.5, 13–14; Actes de Dionysiou... N 25. P. 151. 136–137.

³⁹ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. С. 63.

⁴⁰ Острогорски Г. Пронија. Прилог историји феудализма у Византије и јужнословенским земљама. Београд, 1951. С. 115.

⁴¹ Хвостова К. В. Ук. соч. С. 64. Одно из наиболее важных упоминаний о пронии содержится в так называемом трактате о налогообложении. — Karajannopoulos J. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion. Festschrift F. Dölger. Heidelberg, 1966. S. 322. 56–58.

в рамках доминировавшего в Византии классического римского права с его четким различением собственности, владения и прав на чужую землю⁴². Но те виды пронии, для которых было характерным наличие у прониара прав попечения над территорией, могут рассматриваться как собственность в рамках вульгарного римского права, в котором смешивались понятия собственности, владения и прав на чужую землю.

Вульгарное право, хотя и не доминировало со времен Юстиниана в Византии, но все же оказывало известное влияние на византийское правосознание. Именно в соответствии с вульгарным правом развивалось специфическое право прецедентов, регламентировавшее статус пронии. Содержание этого права определялось тем фактом, что варьирование прерогатив прониара в отношении территории, являвшейся обеспечением поступавшей в его пользу налоговой квоты, находилось в зависимости от его социального статуса и степени приближенности к императору. Однажды пожалованные прониару права затем, как правило, неоднократно подтверждались на протяжении времени серией императорских жалованных грамот. Возникающая при этом серия правовых прецедентов знаменовала создание индивидуального и субъективного права прецедентов. Несмотря на то, что в позднее время прония, как правило, являлась наследственной⁴³, хотя часто оговаривалось, что условием ее являлось выполнение наследниками прежних служб по отношению к императору, ее пожалование все равно квалифицировалось как привилегия, которая должна была подтверждаться. При этом в соответствующих актах говорится, что владение пронией зависит от благосклонности императора⁴⁴ — факт, особенно ярко отражающий сущность права прецедентов.

Развитие права прецедентов и его решающая роль в публично-правовых отношениях государства с представителями элиты объясняется прежде всего недостаточностью кодифицированного права и новелл для регламентации отношений между крупными земельными собственниками и функционерами, с одной стороны, и государством — с другой. Кроме того, в позднее время не издавались новые новеллы, которые могли бы определить единый статус пронии и других правоотношений. Все свидетельствует о том, что правовой процесс во многом приобретает индивидуальный и субъективный характер, отраженный в развитии права прецедентов и в обычном

⁴² Ibid., S. 72.

Actes de Xénophon, N 17. P. 158.1. Из этого же документа следует, что многие пронии давались на срок жизни. — Ibid., p. 158.

⁴⁴ Actes de Xénophon. N 6. P. 97.17.

праве. Что касается этого последнего, то как и в Дигестах, в Василиках существует ряд противоречий в соотношении обычая и закона, а также относительно правомерности изменения устаревших законов. Эти противоречия также способствовали развитию права прецедентов.

Византийский обычай имел ряд специфических черт, отличавших его от западноевропейских кутюмов. Византийский обычай, регламентировавший барщинные повинности крестьян-пáриков и причитавшиеся с них натуральные сборы, наравне с налоговыми поступлениями с крестьянских стасей и с домена, периодически подтверждался в императорских жалованных грамотах и практиках⁴⁵, т. е. документах публично-правового характера. Кстати, регламентация в Византии барщины и натуральной ренты обычаем отличала византийских пáриков от античных колонов, статус которых определялся императорскими конституциями. Поскольку обычай в известной степени так же, как и право прецедентов, отражал публично-правовые взаимоотношения государства с физическими и юридическими лицами, он, как и привилегии, мог изменяться и отменяться в зависимости от воли императора. Обычай, кроме того, являлся одним из источников права прецедентов. Представляется правомерным остановиться на рассмотрении не лишенных противоречий характеристиках обычая, содержащихся в Дигестах, Василиках, новеллах Льва VI. Юридическим источником обычая в Византии, как и в Риме, являлись договор или практика длительного применения какого-либо правила, а также постановления суда⁴⁶.

В Василиках вслед за Дигестами говорится о длительном обычае, который заменяет закон и не записан⁴⁷. Выше говорилось о существовавшем в Византии 30-летнем сроке давности физического владения землей как проявлению обычая. По истечению срока держатель приобретал прочные владельческие права и исковую защиту.

Проблема соотношения закона и обычая в Юстиниановом праве решается неоднозначно. Известно высказывание Ульпиана, согласно которому, «*leges non solum suffragio legislatoris, sed etiam tacito consensu omnium per consuetudinem abrogentur*» («Законы могут быть отменены не только вследствие воли законодателя, но и путем молчаливого согласия всех, через обычай»)⁴⁸. В греческом варианте в Василиках это правило Ульпиана

⁴⁵ Actes de Xénophon... N 16. P. 144. 30.

⁴⁶ Хвостов в. М. Система римского права. М., 1901. С. 50–51. D. I, 3. Dig. I. 3. 33; Bas. II. 1. 42.

⁴⁸ D. I, 3, fr. 32, § 1.

выражено еще более категорично. «Так же как установление закона может происходить как в письменной, так и устной форме, так же и отмена его в силу ненадобности происходит как в письменной, так и устной форме»⁴⁹. Говорится также, что старый обычай выполняет функции закона⁵⁰. Впрочем, Павел высказывался по-иному. Старые законы связаны с последующими⁵¹. Ульпиан говорит о необходимости интерпретации старых законов⁵².

Издатели Василик ссылаются на сходные утверждения, встречающиеся в Пире⁵³. Обычай рассматривается в Дигестах как одно из средств интерпретации законов⁵⁴. Иную версию встречаем в кодексе Юстиниана, где утверждается, что обычай должен быть подтвержден специальным эдиктом и далее говорится о том, что закон выше обычая⁵⁵. В Риме в 319 г. была издана конституция Константина, согласно которой местный обычай не может отменить закон⁵⁶. Ситуация, зафиксированная в Юстиниановом законодательстве и в Василиках, характеризующаяся отсутствием предельной точности не только по вопросу соотношения закона и обычая, но и в том, как вообще следует относиться к старому закону, возможно, частично или полностью утратившему свое значение, сохранялась на протяжении всей истории Византии.

Такое положение вещей было тесно связано с возрастанием социальной роли права прецедентов. Действительно, в Дигестах и Василиках можно найти указания на то, что закон, имеющий ясную интерпретацию, не следует менять⁵⁷. Многочисленны свидетельства по поводу того, что закон подлежит интерпретации. Кроме указанного выше свидетельства Ульпиана утверждается, например, что владеть законом означает знать не его слова, а его силу⁵⁸. И далее: в неясных ситуациях безукоризненный способ — интерпретация закона⁵⁹.

⁴⁹ Bas. II, 1, 41.

⁵⁰ Ibid.

D. I, 3, 26; Bas. II, 1, 36.

⁵² D. 1. 3. 11; Bas. II, 1, 22.

⁵³ Bas. vol. I. P. 19.

⁵⁴ D. 1. 3, 37, 38.

⁵⁵ Cod. 4. 4. § 7. = Bas. XXIV. 1.

⁵⁶ Cod. 8, 52 (53). C. 2.

D. I, 3, 23; D. I, 3, 26; Bas. II, 1, 33; Bas. II, 1, 36.

⁵⁸ D. I, 3, 17; Bas. II, 1, 27.

⁵⁹ D. I, 3, 19; Bas. II, 1, 29; Cp. D. I, 9, 18; Bas. II, 1, 28.

имелось явное сознание того обстоятельства, что некоторые законы могут устареть и поэтому, несмотря на несомненный пиетет к законодательству прежних времен, в 19 новелле говорится, что при изменении условий жизни необходим пересмотр законов⁶⁵. Эта мысль разъясняется в 47 новелле, в которой четко говорится, что при изменении положения вещей необходим новый закон⁶⁶. В новеллах Льва VI мы встречаем ценные сведения о соотношении закона и обычая. В 22 новелле противоречие, наблюдаемое при изложении вопроса о соотношении закона и обычая в Дигестах и Василиках, разрешается таким образом, что обычай определенно ставится выше закона⁶⁷. Несмотря на решение исправить старые, не соответствующие новому положению вещей законы, в новеллах Льва VI ощущается общая идея приверженности традициям. В 24 новелле утверждается, что старые времена во многом превосходят нынешние и только в некоторых случаях приоритет отдается новому времени⁶⁸.

Сказанное означает, что византийцы испытывали большой пиетет к старым римским законам, включаемым ими в свои кодификации. Это объясняется тем, что в соответствии с римской политико-правовой доктриной, переосмысленной с христианских позиций, римские законы рассматривались как основанные на божественных принципах справедливости, содержащихся в ниспосылаемых в мир божественных энергиях. Соответственно, уважение к закону составляет содержание ответной со стороны человека синергии. Поэтому мы в отличие от фон Халема, характеризующего византийский политико-правовой режим как личный авторитаризм⁶⁹, полагаем, что в Византии существовал правовой авторитаризм, основанный на уважении к закону. Свободу императора от повиновения закону следует понимать не как правовой произвол, а как акцентирование его исключительного права на правотворчество.

Все противоречия в понимании закона, его отменности или неотменности, его соотношения с обычаем имеют не только юридическое (император не подчиняется закону) и политическое (стремление к централизации), но и теоретико-философское содержание. Оно заключалось в представлениях о

⁶⁵ Ibid., P. 73.

⁶⁶ Ibid., P. 187.

⁶⁷ Ibid., P. 89.

⁶⁸ Ibid., P. 93–95.

⁶⁹ Халем Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопросы философии. М., 2002. № 7. С. 26.

Не все законы разумны. Если закон содержит нечто, относящееся к предшествующему времени, следует его отменить⁶⁰. По-видимому, в ранней Византии, равно как и на протяжении всей ее истории, устаревшие законы могли не применяться. Однако вряд ли они при этом считались как полностью утратившими свое значение. К защите закона относится и утверждение, согласно которому он не может быть изменен с помощью частного соглашения⁶¹, что свидетельствует о защите принципа четкого разграничения частного и публичного права. 13 и 82 новеллы Юстиниана предписывают неукоснительное соблюдение законов.

Ряд постановлений, как видно, противоречит вышеприведенному высказыванию Павла о том, что предшествующие законы связаны генетически с последующими⁶². Противоречия в толковании соотношения закона и обычая, равно как и вопроса о действенности старых законов, находят объяснение в рамках политико-правовой доктрины. Признавалось право императора не подчиняться закону⁶³. Это правило давало императору право отменять несовершенные законы, однако это право было безусловным. Иными словами, отношение к закону и праву в целом во многом зависело от политики и личности конкретного императора, его реальной силы и авторитета. В целом же судьбу устаревших законов в большинстве случаев определяло следующее правило. Они не только не отменялись, но и могли быть помещены в новую кодификацию.

Практика так называемого исправления старых законов, являвшаяся основой Василики, носила относительный характер. Приверженность старине, традиционность византийского политического и правового порядка препятствовала узаконению практики отмены закона. Подобные противоречия, обнаруживаемые в кодифицированном праве, снимались в ряде случаев в императорских новеллах. Об этом же говорится в 24 новелле Юстиниана. Характерны в этом отношении новеллы Льва VI. В 95-ой новелле говорится, что древнейшие законы издавались для решения насущных потребностей, реального положения вещей⁶⁴. Эта основополагающая новелла содержит неявно выраженную мысль об уважении к старым законам. Однако у законодателя

⁶⁰ D. I, 3, 20; Bas. II, 1, 30; D. 1, 3, 21; Bas. II, 1, 32; D. I, 3, 22; Bas. II, 3, 22.
D. 2, 14, fr. 38.

⁶² D. I, 3, 26; Bas. II, 1, 36.

⁶³ D. I, 3, 31; Bas. II, 6, 1. Cp. Corpus Juris Civilis / Ed. P. Krüger, R. Schoell, G. Kroll. Berolini 1959. Novellae. 195. Cap. 2. § 4.

⁶⁴ Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon le Sage. P. 1944. P. 313.

циклическом характере исторического времени, круговороте событий и общественных ситуаций в обществе наподобие круговорота в природе, которые сочетались с представлениями о линейном телеологическом библейском времени. Юрист Павел в Дигестах говорит не только о том, что старые законы переходят в новые, но и добавляет, что благодаря этому они управляют схожими (во времени — К. Х.) положениями вещей и людьми⁷⁰.

Итак, римско-византийское право, которое в целом справедливо считается образцом точности и выражения рационалистического подхода к взаимоотношениям людей, а также их взаимоотношений с государством, изобилует противоречивыми утверждениями, требующими интерпретации, меняющейся в зависимости от интересов правителей и обстановки.

В условиях системного кризиса, охватившего позднюю Византию, развития центробежных тенденций, связанных с ростом частного землевладения, противоречия в праве благоприятствовали развитию права прецедентов. Тот факт, что в поздний период не издавались новеллы, которые по образцу западноевропейских капитуляриев могли бы регламентировать те формы отношений, которые не находили четкого отражения в кодифицированном нормативном праве, вряд ли может быть объяснен оскудением творческой правовой мысли. На самом деле подобная ситуация отражала интересы властей.

Именно право прецедентов лучше всего позволяло владеть ситуацией, возникавшей в нестабильных имущественных и финансовых отношениях государства с юридическими и физическими лицами. Налоговые суммы (посотис), передаваемые в порядке пожалования податного иммунитета монастырям или за службу прониарам, при регламентации их размеров и условий пожалования правом прецедентов легко могли быть изменены в соответствии с изменением внутренней и внешней обстановки. Их земельное обеспечение могло быть возвращено в казну при замене на другое или при отсутствии таковой замены. Неопределенность правового статуса пронии, отсутствие ее нормативного регулирования также свидетельствовали о том, что именно субъективные единичные права в отношении пронии наилучшим образом устраивали центральную власть, позволяя ей контролировать и изменять правовой статус прониаров в постоянно меняющихся условиях.

Право прецедентов носило публичный характер. Публичное право, как известно, играло сравнительно небольшую роль в рамках римского гражданского права, в его структуре преобладало право частное. Однако

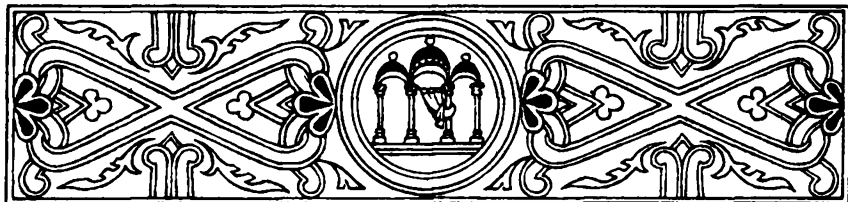
⁷⁰ D. I, 3, 26; D. I, 3, 27; Bas. II, 1, 36, 37.

вновь возникший вид византийского публичного права, оставаясь правом прецедентов, так и не приобрел нормативного характера.

Подобное право развивалось и на средневековом Западе и находило свое выражение в хартиях, оформляющих пожалование земель и привилегий. Однако в целом правовая обстановка в Византии и на Западе в XIII–XV вв. кардинально различались. На Западе в этот период развивалась сословная монархия и закладывались первые предпосылки будущего гражданского общества, основанного на новых концепциях общего публичного права, формирование которых развернулось в XVI–XVII вв. и возвестило начало правовой доктрины Нового времени. Эти процессы особенно явственны были во Франции. Новая правовая доктрина, противопоставившая сеньориальную монархию королевской, имела целью создание единого общего права абсолютной монархии и использовала в качестве правового источника римское право, которое в эпоху феодализма являлось общим правом на юге Франции, тогда как на севере Франции общее право отражали кутюмы.

Источником формирующегося общего права Нового времени являлись также королевские ордонансы и хартии средневекового периода, решения парламентов. В Европе к этому времени имелись представительные учреждения: парламенты и генеральные штаты, формы правления, предвосхитившие новую эпоху. В Византии императорская власть функционировала в рамках традиционной политико-правовой доктрины. Территория казенных земель, императорского домена и в целом территория государства сокращались. В Англии процессы, связанные с возникновением предпосылок нового гражданского общества, протекали, напротив, на землях короны. Во Франции происходил интенсивный процесс расширения королевского домена, присоединения к нему ранее практически независимых герцогств и графств. Активную деятельность проводили легисты, вооруженные современными юридическими знаниями и новыми идеями, направленными на укрепление королевской власти и ослабление церковного влияния в политических делах.

Доминирование в поздней Византии в области публичного правопорядка субъективного, часто нарушаемого и вновь восстанавливаемого права прецедентов создавало своеобразие византийского правового развития, его незавершенность в условиях системного государственного кризиса, постоянного сокращения территории, приведших к гибели империи. Тот факт, что формирование крупного землевладения и проники как государственного института не получило нормативного оформления, отражает особенно отчетливо традиционность византийской политико-правовой системы, делающей ее неповторимой исторической парадигмой.

Глава VII

ВИЗАНТИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАК ПОНИМАНИЕ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ

Как отмечалось выше, знание о прошлом, по мнению византийцев, имело существенное значение для понимания ориентации в обществе. Частичная и вероятностная ориентация признавалась в рамках идеи о свободе воли человека и этических представлений о ниспосылаемых человеку свыше добродетелях, которые он может реализовать или оставить нереализованными. Понимание возможности ориентации было связано с представлениями о значимости коллективного социального опыта, который может быть учтен человеком в его деятельности. Божественное Провидение — непознаваемо, но благодаря добродетельным поступкам можно приблизиться к пониманию естественного закона и естественного порядка вещей, созданного Богом и данного человеку в ощущении. Соответствующие воззрения имеют разные источники, а в той части, в которой они относятся к социальному поведению, восходят к различению божественного и естественного закона в римском праве¹.

Понимание естественного закона в Византии не отличалось от общехристианских представлений о нем, характерных и для средневекового Запада². О божественной и человеческой истинах писал, например, Иоанн

¹ Как отмечалось, римское право различает государственный, этнический и естественный законы, которые не полностью совпадают: *Corpus Juris Civilis*. Berolini, 1954. Vol. II. *Digesta* / Ed. Mommsen, Th., Krueger P. I, 1, 6. (далее: D).

² D. I, 1. 6; *Basilicorum libri LX* / Ed. Scheltema H. J., van der Wal N. Groningen, 1953. II. 1. 6. (далее — Bas.).

Кантакузин³. Феодор Метохит, восхваляя монархию, считал, что в лице правителя воплощается божественный закон, который включает и божественные вещи, и человеческие⁴. Он интерпретировал симптомы упадка империи как требование естественного закона, связав, таким образом, данное понятие непосредственно с исторической и социальной обстановкой эпохи⁵. Естественный закон упоминает Палама, утверждая, что он находится в основе деяний человека, проявляющего свободу воли⁶. Кантакузин пишет о народах и законах, изначально им присущих⁷. Идея естественного закона содержится в письмах Мануила II Палеолога⁸. По Плифону, естественное право — это космический порядок, представления о котором ассоциируются с общими космологическими идеями философа.

Говоря о понимании византийцами истории, следует упомянуть и о таких идеях, восходящих также в первую очередь к правовым источникам, как естественность неравенства людей и идея разделения людей на тех, кто управляет, и тех, кто подчиняется.

Формирование практического знания, одним из видов которого являлась историография, воспринималось в Византии в соответствии с аристотелевскими традициями как философия. Известно, что, по Иоанну Дамаскину, философия — это знание о божественных и человеческих вещах. Вслед за Аристотелем Иоанн Дамаскин разделял философию на теоретическую и практическую. Такое деление отражает различие практической и теоретической частей души. Выше говорилось, что политические знания Иоанн Дамаскин (также вслед за Аристотелем) относил к практической философии, в задачи которой входит изучение добродетелей и обучение искусству управления государством⁹. Знания об обществе, таким образом, отличались от знаний о природе.

³ Ioannis Cantacuzeni Pro Christiana religione contra sectam Machometicam Apologiae IV: Apologia I // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. Migne J. P. (далее: PG). T. 154. Col. 401 D.

⁴ Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica / Ed. Ch. G. Müller, Th. Kiessling. Leipzig, 1821. P. 625–626.

⁵ Beck H.-G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 86.

⁶ Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959. P. 176, 178.

⁷ Ioanni Cantacuzene eximperatoris libri IV. Bonnae, 1828. Vol. I. P. 453.

⁸ Lettres de l'empereur Manuel Paléologue / Ed. Legrand. Amsterdam, 1962. N 54. P. 89.19.

⁹ Аристотель. Метафизика I, л. 981a–981b; Ioannes Damascenus, Dialectica: capita philosophica // PG. T. 94. Col. 533; Col. 669. Idem. Expositio fidei orthodoxae // Ibid.

С некоторой условностью, учитывающей специфику эпохи, можно считать, что практические знания, называемые практически-философскими, в том числе и историография, составляли в византийской культуре элементы конкретно-научного подхода к природе и обществу (наблюдение, описание, установление взаимосвязей).

Понимание истории византийцами, однако, не было однозначным. Наряду с откровенно теологическими идеями, ярко выявленными, в частности, в воззрениях Григория Паламы, немалое значение, особенно в поздний период, приобрели воззрения так называемого гуманистического направления, таких деятелей, как Феодор Метохит, Никифор Григора, Димитрий Кидонис и др., которые были склонны расширительно толковать возможности человеческого разума и считали, что познание природы и общества приближает к постижению высшей божественной истины. Наряду с этим, в рамках официальной политико-правовой доктрины использовались элементы и тех и других воззрений.

Влияние, с одной стороны, восточной патристики и богословия, а, с другой — античных идей, в частности воззрений, римских стоиков, воплощенных в римском праве, придавало теоретико-философским воззрениям византийцев специфические характерные черты. Они и находятся в центре настоящего рассмотрения. Испытывая влияние правовых идей, отношение к прошлому приобретает прагматический характер, а именно, основывается на переосмысленных с христианских позиций античных идеях общего блага и политической пользы. Подобные воззрения составляли официально-политико-правовую доктрину (идеи общего блага, попечения о подданных, подражания Богу), зафиксированную в документах официального характера (императорские хрисовулы), т. е. отражали одну из важных цивилизационных тенденций.

Что же касается самого выражения «история», то под ним в соответствии с античными традициями подразумевалось описание событий прошлого, которому как необходимый компонент присуща достоверность, несводимая, впрочем, к фотографичности и не воспринимаемая как абсолютное тождество явлений и их описаний. История — это описание событий, знание и понимание которых основано на индивидуальном и общественном опыте людей и на достоверных свидетельствах, которыми располагает историограф: история — это сообщение истины. Интерпретация византийцами выражения «история» обнаруживает

информационный подход к пониманию общественных событий. История — это информация, нарратив. Соответственно, само это понятие в представлении византийцев связано с признанием ими феноменологической независимости событий прошлого и современности от достоверного описания их, называемого историей.

Понимание в Византии исторических событий и явлений в отличие от понимания природы характеризуется восходящим к богословским идеям антропоморфизмом и антропоцентризмом, в равной мере отличающимися как откровенно теологическую, так и официально-политическую и гуманистическую традиции в представлениях о социальном и политическом развитиях. Говоря, например, о положении империи в условиях усилившегося натиска османов, Димитрий Кидонис уподобляет государство судьбе человека, замечая, в частности, что осталась от империи столица, как голова, отделенная от тела. Разум — главное в человеке, и то же самое верно для государства, считал Феодор Метохит¹⁰.

Характерно и то, что в целом понятие история иногда трактовалось расширительно, подразумевая описание не только событий прошлого и политической деятельности, но и природы. Это отражало особенно-сти византийского мирозерцания, восходящие к отмеченным выше характерным чертам восточной патристики и богословия, к целостному восприятию ими природы и общества. Впрочем, единство *физис* и *техне*, что было специально подчеркнуто М. Хайдеггером, отличало и античную философию. Действительно, закон природы понимался как высшая божественная необходимость, содержащая в себе божественную причинность. Все божественное связано с природой¹¹.

Византийские писатели — представители любого из трех названных направлений — испытывали влияния названных воззрений.

Совокупность онтологических, эпистемологических и методологических проблем, а также понятийный аппарат описания природы и общества оказываются едиными. У Никифора Григоры, например, общеполитические рассуждения о причинах природных явлений, о границах познания, полемика по этим вопросам с Паламой содержатся в историческом сочинении. Это подтверждает понимание византийцами природы в широком смысле, по существу тождественном естественному и божественному законам. Огромную роль в представлениях о методах

¹⁰ Theodori Metochitae Miscellanea... P. 636. Ср. данные Исааги: 2, 1–4 и 3.8. Zepos J., P. Jus Graeco-Romanum. Athen, 1931. S. 240.

¹¹ Аристотель. Никомахова этика. VII, 13, 1153 b 32; X, 9, 1179 b 21.

познания природы и общества играли исходные постулаты рассуждений: *κοινὰ ἔννοια, ἀξιώματα πρῶτιστα*¹².

Однако по отношению к описанию и пониманию истории общества общие философские категории, такие, как божественный промысел и естественный закон, истина, время, необходимость, случайность и др., наполняются специфическим содержанием. Эти категории в эпоху Палеологов приобрели особую актуальность, обусловленную изменением ритмов и темпа смены общественных и экономических конъюнктур.

Наряду с этим при описании общества и ориентации в нем человека использовался понятийный аппарат, относящийся к свободному волеизъявлению человека, его психологии, а также к историческому времени и пониманию случайности в обществе.

Особый смысл, вкладываемый в общие философские и богословские категории, используемые для выражения понимания истории общества, наличие специальных понятий, относящихся к постижению современной исторической ситуации и исторического прошлого, равно как и характерные черты описания исторических событий: причинный анализ, признание прагматистского, дидактического характера прошлого, — все эти факторы, равно как и идеи антропоморфизма, свидетельствуют о той значительной роли, которую играло понимание истории в рамках представлений о практической философии в Византии. Все эти обстоятельства побуждают рассматривать понимание византийцами истории (деятельности людей, событий, процессов и отношений) как особую форму интеллектуальной рефлексии. В задачи данной работы соответственно входит как выявление и изучение специфического содержания общих философско-теологических понятий, используемых византийцами для осмысления общественной жизни, так и реконструкция и анализ понятийного аппарата, используемого только для описания исторических событий, процессов и отношений.

Представление о Божественном провидении, «пронии», общей необходимой закономерности, сочетающейся с изменчивой и случайной природой общественных явлений, — общая черта понимания истории в Византии¹³. Ее специфическое содержание в философии истории

¹² Nicephori Gregorae Byzantina Historia graece et latine. Bonnae 1855. Vol. III. P. 409–410.

¹³ Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 8f; Beck H.-G. Vorsehung und Vorbestimmung in der theologischen Literatur der Byzantiner. Roma, 1973.

выражалось, в частности, в представлениях о божественном происхождении императорской власти и пронии-попечении императора в отношении подданных.

Представители исихазма сводили философию истории к теологии истории. В нее Паламой включаются библейские понятия, которые составляют понятийный аппарат для выражения идей о причинах и содержании исторических событий. Причем Палама исходил из идеи прямого вмешательства Бога в исторический процесс¹⁴.

Идея божественной пронии занимает центральное место в официальной политико-правовой доктрине, согласно которой она является атрибутом невидимого и непознаваемого мира¹⁵. В такой же мере она определяет понимание исторических явлений и их развитие во взглядах гуманистов. Однако в произведениях светских историков чувствуется неподдельный интерес к изменчивой событийной истории. Идея божественного промысла сочеталась с представлением о различных знамениях и чудесах. Дука, повествующий о трагическом периоде византийской истории, сообщает о таинственном знамении, позволяющем надеяться на то, что избранный Богом народ получит передышку в своих трудностях¹⁶.

Однако, божественная прония — непознаваема. Ориентация в обществе связана со свободой воли человека, его способностью к ориентации, связанной с реализацией им добродетелей.

В целом в рамках политико-правовой доктрины в ее византийской интерпретации свобода понималась как возможность неограниченного распоряжения своими физическими и духовными способностями вне какого бы то ни было принуждения или воздействия внешних факторов. Подобное понимание свободы, нашедшее, в частности, свое выражение в Институциях Юстиниана¹⁷, составляло правовую основу трактовки земельной собственности в римско-византийском праве и противопоставления свободных и рабов в политико-правовой доктрине¹⁸.

¹⁴ *Meyendorff J.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas... P. 176.

¹⁵ *Hunger H.* Prooimion... S. 49–58.

¹⁶ *Ducas.* Istoria turco-bizantină (1341–1462) / Ed. Grecu V. București, 1958. P. 95. XVI. 4.4–6.

¹⁷ *Corpus Juris Civilis.* Berolini, 1954. Vol. I: Institutiones / Rec. Krueger P. I, III. P. 2.

¹⁸ См. напр., характерное выражение на этот счет, содержащееся в одном из писем императора Мануила Палеолога // *The Letter of Manuel II Palaeologus / Text, transl. and notes by George T. Dennis.* (Dumbarton Oaks Texts. IV). Wash., 1977. P. 26.

Свобода, таким образом, в соответствии с античными традициями трактовалась как положение вне подчинения (*ἀβέσποτον*)¹⁹. В этом смысле понятие использовалось в Византии и в рамках церковного права. Патриарх Афанасий ассоциирует свободу Церкви с ее управлением в соответствии с собственными постановлениями²⁰. Ситуацию же, противоположную свободе, он характеризует следующими словами: «Не вести, а быть ведомым, не приказывать, а быть тем, кому приказывают, не являться хозяином своих дел, но быть подчиненным»²¹. В своем узком специальном смысле, имея технический смысл, т. е. являясь по существу термином, выражение «свобода» означает отсутствие податной ответственности. В этом значении оно, в частности, встречается у Никифора Григоры, который, характеризуя политику Андроника III, сообщает, что император обещал свободу от налогов, и употребляет выражения *ἀτελεία*, *ἐλευθερία*²². В этом значении *ἐλευθερία* часто встречается в поздневизантийских актах²³, а также в одном из писем патриарха Афанасия I императору Андронику II Палеологу²⁴.

Однако применение термина *элевтерия* в значении *ателейя*, т. е. освобождения подданных императора от податей, не получило значительно-го распространения. Для податного иммунитета, который императоры предоставляли крупным земельным собственникам, употреблялся термин «экскуссия». Выражение *элевтер* в указанном значении свободы от податной собственности употреблялось только по отношению к определенной группе неимущего населения, не занесенного в податные реестры и не подлежащего налогообложению. Подобного рода «свободные», а по существу, утратившие не только имущество, подлежащее налогообложению, но и все социальные связи люди, могли как угодно распоряжаться своей судьбой: поселяться на территории крупных земельных собственников в качестве держателей, стать наемными работниками и, наконец, нищими. Античный смысл свободы как бы утрируется, в чем и заключается парадоксальность такой трактовки. Человек свободен от отношений

¹⁹ Actes de Prôtaton / Ed. Papachryssanthou. Paris, 1975. N 11. P. 247. 25.

²⁰ The Correspondence of Athanasius Patriarch of Constantinople / Ed. A.-M. Maffry Talbot // Dumbarton Oaks. Texts III. Wash., 1975. N 62. P. 144.2–4.

²¹ Ibid. P. 144.28–30.

²² Nicephori Gregorae Byzantina Historia... 1829. Vol. I. P. 398.

Actes de Lavra / Ed. Guillou A., Lemerle P., Svoronos N., Papachryssanthou D. Paris, 1979. Vol. III. N 192. P. 18.28–30; N 157. P. 5.7.9.

²⁴ The Correspondence of Athanasius... N 69. P. 172. 182–185; P. 392.

подданства императору, от уплаты налогов, являющихся выражением этого подданства. Он тем самым поставлен вне всех социальных взаимосвязей и потому абсолютно свободен. В то же время подобное употребление термина несет на себе в искаженной форме следы влияния классического римского правосознания. Ведь в эпоху существования свободной квиритской земельной собственности признаком ее свободы была свобода от уплаты податей. Возможно, именно эта свобода определила данное значение выражения *элеутерия*.

Если выражение «свобода» в значении освобождения от обязанности платить налоги редко употребляется по отношению к состоятельным и привилегированным подданным императора, поскольку такое употребление слова резко диссонировало бы не только с наличием у них личной свободы, но и привилегированного статуса, делающего их частью социальной элиты, то уплата податей в пользу османов рассматривалась византийцами как утрата свободы. Об этом свидетельствует диалог Мануила II Палеолога с мусульманином. Критикуя закон Магомета, Мануил II Палеолог указывает на то, что он оставляет подданным следующий выбор: или принять ислам, или платить подати и быть обращенным в рабство, или быть уничтоженным²⁵. Названное понимание свободы присутствовало и в акте цезаря Фессалии Алексея Ангела от 1389 г., где сообщается, что его автор в результате договоренности с мусульманами пожаловал своему родовому владению, монастырю св. Фотия, полную свободу. Речь идет, по-видимому, о соглашении с турками после взятия ими Фессалоники. Монастырь, как и некоторые другие владения, был, как видно, освобожден от уплаты податей в пользу завоевателей²⁶.

Использование понятия «свобода» для обозначения такого приземленного явления, как отсутствие записей в податных книгах относительно людей, полностью разоренных и неспособных платить налоги, отражая приверженность византийцев к интерпретации общих понятий, свидетельствует о специфическом способе переработки информации, относящейся к античной эпохе. Эта информация перерабатывается с учетом новых интересов повседневной жизни, но с использованием привычных выражений, что свидетельствует о традиционности правосознания, о стремлении следовать известным образцам, т. е. отражает особенности цивилизации, придающие ей характер исторической парадигмы.

²⁵ Manuel Palaeologos. Dialogue mit einem «Perser» / Ed. E. Trapp. Wien, 1966. S. 79. 6–9.

²⁶ Actes de Lavra. Vol. III... N 151. P. 121.8.

Действительно, вместо четкого понятия «ателея» по отношению к людям, не занесенным в податные кадастры, используется многозначное, восходящее к общим воззрениям выражение «свободный», т. е. используется метафора. Как видно, важен был не столько точный смысл обозначения, сколько само слово, его роль в системе общих воззрений.

В конечном счете, подобный путь возникновения терминов восходит к теории идей Платона, а затем к воззрениям представителей восточной патристики. Самостоятельное существование мира идей включало, согласно данным представлениям, все возможные смысловые оттенки существующих явлений, их прообразы. Поэтому византийцам казалось правомерным использовать абстрактные понятия для характеристики явлений повседневности, сходных, по их мнению, в главном — в их сущности — соответствующей идеей, название которой они использовали. В реальной жизни эти идеи, по мнению византийцев, воплощались в конкретные проявления благодаря присоединению (*συμβεβηκός*) к сущностным признакам признаков индивидуальных (подробно ниже).

Античные интерпретационные традиции оказались включенными в богословские представления с их пониманием свободы, согласно которому человек способен постигать окружающий его созданный Богом мир явлений. В этом мире человек обладает свободой воли²⁷ и может ее употреблять на совершение как хороших, так и дурных поступков. В богословской литературе выражение «элевер», кроме того, употребляется обычно в контексте «свободы человека от грехов», например, в житийной литературе Григория Паламы²⁸. За исключением подобной интерпретации, осуществляемой с позиций христианской нравственности, в целом понятие свободы лишено единой и заданной ценностной характеристики. Нельзя сказать однозначно, благо это или зло. Понятие абсолютного блага в соответствии с христианскими догмами было присуще только божественным вещам, для человеческих деяний благо — это то, что соответствует божественному порядку или созданному Богом естественному порядку вещей.

Христианское понимание свободы привносит некоторые новые оттенки в общую систему представлений о ней. Так, противопоставление свободных и рабов теряет былую определенность и становится более метафоричным, более многозначным, ведь все подданные императора — его

²⁷ Галат. 5.1, 13; Рим. 8, 21; Эфес. 5.1.

²⁸ Gregorii archiepiscopi Thessalonicensis Vita S. Petri Athonitae // PG. T. 150. Col. 1000.

рабы. Это относится и к его приближенным²⁹. Названное понимание является не только метафорой, хотя это очень свойственно византийскому сознанию, но и дальнейшим развитием политико-правовой доктрины, переосмыслением ее в терминах христианского мирозерцания, что отражало основное направление, по которому развивалась византийская цивилизация, и механизм ее функционирования и воспроизводства.

Не только общие мировоззренческие представления оказывали влияние на появление тех конкретных значений, которые приобрело выражение «свобода» в условиях византийской действительности. Различные смысловые оттенки данного понятия возникали в результате обобщения на уровне практического сознания явлений повседневности. Возникновение в XIV в. более сложных отношений монастырей с афонским протом и Константинопольским патриархатом способствовало развитию в рамках церковного права идей полной и неполной свободы, понимания ее иерархических уровней.

Для анализа этих представлений существенны два документа, адресованные афонскому протату: сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г.³⁰ и хрисовул Андроника II Палеолога от того же года³¹. В первом из названных документов сообщается, что ранее императоры, исходя из мысли о том, что добродетель должна совершенствоваться в условиях полной свободы, ὅπ' ἐλευθερίαν πᾶσαν³², пожаловали ее Афону, предоставив ему возможность находиться под управлением прота, который не подчинялся ни патриарху, ни кому-либо иному. В нарушение церковных канонов последующие императоры увеличивали свободу афонского прота. Но император Андроник II Палеолог постановил, что подобная свобода не является справедливой, и уменьшил ее, согласовав положение дел с церковными канонами³³. Прот Афона должен был подчиниться Церкви и утверждаться патриархом. Акцентируется также идея, согласно которой необходимо подарить некоторый дар, чтобы иметь возможность, в свою очередь, одаривать других. В соответствии с этими представлениями понимается право прота санкционировать избрание игуменов. Аналогичный ход

²⁹ Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Wien, 1981. Bd. 384. S. 52.

³⁰ Actes de Prôtaton, N 11.

Ibid. N 12.

³² Ibid. N 12. P. 253. 130–143.

³³ Имеется в виду существовавшая в Византии рассмотренная выше практика приравнивания законов и канонов.

рассуждений присутствует и в упомянутом выше императорском хрисовуле, в котором также содержится постановление об изменении статуса афонского прота и говорится, что в соответствии с церковными правилами он должен подчиняться патриарху.

Итак, в рамках церковного права византийцы в отличие от восходящих к античности интерпретационных правовых традиций различали степени свободы. Эти представления находились в сложной связи с обыденным сознанием, в рамках которого свобода также воспринималась как имеющая градации. Льготы и привилегии, столь распространенные в Византии и регламентировавшиеся правом прецедентов, привели к разделению подданных на привилегированных и непривилегированных. Количественный подход к нравственным принципам весьма характерен для византийского менталитета и власти с бюрократией, разделенной на ранги. Неоднозначность и иерархичность данных представлений византийцев не только образец сложности их цивилизации, но и отражение механизма соединения противоречивых идей в единую систему. Античные концепции, будучи включенными в христианское мирозерцание, либо получали новое осмысление в рамках богословия, либо приобретали автономное, но подчиненное по отношению к христианству положение.

Известно, какую роль играли восходящие к пифагорейцам идеи справедливости как равенства возможностей для равных в социально-политическом бытии, которые включали представление о мере в ее математическом выражении. В Средние века была распространена теория Аристотеля о разделении справедливости на уравнивающую и распределяющую. Первая предполагает равенство людей в их отношениях друг с другом, вторая воздает каждому в соответствии с его достоинствами.

Если представление о типах справедливости достаточно традиционно, то идея степеней свободы, не имевшая явных античных аналогов, была связана с развитием канонического права, а потому определялась сложными взаимоотношениями церкви и государства, их симфонией, которая в реальной жизни нередко оборачивалась преимущественной ролью либо государственных, либо церковных постановлений.

Характерно соотношение смысла терминов «эксусия» и «элевертия». Дело в том, что одним из значений первого термина является *власть*. Максим Исповедник следующим образом определяет его: «Власть и выбор не одно и то же. Власть — это законное господство. Мы выбираем сообразно власти, но не властвуем сообразно выбору»³⁴. Понятие власти

³⁴ Maximi Confessoris ad sanctissimum presbyterum Marinum // PG. T. 91. Col. 9A.

в данном случае имеет смысл «свободы воли»; у Григория Паламы этот смысл звучит вполне отчетливо. Говорится, что человеку была дана *эксусия*, с тем чтобы люди могли пожелать совершать поступки, подобно Сыну Божьему. Но если мы пошли в противоположном направлении, пишет далее Палама, и «возлюбили смерть больше, чем истинную жизнь, Он (Бог. — К. Х.) дарованную *эксусию* не отобрал»³⁵.

В целом, как мы видим, понятие свободы в рамках византийских политико-правовых представлений на уровнях как общих идей, так и обыденных представлений характеризовались не только двойственностью, отличавшей и ряд других ведущих политико-правовых и социально-экономических понятий византийцев (как, например, рассмотренное выше понятие земельной собственности в рамках римского вульгарного права, обозначавшее и полное распоряжение землей, и земельное владение от чужого имени), но и многозначностью, обусловленной влиянием на формирование соответствующих представлений различных воззрений: античных, богословских, канонических, а также прагматических, связанных с опытом повседневности. Многозначность понимания, содержащая ряд антиномий, снимавшихся только на высшем мировоззренческом теоретико-богословском уровне представлений, позволяла византийцам в различных ситуациях акцентировать различные аспекты соответствующего понятия и выражать свое меняющееся, иногда прямо противоположное, отношение к окружающей реальности. Богословские идеи и политико-правовые принципы, определяющие мирозерцание эпохи и ее знаковую систему в целом, являлись в значительной мере источником той формы, в которой реализовалось обобщение непосредственных наблюдений и социального опыта современников. Именно они определяли единство общественного сознания эпохи, которое вмещало множество антиномий, иерархичность представлений, разные пласты общественного сознания, в основе которых находились разные критерии.

Однако конкретные термины и обозначения возникали и в результате эмпирической индукции, непосредственного обобщения конкретных наблюдений и переработки и усвоения информации и социального опыта вне какого-либо воздействия богословской и политико-правовой, испытывавшей античное влияние, интерпретационных традиций. С помощью подобных эмпирических обобщений появлялись наименования отдельных налогов, способы взимания которых находились в ведении

³⁵ Gregorii archiepiscopi Thessalonicensis ad reverendissimam in sanctionibus Xenam de passionibus virtutibus et mentalis quietudinis fructibus // PG. T. 150. Col. 1053.

текущей налоговой политики, например, «энномий», «парфенофтория», «ситаркия», «орики», «скалиатикий», «линоброхий» и т. д. Эти налоги и связанные с их взиманием формы общественных отношений носили сугубо экономический характер и отражали секуляризованный пласт общественного сознания. Византийцы ассоциировали их с простыми и привычными поступками людей, с их обыденной жизнью, не требующей специального осмысления, которое предполагало бы обращение к идеям абстрактного мирозерцания, а также их освящения с помощью высоких и громких наименований, восходящих к самым высшим богословским пластам сознания и соответствующему уровню рассуждений.

На уровне прагматического сознания византийцы воспринимали общественные события, явления и ситуации, как факторы внешнего вынуждения и как внешние причины их собственных поступков. Беспредельные общественные перемены ассоциировались не только с влиянием божественной проии, но и с ролью в обществе случайности, понимание которой определялось сложным переплетением как античных, так и богословских идей. В византийской философии случай и случайность обозначались выражениями «симвевикос», «автоматон», «тихи», «эймармене», восходящими к античной философии. Наименование «симвевикос» относилось к сфере, как природы, так и общества, «автоматон» использовалось преимущественно для обозначения явлений природы, «тихи» и «эймармене» — только общественных ситуаций.

По Аристотелю, произошедшее случайно, т. е. «по совпадению» (*συμβεβηκός*) предметов, событий, явлений, причин, т. е. «симвевикос» означает, что к сущностным признакам предмета, события, явления или к сущностным, т. е. необходимым причинам события или явления присоединяются (т. е. находятся вместе, совпадают) другие несущностные признаки или причины. Для Аристотеля сущностной причиной (т. е. причиной самой по себе, необходимой) дома является строитель, а цвет дома — белый — это присоединившийся признак. Такое присоединение к сущности (*усия*)³⁶ придает ей индивидуальное проявление. Сущностные, общие для всех проявлений совокупности признаки образуют род предметов, явлений, событий, а индивидуальные проявления — единичные предметы, явления и события, т. е. качественное разнообразие рода. Индивидуальные проявления составляют, по Аристотелю, первую субстанцию (первую *усию*), а общие — вторую³⁷. Сущность и бытие

³⁶ Аристотель. Физика II, 5. 196в.

³⁷ Визгин А. П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М., 1989. С. 202–203.

по совпадению — это, по Аристотелю, онтологические характеристики. И у Аристотеля, и в восточной патристике, и в богословии понятие «симвевикос» соответствует понятию «акциденция» в западной схоластике³⁸.

У Иоанна Дамаскина «симвевикос» вслед за Аристотелем понимается как признаки, присоединившиеся к основным признакам, содержащимся в *усии*, которая называется основной (*кириотерон*) субстанцией, имеющей начало в самой себе и для себя существующей. *Усия* как сосредоточие общих признаков в чистом виде не подлежит наблюдению. Она становится наблюдаемой в результате присоединения к ней индивидуальных признаков³⁹. *Симвевикос* характеризует качественное разнообразие признаков, которое не может существовать вне *усии*. Как видно, *усия* — это общие типичные признаки некоторой совокупности, рода или вида явлений или предметов, отраженные в общих понятиях, являющихся категориями. Присоединенные признаки, выраженные в индивидуальных единичных понятиях, отражают наличие индивидуальных и единичных предметов в данном виде, роде, совокупности. У Иоанна Дамаскина трактовка случая, как известно, зависит не только непосредственно от Аристотеля, но и восходит к таким интерпретаторам, как Порфирий, Олимпиодор, Аммоний, к постановлениям Халкедонского Собора и к каппадокийцам. Благодаря присоединению к сущности *симвевикос*, по Иоанну Дамаскину, появляются *ипостаси*, индивидуальные проявления одного и того же вида, отличающиеся качественным разнообразием и неповторимостью. Ипостась является в византийской философии и богословии проявлением идеи индивидуализации и выражает в новых терминах идею первой субстанции Аристотеля. Идея второй субстанции Аристотеля, т. е. общих признаков совокупности — *усии*, сохраняет свое наименование «усия». Так же как и у Аристотеля, у Иоанна Дамаскина *симвевикос* представляет собой акцидентальный предикат⁴⁰.

Симвевикос у Григория Паламы — это то, что приходит и уходит⁴¹. Как видно, Иоанн Дамаскин и Палама вслед за Аристотелем подчеркивают невозможность существования индивидуальных признаков без

³⁸ Weiß H. Kausalität und Zufall in der Philosophie des Aristotels. Basel, 1942. S. 178; Богомолов А. С. Детерминизм, спонтанность и свобода в философии Демокрита // Вопросы философии, 1982. № 3. С. 122.

³⁹ Ioannes Damascenus. Dialectica. Capita philosophica // PG. Vol. 94. Col. 536C–537D.

⁴⁰ Визгин в. П. Генезис и структура квалитативизма у Аристотеля... С. 268.

⁴¹ Gregorii Palamae Thessalonicensis Archiepiscopi Physica, Theologica, Moralia et Practica. Capita CL // PG. T. 150. Col. 1209. 197.

сущностных. Это означает, что в смысловом диапазоне выражения «симвевикос» акцентируется метафорический смысл присоединения индивидуальных признаков к основным.

Характерно, что в рамках современной синергичной антропологии, восходящей к идеям Григория Паламы, ученые придерживаются распространенного в современной философии мнения, согласно которому сегодня наблюдается кризис классической антропологии, восходящей к Аристотелю, Боэцию, Декарту, и понимающей человека как разумную сущность, мыслящего субъекта, индивидуума⁴².

Но, очевидно, представители восточной патристики, а затем и Палама признают аристотелевскую идею человека как субъекта-индивидуума, именуемого ими ипостасью. Поэтому нам представляется, что представители неопаламизма отходят от одной из основных паламистских тенденций. Иными словами, они в отличие от представителей восточной патристики и Паламы, понимающих энергичность человека как проявление его свободы воли, интерпретируют ее как проявление его бессознательных ощущений.

Но в естественном языке выражение «симвевикос» имеет также смысл совпадения вообще, движения вместе, безотносительно к тому, возможно или невозможно раздельное существование соответствующих признаков. Этот более общий, менее специальный смысл «симвевикос», менее связанный с воззрениями Аристотеля, патристики и богословия, в рамках которых выражение становится по существу категорией, обнаруживается по византийским источникам на уровне массового сознания.

В таком использовании выражения мы усматриваем коммуникативную и креативную функцию естественного языка, т. е. влияние семантического поля выражений естественного языка на мышление. Например, в одном из официальных документов говорится о событиях, которые произошли в результате течения таких обстоятельств, как «изменение в обстановке и ухудшение условий жизни»⁴³. О событиях, возникших в силу совпадения ряда факторов или причин, пишет Никифор Григора, используя вместо *симвевикос* предикаты *τὸ ὕχαινω*, *φθάνω*⁴⁴. В таком понимании

⁴² Штёкль К. Новая антропология: поиск альтернативы картезианскому субъекту в «Очерках синергичной антропологии» Сергея Хоружего // Вопросы философии, 2008. № 1. С. 173.

⁴³ Actes de Lavra / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Paris, 1977. Vol. II. N 72. P. 14.26–30.

⁴⁴ Nicephori Gregorae Byzantina Historia... Vol. I. P. 42.20.

также проявляется влияние античных, но не сугубо философских аристотелевских традиций. Далее, Григора писал, что не всё является по необходимости, но многое предстает как случайное (κατὰ συμβεβηκός). Земное управляется по природе (ὕπὸ φύσεως)⁴⁵.

Характерно высказывание афонского прота Исаака, заявившего в одном из своих постановлений: «Современные дела находятся в постоянном движении и изменении, и даже в течение небольшого промежутка времени ничто не может наблюдаться как стабильное»⁴⁶. Константинопольский патриарх Афанасий I, характеризуя особенности своего жизненного опыта, сообщает следующее: «Я желаю славы во Христе, получив от него силу, я, знающий, как испытывать изобилие и как страдать, как говорить и как молчать, быть удовлетворенным и испытывать лишения, владеть и не иметь владения»⁴⁷. Эти утверждения показывают, что идеи христианского терпения и стойкости в перенесении трудностей и представления о переменах в обществе неотделимы.

Наличие у византийцев двух разновидностей представлений о *симвефикос*, т. е. с одной стороны, понимание случая как итога простого совпадения ряда факторов, а с другой — представления о нем, как присоединения несущественных признаков к сущностным, восходящего к идеям Аристотеля, восточной патристики и богословия (как у Паламы), отражает известную гетерогенность византийской цивилизации. Эта гетерогенность обусловлена включением разных античных интерпретационных традиций в рамки христианского мирозерцания. Возникающая при этом антиномия в представлениях снимается на уровне многозначности слов в естественном языке.

Античное влияние проявилось также в использовании понятия *тихи* (τύχη) — судьбы. *Тихи* — это судьба, рок, счастье удача, несчастье. Понятие *тихи* как у Аристотеля, так и у византийцев относится только к деятельности людей. ...*Тихи* и [происходящее] от *тихи*, — пишет Аристотель в «Физике», — относится к тем существам, которым присуще счастье и вообще практическая деятельность... *Автоматон* же свойственна и всем прочим живым существам и многим неодушевленным». В другом месте «Физики» Аристотель высказывается не менее определенно: ...*тихи* есть причина по совпадению для событий,

⁴⁵ Ibid. Vol. II. P. 723. 19–21.

⁴⁶ Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. Paris, 1986. N 18. P. 153. 1–3.

⁴⁷ The Correspondence of Athanasius I Patriarch of Constantinople... N 58. P. 130. 42–45.

происходящих по предварительному выбору цели»⁴⁸, т. е. в целенаправленной деятельности людей.

В духе Аристотеля Никифор Григора затрагивает проблему соотношения «тихи» и «автоматон», означающего спонтанность⁴⁹. Аналогичным образом понимали «тихи» Федор Метохит, Дука⁵⁰, Фома Магистр⁵¹. Мануил II Палеолог полагал, что непредсказуемая судьба — рок-тихи — хуже диких зверей⁵². В центре внимания Плифона рок, называемый «эй-мармене» и необходимость — «ананки», понимаемые в соответствии с античными традициями как проявления высшей необходимости⁵³.

Тихи — это такое стечение обстоятельств, которое, в отличие от *сим-вевикос* и *кайросов* (подробно ниже), нельзя предвидеть. Соответственно, Мануил II Палеолог называет тихи слепым случаем⁵⁴. Признание тихи-судьбы, происходившее на уровне прагматических представлений обыденного сознания, связанного с повседневной жизнью, сочеталось у всех названных авторов с признанием божественной проники. Сопоставление тихи и проники встречаем, например, у Кантакузина⁵⁵. Понимание божественной проники не в коей мере не подменяется идеей «тихи», поскольку последняя характеризует только сферу человеческой деятельности, воспринимаемой людьми в процессе их повседневной жизни.

Х.-Г. Бек, говоря о той роли, которую понятие «тихи» играло в системе представлений Федора Метохита, полагает, что эти идеи, хотя и не содержат прямого отрицания провиденциалистских принципов, однако все же означали отход от них, поскольку для Отцов Церкви вера в

⁴⁸ Аристотель. Физика. II. 6. 197b. О понимании тихи в античности см. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990; Богомолов А. С. Детерминизм, спонтанность и свобода в философии Демокрита // Вопросы философии, 1982. № 3. С. 123.

⁴⁹ Nicephori Gregorae Byzantina Historia... Vol. I. P. 1336 179.4; vol. II. P. 720.21; Nicephoros Grégoras. Correspondence / Ed. Guillard R. Paris, 1927. N 53. P. 199.

⁵⁰ Beck H.-G. Theodoros Methochites...; Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, 1965. S. 358–359.

⁵¹ Theoduli Magistri Oratio de regis officiis // PG. T. 145. Col. 461.

⁵² The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. Dennis G.T. Washington, 1977. N 50. P. 143. 13–14.

⁵³ Πλήθωνος Περὶ εἰμαρμένης // PG. T. 145. Col. 961–964; Woodhouse C.M. George Gemistos Plethon the Last of Hellenes. Oxford, 1986.

⁵⁴ The Letters of Manuel II Palaeologus... N 19. P. 59. 33–34.

⁵⁵ Ioanni Cantacuzini eximperatoris Historiarum libri IV, Bonnae. Vol. III. P. 122.

судьбу являлась пережитком язычества⁵⁶. Этот вывод представляется излишне категоричным. Действительно, античная идея судьбы-случая, счастья, удачи или несчастья, относящаяся только к ориентации человека в жизни и к восприятию им этой ориентации, как непредсказуемой, не только сочеталась с признанием божественной проии, но и оказалась вполне подчиненной богословским воззрениям. Идея тихи была тесно связана и подчинена христианской интерпретации симвеви́кос, понимаемого как разнообразие. Судьба-счастье или несчастье — это одно из проявлений случая-разнообразия. Особенность этого проявления в том, что его нельзя предвидеть. Известно, что аналогичные представления о судьбе-форту́не существовали на средневековом Западе.

Четкое выражение идеи разнообразия и перемен в обществе содержится в документах, исходящих из церковных кругов. В одном из актов афонского прота читаем: «Все, что относится к происходящим при нас делам, меняется и становится иным во всем»⁵⁷.

В определенном смысле эти представления о разнообразии, близкие к соответствующим концепциям средневекового Запада, отражают те воззрения, которые явились предпосылками последующих общеевропейских научных и философских концепций о понимании случайного как разнообразия. Характерно в этом смысле следующее высказывание И. Канта, отметившего универсальный характер подобных идей. «Я нахожу, — писал крупнейший немецкий философ в «Критике чистого разума», — что не только философский ум, но и обыкновенный рассудок всегда допускал и, без сомнения, всегда будет допускать это устойчивое, как субстрат всякой смены явлений, с той лишь разницей, что философ выражается об этом несколько определеннее, говоря, что при всех изменениях в мире субстанция остается и только акциденции меняются»⁵⁸. Известно, что понимание случая в значении разнообразия было позднее воспринято наукой Нового времени. Так, классическая механика рассматривала необходимость как однозначность, а случай как разнообразие. В современном естествознании одно из значений случайного также заключается в идее качественно-го разнообразия материального мира, генетической изменчивости⁵⁹.

⁵⁶ Beck H.-G. Theodoros Methochites... S. 96.
Actes de Xénophon... N 18.

⁵⁸ Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1907. С. 142.

⁵⁹ Сачков Ю. В. Конструктивная роль случая // Вопросы философии, 1988. № 5. С. 87.

Новейшая западная философия снова придает проблеме разнообразия большое философское значение⁶⁰.

Отметим также, что при характеристике случайности в официальных документах используется выражение, обозначающее случайную причину⁶¹, свидетельствующее о признании (в духе Аристотеля) таковых причин. Случай, по убеждению византийцев, — это явление не беспричинное, а со случайной, т. е. несущностной, причиной.

Распространенность понятия «тихи» в поздней Византии отражает влияние на византийский менталитет общей обстановки эпохи и эсхатологических идей. Обострение внешней опасности всегда приводило к тому, что в понимании хода истории особо акцентируется роль судьбы, непредвиденного — тихи (т्यूхе).

Ориентация в ситуации, в которой на деятельность человека влияет тихи, сравнивается с результатом бросания игральной кости. Такую метафору встречаем, например, у Димитрия Кидониса⁶². Выше говорилось, что образ игры в кости использовался и для характеристики относительных прогнозов будущего на основе знания событий прошлого. Естественно, сказанное не следует понимать в том смысле, что бросание игральной кости действительно практиковалось при принятии решений. Речь идет лишь о системе представлений, включавшей названную метафору, назначение которой в акцентировании случайного и относительного характера соответствующих прогнозов в тех ситуациях, когда такие прогнозы признаются, и в образной иллюстрации непредсказуемого.

Использование подобной метафоры лишний раз подчеркивает склонность византийцев к образному и традиционному мышлению, к использованию готовых клише. Примечательно, что подобный способ мышления затрагивает даже правосознание, требующее рационалистической точности, и присутствует в рассуждениях по поводу правотворчества. Действительно, образ человека, играющего в кости, используется в прооимии к новелле Льва VI в контексте описания ситуации, возникающей вследствие издания ряда противоречивых законов. «Отсюда проистекает

⁶⁰ Мельвилль Ю. К. Новые веяния в метафизике США // Вопросы философии, 1989. № 6. С. 140.

⁶¹ Actes de Lavra... Vol. II. N 89. P. 75.183.

⁶² Démétrius Cydonès. Correspondance. Ed. Loenertz R.-J. Città del Vaticano, 1960. Vol. II. N 213.

смещение законов и ущерб делам. Одни (законы. — К. Х.) меняют на другие, как будто играют в кости»⁶³.

Отнесение Аристотелем и византийцами, с одной стороны, понятия «тихи» только к сфере целенаправленной деятельности людней, а, с другой — понятия «автоматон» — спонтанность — к явлениям природы, понимаемым как упорядоченный процесс, развитие которого протекает спонтанно по принципам саморегуляции, отличает эти воззрения от представлений современной синергетики.

В рамках названной теории, изучающей «развитие, которое мы не можем... описать в терминах индивидуального поведения, но только в терминах «блуждающего» поведения, присущего всем системам, характеризующимся хаотическим аттрактором»⁶⁴, понятие спонтанности-саморегуляции относится и к природе, и к обществу. Представители синергетики при этом ссылаются на античные источники своих воззрений⁶⁵. Однако, античный опыт неоднозначен. Наряду с тенденцией объединения природы и общества, о чем писал М. Хайдеггер⁶⁶ и о чем говорилось выше, представления Аристотеля являются прямо противоположными. В рамках синергетики было бы целесообразнее рассматривать в качестве прототипа и источника своих идей⁶⁷ представления всеединства восточной патристики, исихазма и современного православия, византинизмы русской религиозной философии, отличающиеся от рассмотренных взглядов Аристотеля.

Действительно, именно в рамках названных мировоззренческих учений обосновывалось единство природного и общественного бытия, в равной мере испытывающего влияние ниспосылаемых в мир божественных волений, содержащихся в божественных энергиях-логосах и вызывающих ответную синергию человека и всего тварного мира.

⁶³ Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. P. 7.

⁶⁴ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии, 1989. № 8. С. 15.

⁶⁵ Knyazeva E. N., Kurdymov S. P. Synergetics at the Crossroads of the Eastern and the Western Cultures. Moscow, 1994. P. 20.

⁶⁶ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии, 1989. № 9. С. 115.

⁶⁷ Эти идеи в наши дни чрезвычайно популярны и являются основанием концепций так называемой макроистории. Однако, на наш взгляд, различные положения основанной на синергетике макроистории, недостаточно аргументированы и неубедительны. См. об этом: Хвостова К. В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. 2007. № 3.

Понимание византийцами «тихи» в духе античных традиций как судьбы, характерной только для целенаправленной деятельности людей и отличной от присущей природе спонтанности, традиций, не согласующихся с традициями восточной патристики, равно как и двойственное понимание ими *симвеви́кос*, отражает гетерогенный характер византийской цивилизации. Эта гетерогенность, характеризующая византийскую цивилизацию как историческую парадигму, говорит о сложном напластовании восточно-христианских и античных влияний.

Влияние античных традиций проявилось также в идее исторического времени, имеющего в отличие от физического времени свой ритм, связанный, как отмечалось выше, с пониманием роли добродетельных и недобродетельных поступков в обществе. Иными словами, историческое время понималось в рамках представлений о едином линейном телеологическом времени как время этическое. Представления об этическом историческом времени принимали в соответствии с античными традициями форму циклического времени. Эти идеи разделялись не только представителями гуманистического направления, но и официальными и церковными кругами, т. к. восходили одновременно и к идее круговорота восточной патристики. В таком своем выражении, в частности, в приведенных выше словах прота Асеня от 1262 г. историческое этическое время в соответствии с идеей всеединства восточной патристики обнаруживает свое сходство, слияние с физическим временем.

В понимании циклического времени абсолютизируется идея воспоминаний, относящихся к прошлому, отражается та доминирующая роль, которая придавалась исторической памяти⁶⁸. Подобные воззрения, связанные с платоновскими идеями о переселении душ, непосредственно восходят к воззрениям Григория Нисского, Дионисия Ареопагита о божественных именах как прообразе реальных вещей. Известно, что в Византии идея циклического времени нашла свое выражение и в архитектуре, а именно в композиции византийского крестово-купольного храма⁶⁹.

⁶⁸ Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977. О цикличности исторического времени византийцев см.: Удальцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 128; Лосев А. Ф. Историческое время в культуре классической Греции: Платон и Аристотель // История философии и вопросы культуры. М., 1975; Он же. Античная философия истории. М., 1977.

⁶⁹ Лихачева в. Д. Изобразительное искусство // Культура Византии: вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 482.

В соответствии с названными идеями Никифор Григора, ссылаясь на Плутарха, утверждает, что нет ничего странного в том, что события, совершаемые в разных условиях, обнаруживают единство⁷⁰.

Идеи круговорота явлений в природе и обществе, восходящие к восточной патристике, отражали общую ментальность эпохи. Поэтому представления о небесном своде и движении окружностей в духе Птолемея в равной мере определяли теоретические рассуждения Григоры и о природе, и об обществе⁷¹. Впрочем, Дука связывает перемены в обществе с божественным устройством мира⁷². Видимо, Дука непосредственно апеллирует к идее перемен и развития во времени, содержащейся в понимании случая «симвефикос», тогда как суждения Григоры высказаны на уровне общих философских идей.

В византийских условиях представления о цикличности времени — философская основа эллинского патриотизма. Георгий Гемист Плифон, яркий представитель этого философско-политического направления, неоднократно ссылается на назидательный опыт древних эллинов, определяющий во многом политическое поведение современников⁷³. Подобными аналогиями изобилует византийская эпистолография: в частности, ссылки на образцы политического и социального поведения в античности неизменны в письмах Мануила Калеки⁷⁴, восхваляющего мудрость Фемистокла. Подобные иллюстрации характерны и для Никифора Хумна⁷⁵. Попытки провести аналогию между происходящими событиями и теми, которые совершались в прошлом, в эпоху античности и в Византии, типичны не только для интеллектуалов-гуманистов, но и для менталитета эпохи в целом. Иоанн Векк, описывая разногласия между западной и восточной церквями, ссылается на время патриарха Фотия — период осложнения отношений между ними⁷⁶.

Соответственно в нарративе византийской историографии естественная временная последовательность событий постоянно нарушается

⁷⁰ Nicephoros Gregoras Correspondance... N 60.

Nicephori Gregorae Byzantina Historia... Vol. II. P. 723.26.

⁷² Duca. Istorica turco-bizantină... P. 163. XXII. 8.6–7.

⁷³ Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992. С. 129.

⁷⁴ Correspondance de Manouel Calecas / Publ. par R.I. Loenertz. Città del Vaticano. 1950. N 26. P. 200.

⁷⁵ Verpeaux I. Nicéphore Choumnos: Homme d'État et humaniste byzantin (ca 1250/1255–1327). P., 1959. P. 187.

⁷⁶ Ioannis Vecchi De pace ecclesiastica // PG. T. 141. Col. 925.

обращением к явлениям прошлого, сравнениями и воспоминаниями. Повествование в большинстве исторических произведений не сопровождается сообщением точной хронологии событий. В задачи историографов входило не столько освещение временной последовательности событий, сколько постижение их смысла в свете представлений о повторении исторических ситуаций, о сходстве разновременных событий.

Вся система византийского менталитета, с его вниманием и интересом к общественно-политическому поведению древних, с представлениями об этом поведении как о примерах, имеющих непреходящую ценность и актуальность, отражает своеобразие византийского историзма.

Этот историзм, впитавший античные идеи циклизма и сформулированный на основе идей восточной патристики о круговороте явлений, отличался от историзма средневекового Запада⁷⁷ и придавал византийскому историзму характер исторической парадигмы. Акцентирование повторов социальных ситуаций, равно как прагматические, формировавшиеся путем обобщения непосредственных наблюдений, т. е. на уровне здравого смысла, представления об изменении хода событий и судеб людей, в одинаковой мере служили целям постижения социальной реальности. С их помощью давались характеристики социальной, политической и экономической нестабильности и наличия в этом непостоянстве неизменных, повторяющихся сущностных факторов, выражающихся в случайном как результате совпадения событий.

Представления о линейном времени, связанные с профетическими теориями, нашли лишь косвенное отражение в историографии, в упоминаниях об астрологии, магии, пророчествах. Идея непрерывного (линейного) течения времени (*ἀλυστος ροή*) ярко выражена, например, в клише (образцах) прооимиев императорских хрисовулов⁷⁸. В одном из них говорится о том, что время в ходе своего течения меняет, старит и уничтожает многое вокруг.

Известно христианское учение, отстаиваемое, в частности, на Западе Августином, о нескольких возрастах в развитии истории человечества во времени. Различные периоды знаменовались сменой царств: ассирийского, мидийского, персидского, греко-римского. Лаоник Халкокондил, развивая эту тему, добавлял еще период османского

⁷⁷ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление европейского историзма. М., 1987. С. 173.

⁷⁸ Hunger H. Prooimion... N 4. S. 220.

владычества⁷⁹. Чередование во времени периодов господства того или иного народа обосновывалось представлением о неделимости даруемых богом благ и поочередном пожаловании их как разным народам, так и лицам. С этой концепцией связана восходящая к Ветхому Завету идея избранного народа, которая в Византии нашла отражение в представлении о превосходстве ромеев, но имела и более конкретное воплощение, являясь теоретическим оправданием пожалования со стороны императора льгот и привилегий отдельным физическим и юридическим лицам. В одном из императорских хрисовулов говорится о неделимости как божественного дара, так и императорских благодеяний в отношении подданных. Эти благодеяния полностью, как и божественные дары, даются одному лицу, но со временем также сполна и неделимо могут быть пожалованы другому⁸⁰.

Идея течения линейного времени, выражающегося в перераспределении божественных и императорских благ, видимо, в определенной мере служила неявным обоснованием рассмотренной выше политики превращения освобожденных от налогов владений частных собственников в казенные, обязанные уплатой налогов земли. Более того, эта идея, как и античное представление об общем благе, переосмысленная с христианских позиций, служила в традиционном авторитарном государстве, в котором, тем не менее, почитались государственные законы, императорские постановления, обычай, целям оправдания любого их нарушения со стороны императора, который был свободен от повиновения законам.

Профетические идеи, восходившие к христианской эсхатологии⁸¹, были не только неотъемлемым компонентом теологии истории, но и использовались в интересах пропаганды превосходства ромеев, составлявшей основное содержание византийской официальной политической идеологии. Об этом свидетельствует малая византийская хроника, описывающая победу Феодора Ласкариса над сельджуками при Антиохии в 1211 г. Событие трактуется как начало вечного царства ромеев⁸². В поздний период национальные амбиции византийцев

⁷⁹ Turner C. I. G. Pages from Late Byzantine Philosophy of History // *Byzantinische Zeitschrift*, 1964. Bd. 57. H. 2. S. 360.

⁸⁰ Hunger H. *Prooimion*... N 5. S. 323.

⁸¹ Podskalsky G. *Byzantinische Reicheseschatologie*. München, 1972.

⁸² Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken*. Wien, 1975. T. I. N 415. S. 53; 1977. T. II. S. 190.

были поколеблены и эсхатологические концепции предсказывали гибель Византии. Даже оптимистически настроенные интеллектуалы, возлагавшие надежду на помощь Бога и ожидавшие спасения, писали о недобрых предзнаменованиях и признавали их роль в кризисной ситуации. В этом плане интересны письма Мануила II Палеолога⁸³. Аналогичным образом высказывался Феодор Метохит⁸⁴. Эсхатологические настроения были в тот период разнообразны. Историк Дука сообщает о том, что среди христиан других государств распространялось убеждение, будто гибель Константинополя неизбежна и должна рассматриваться как искупительная жертва. По его мнению, и османы-завоеватели обречены на гибель⁸⁵.

Одно из проявлений исторического времени понимается как *кайрос*. Как и *симвевикос*, *кайрос* — это случай по совпадению факторов или результат присоединения индивидуальных признаков или причин к сущностным. Однако в отличие от *симвевикоса* *кайросы* представляют собой не просто какое-либо стечение факторов, а такое, которое можно назвать благоприятным или неблагоприятным для совершения некоторых поступков. Понятие «кайрос» как представление о времени связано не только с этическими, но и с ценностными идеями. *Кайросы* не только можно предвидеть, их необходимо учитывать в конкретной деятельности⁸⁶. Строго говоря, *кайрос* — это разновидность *симвевикос*. *Кайрос* (как и *симвевикос*) отличается от непредсказуемой *тихи* тем, что его можно предвидеть. «Время требовало от Феодора Ласкариса поспешности в делах, а от Иоанна Ватаца — обстоятельности»⁸⁷, — пишет Никифор Григора.

«Не каждый момент является благовременным», — ссылаясь на Аристотеля, сообщает Никифор Григора и далее утверждает: «Не подобает всякому желающему стремиться к чему-либо повсюду и всегда, но цель деяния должна соотносываться с обстоятельствами. И момент бывает неудачным, и деяние необдуманно»⁸⁸. Отмечали, что у Григоры

⁸³ См., например: *Lettres de l'empereur Manuel Paléologue...* N 3. P. 11.

⁸⁴ См.: *Beck H.-G. Theodores Methochites...* S. 86.

⁸⁵ *Ducas. Istoria turco-bizantină...* XXXVIII. 13. О роли профетических идей у Дуки см. также: XXXIX. 18; XL. 11.14; *Ibid.* XLII.14.

⁸⁶ *Nicephori Gregorae Byzantina Historia...* Vol. II. P. 746.3; *Démétrius Cydonès. Correspondance / Ed. Loenertz R.-I. Città del Vaticano. 1960. Vol. II. N 162. P. 334; Actes de Lavra. Vol. III. N 133. P. 50.1-3.*

⁸⁷ *Nicephori Gregorae Byzantina Historia...* Vol. I. P. 24.11.

⁸⁸ *Ibid.* Vol. II. P. 589.21. P. 642.22.

кайрос — это временной период, являющийся одновременно минимальным по своей длительности и оптимальным с точки зрения совершения действия. Выражения, сочетающиеся с ним, могут означать «слишком мало», «еще нет», «уже нет» и т. д. Есть мнение, согласно которому понимание Григорой благоприятного момента целесообразно оценить с помощью понятия бесконечно малых величин⁸⁹.

Для того чтобы аргументировано оценить понимание *кайроса* Григорой, целесообразно обратиться к представлениям о времени Аристотеля, влияние которых на понимание времени как сочетания непрерывности и прерывности, очевидно. Время у Аристотеля — это онтологическая характеристика сущего. Понимание времени тесно связано с пониманием движения. «Время есть или движение, или нечто связанное с движением», читаем в «Физике» Аристотеля. «Время не есть движение, а является им постольку, поскольку движение имеет число»⁹⁰. Во временном потоке Аристотель вычленяет прошлое-«предыдущее», настоящее-«теперь» и будущее-«последующее»⁹¹.

Существуют разные интерпретации разделов «Физики», относящиеся к характеристике Аристотелем «теперь». Известно мнение, согласно которому «теперь» — это прерывность в непрерывном временном потоке, «неделимое начало времени», как точка на линии; «теперь» — «не часть времени, а граница, предел между прошлым и будущим»⁹². Действительно, Аристотель сравнивает «теперь» с точкой⁹³.

Однако М. Хайдеггер акцентировал двойственность и диалектическую взаимосвязь различных пониманий «теперь» в интерпретации Аристотеля. Действительно, Аристотель пишет, что «поскольку „теперь“ является границей, оно не есть время и присуще ему по совпадению [признаков]; поскольку же служит для счета есть число»⁹⁴. «Время и непрерывно через „теперь“, и разделяется „теперь“»⁹⁵. И далее: «„Теперь“ есть непрерывная связь времени, оно связывает прошедшее время с будущим и вообще является границей времени... «Но это не так

⁸⁹ Moutsopoulos E. La notion de «kairicité» historique chez Nicéphore Grégoras // Actes du XIV Congrès International des Études Byzantines. Bucureşti, 1975, t. II. P. 217–222.

⁹⁰ Физика IV, 11. 219a, 219b.

⁹¹ Там же. 219a, 219b.

⁹² Гайденоко П. П. Мартин Хайдеггер. Изначальная временность как бытийное основание экзистенции // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 166.

⁹³ Аристотель. Физика IV, 11, 220a.

⁹⁴ Аристотель. Физика IV, 11, 220a.

⁹⁵ Там же.

заметно, как для пребывающей на месте точки. Ведь „теперь“ разделяет потенциально»⁹⁶. Иными словами, «теперь» характеризуется как граница, как предел, т. е. неделимое в непрерывном временном потоке на уровне интеллигибельных представлений, но не рассматривается как таковое на уровне непосредственных восприятий. Соответственно, подчеркивая эту двойственность в понимании Аристотелем «теперь», Хайдеггер характеризует «теперь» не как неделимое, а как континуум⁹⁷. Вряд ли можно однозначно усматривать у Аристотеля в понятии «теперь», в котором диалектически и неразрывно совпадают состояния «уже нет» и «еще нет», как неделимую границу, предел, постоянную величину во временном потоке.

Соответственно, вряд ли можно с определенностью говорить о понятии предела, т. е. неделимого в представлениях о *кайросе* Григоры. Думается, понятие «кайрос» у Григоры имеет значительный отпечаток привычного словоупотребления и соответственно оно в меньшей мере характеризует индивидуальные черты философского мировоззрения этого мыслителя.

В понятии «кайрос» угадывается та роль языка в формировании представлений, которая проявлялась и при понимании случайности «симве-вичес», о которой речь шла выше.

Идеи кайроса, характерные еще для досократиков, как известно, были представлены в воззрениях Демокрита⁹⁸.

Данное понятие использовали как гуманисты, так и представители церковных кругов. В акте афонского прота Феодосия от 1353 г., посвященном урегулированию экономических проблем монастыря Лавры, как уже отмечалось выше, говорится: «Мудрые определяют, что *кайросы* — это душа вещей, и если кто-либо не умеет ими воспользоваться и управлять, то может возникнуть большой ущерб делам»⁹⁹. Аналогичное понимание кайроса встречается в решении афонского прота от 1288 г., относящемся к Хиландарскому монастырю и также содержащем рассмотрение экономических вопросов¹⁰⁰. Об изменениях *кайроса* можно прочесть и у

⁹⁶ Там же. IV, 13. 222а.

Гайденок П. П. Ук. соч. С. 167.

⁹⁸ Кессиди Ф. Х. Первый международный конгресс, посвященный Демокриту // Вопросы философии, 1985. № 1. С. 144.

⁹⁹ Actes de Lavra. Vol. III. N 133. P. 50.1–2.

¹⁰⁰ Actes de Chilandar. Première partie. Actes grecs / Publ. par L. Petit // Византийский Временник. СПб., 1911, № 17. Приложение № 1. N 10. P. 25.1–2.

Григория Паламы¹⁰¹. Все эти высказывания также говорят в пользу понимания *кайроса* как континуума.

В соответствии с пониманием изменений как перемещения событий во времени *кайрос*, интерпретируемый как временной континуум, мыслится как нечто противостоящее человеку и его деятельности. В письмах Мануила II Палеолога, например, указывается, что несправедливость должна расцениваться не только как произошедшая по вине человека, но и присущая *кайросу*¹⁰², связанному со многими обстоятельствами (*περιστάσεις*), которые случайны (*τὸ σικῆαι*) и имеют в нем силу. Восприятие *кайроса* как сочетания событий, являющихся человеку в качестве внешних по отношению к нему факторов общественной жизни, показывает, что это понятие ассоциируется с понятием «ситуация». Кроме того, как это следует из некоторых высказываний Мануила II Палеолога¹⁰³, *кайрос* ассоциировался и с определенным местом, т. е. являлся хронотопом.

В представлениях о *кайросе* угадывается не только античное влияние, но и идеи, нашедшие свое выражение у Экклезиаста: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом»¹⁰⁴.

Вместе с тем представления о *кайросе* были не только включены в общехристианскую доктрину, но и подчинены ей. Иоанн Векк, ссылаясь на Василия Великого и говоря о взаимоотношениях западной и восточной церквей, констатирует, что *кайрос* имеет большой перевес (*ροπήν*) в сторону катастрофы, составляя длительный период времени¹⁰⁵. В данном случае также очевидно, что *кайрос* понимается не как граница, предел, точка, а как временной континуум. Подобная трактовка обусловлена пониманием *кайроса* в рамках представлений о линейном христианском времени.

Наряду с вниманием к внешним по отношению к человеку факторам, связанным с *кайросом*, *тихи*, *симвеви́кос*, значительную роль в системе византийской философии истории играют представления о намерениях,

¹⁰¹ Gregorii Palamae metropolitae ad reverendissimam in sanctionibus Xenam... // PG. T. 150. Col. 1053.

¹⁰² Lettres de l'empereur Manuel Paléologue... N 17. P. 26; Nicephori Gregorae Byzantina Historia... Vol. II. P. 729.24.

¹⁰³ Lettres de l'empereur Manuel Paléologue... N 19. P. 28.

¹⁰⁴ Экклезиаст. Гл. 3.1.

¹⁰⁵ Ioannis Vecci Refutationes adversus D. Andronicum Camaterum // PG. Vol. 141. Col. 33. 10; 36–37.10.

желаниях, целях, мотивах и психологических качествах отдельных личностей. Для характеристики индивидуальных устремлений и выбора линии поведения используются выражения βούλησις, προαίρεσις, которые играют важную роль, как в системе воззрений византийцев-гуманистов, так и присутствуют в официальных документах.

Если человек в своей деятельности совершает добродетельный поступок, в результате которого возникает синергия по отношению к ниспосылаемой в мир божественной энергии, то ему удастся осуществить правильный выбор *кайроса*, т. е. ориентироваться в общественной ситуации. За добродетельным поведением следует божественное вознаграждение. Напротив, если добродетель не реализуется, следует божественное возмездие. Понятие добродетели играет огромную роль в византийской философии истории, придавая ей этический характер¹⁰⁶.

Перечень необходимых политическому деятелю, прежде всего императору, достоинств, определялся христианскими добродетелями, но включал и качества, необходимые политике. Необходимые для правителя добродетели не обязательно понимались как неизменные во времени. Напротив, они могли меняться в зависимости от временных изменений в обществе. Никифор Григора, как отмечалось, достаточно ясно выразил эту мысль, подчеркнув, что время требовало от Федора Ласкариса успешности в делах, а от Иоанна Ватаца — обдуманности. Естественно, в представлениях о роли добродетелей у византийских историков отсутствует строгая последовательность, необходимая для создания рафинированной концепции о политическом поведении. Кроме того, в произведениях различных авторов перечни добродетелей не идентичны. Тем не менее, можно утверждать, что, безусловно, положительными качествами признавались христианские добродетели: скромность и умеренность, а также щедрость, нелицемерие; рассудительность, спокойствие, справедливость; почитание церкви, монашеский образ жизни¹⁰⁷. Данные качества занимают особое место среди добродетелей, отмечаемых константинопольским патриархом Афанасием I¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Actes de Lavra... Vol. II. N 103. P. 160.1.

Georges Gémistes Pléthon. Traité des vertus / Ed. B. Tambrun-Krasker (Corpus philosophorum Medii Aevi, Philosophi Byzantini, 3) Athènes, 1987; Nicephori Gregorae Byzantina Historia... Vol. I. P. 189.1; 274–275; Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Palaeologis... Vol. I. P. 62.27.

¹⁰⁸ The Correspondence of Athanasius I Patriarch of Constantinople... N 13. P. 39. 12–13; N 29. P. 60.12; N 32. P. 66.3–5.

Представления об императорских добродетелях играют существенную роль у Феодора Метохита. Критовул упоминает о мужестве Мехмеда II и рассматривает это качество наряду с добродетелью как важнейшее проявление политического поведения. Филантропия, материнская забота о подданных и радение о музах рассматриваются в качестве добродетелей императора в энкомии, принадлежащем Николаю Кавасиле и посвященному Иоанну VI Кантакузину. О военных доблестях императора как о важных положительных качествах писал ранее Георгий Акрополит. Названные особенности рассматривались в качестве добродетелей и в соответствии с официальной политико-правовой доктриной, хотя основным достоинством императора считалась забота о подданных, отвечающая его главной обязанности как правителя¹⁰⁹.

Понятие справедливости, ставшее центральным в системе социальных воззрений представителей западного гуманизма, всегда было присуще соответствующим взглядам византийцев. В рамках византийского социально-политического и правового сознания понятие справедливости восходит к идеям римского права, стоиков, сочетается с идеями естественного права и закона, издаваемого императором¹¹⁰.

В связи с пониманием византийцами роли добродетелей в истории следует учесть те практические рекомендации, относящиеся к поведению правителей, которые присутствуют в ряде сочинений, например, в «Советах и рассказах Кекавмена»¹¹¹, в письмах Мануила II Палеолога¹¹². Характерно, что проблема ответственности за неблагоприятный политический поступок, повлекший за собой отрицательные последствия, решается во многих случаях с точки зрения не совершившей его личности, а общества и перспектив его развития, что соответствует разделяемой византийцами идее общего блага.

Всеобщее благо в духе античных идей, переосмысленных с христианских позиций и воплощенных в политической ортодоксии как цель, к

¹⁰⁹ Beck H.-G. Theodoros Methochites... P. 85–86; Critobuli Imbriotaе De rebus per annos 1451–1467a Mechemete II gestis // Ed. Grecu B. București, 1963. 2.4.29. P. 35; Actes de Lavra. Vol. III. N 118. P. 4.5–46; N 128. P. 37.1–2; Hunger H. Prooimion... S. 66 f; Enepekides P. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. Heft 1. S. 43.1–4.

¹¹⁰ D. I, 1, 6; Bas. II, 1, 6. О справедливости пишет Плифон. Πλήθωνος Περί εἰμαρμένης... Col. 963 B.

¹¹¹ Hunger H. Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 157.

¹¹² Lettres de l'empereur Manuel Paléologue... P. 81, 82, 88.

которой следует стремиться правителю, фигурирует, например, в письмах императора Мануила II Палеолога¹¹³. Естественно, и принцип христианской этики — личная ответственность за содеянное — также реализуется при рассмотрении византийскими историками характера, причин и развития исторических событий.

Византийцы отводили в истории огромную роль не только добродетелям, их реализации или нереализации, соответственно, божественному вознаграждению или возмездию, но и психологическим качествам людей. Постоянно говорится о значении таких психологических проявлений, как честолюбие, стремление к власти, гнев. Ценностный подход к истории отразился на понимании византийцами исторической истины.

Требования объективности и достоверности в описании событий, т. е. сообщения истины, присутствующие во всех исторических произведениях, а также стремление к учету собственного опыта и наблюдений сочетались у византийских мыслителей с приверженностью к выборочному подходу: было распространено мнение о необходимости при характеристике событий прошлого в рамках исторического нарратива производить отбор фактов, достойных изложения. Подобный подход типичен для Григоры, Пахимера, Лаоника Халкокондила, а в более ранний период — для Пселлы, Скилицы и др.¹¹⁴ Методом исторического исследования, избранным византийскими историками, является реферативный нарратив, включающий оценку излагаемых событий с позиций христианской нравственности и учения о добродетелях.

Это свидетельствует не только о том, что декларируемая во многих исторических сочинениях беспристрастность повествования отнюдь не понималась как объективность, но отражала ценностный подход к истории в соответствии с христианскими идеями, а также с учетом личных пристрастий, интересов и целей авторов. Именно эти критерии определяют отбор тех событий, которые явились объектом описания и анализа.

Сообщить истину значило не только составить перечень событий, но и определить, хорошим или дурным был тот или иной поступок, явился ли он реализацией добродетели, отвечал идее общего блага и, следовательно, соответствовал ли божественному промыслу, воплощающему высшую

¹¹³ Dennis G. T. Some Notes on Correspondence of Manuel II Palaeologus // Actes du XIV Congrès International des Études Byzantines. București, 1975. Т. II. P. 60.

¹¹⁴ Nicephori Gregorae Byzantina Historia... Vol. I. P. 194–195. 22–25; Dennis G. T. The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Rome, 1960. P. 83.

истину. Бог всегда понимался как благо и как прекрасное¹¹⁵. Поэтому истина понималась как приближение к божественному благу. В отличие от понимания Аристотелем истины как эпистемологической категории, в Средние века истина трактовалась и в онтологическом, и в аксиологическом планах. В качестве иллюстрации обратимся к описанию Пахимером деятельности Михаила VIII Палеолога. По мнению историка, император в первые годы своего правления совершал достойные деяния, за которые последовали божественные вознаграждения, затем же он растрчивает казну, совершает преступные действия по отношению к малолетнему сыну покойного Феодора Ласкариса. Все эти поступки явно осуждаются Пахимером и квалифицируются как отрицательные¹¹⁶.

Признавая возможности частичного предвидения событий будущего на основе знания настоящего и прошлого, византийцы вслед за античными авторами анализировали не только генетическую связь происходящего, но устанавливали причины и следствия. Однако характеристика причин явлений обычно также сопряжена с оценкой поступков людей, способствующих появлению положительных или отрицательных причин.

Характерны в этом плане воззрения Пахимера, который для объяснения явлений выстраивает целую иерархию причинно-следственных взаимоотношений, сопровождающихся оценкой событий. С большой убежденностью он повествует, например, о том, какую положительную роль в системе обороны границ империи крепости в горных местностях. Жители этих крепостей, акриты, пользовались разными привилегиями, в частности, не платили податей. Однако при Михаиле VIII их обороноспособность сильно уменьшилась по следующим причинам. По приказу Михаила VIII была составлена перепись акритов, за их счет сформировано войско, они были обременены податями. Эти три равноправные причины вызвали, по мнению Пахимера, два параллельно действующих следствия: у акритов исчезла ревность к воинской службе и ослабла энергия. В описании событий нетрудно обнаружить скрытую оценку результата: Михаил VIII не проявил щедрости, т. е. необходимого атрибута добродетельной деятельности императора. Отсюда

¹¹⁵ Philothei Constantinopolitani patriarchae Antirrhetici libri XII. PG. Vol. 151. Col. 866B.

¹¹⁶ Georgii Pachymeris De Michaelis et Andronico Palaeologis... Vol. I. P. 93. О критических тенденциях и византийской историографии см. *Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. Von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.*

отрицательный итог, возникший как следствие стечения трех конкретных обстоятельств. Хорошо известен причинный анализ завоевания Константинополя крестоносцами, данный Никитой Хониатом¹¹⁷.

Византийцам было присуще и понимание сложного переплетения различных социальных взаимосвязей, придающего каждому явлению одновременно типичность и неповторимость. Так, Николай Кавасила в трактате, содержащем моральное осуждение ростовщиков, наряду с утверждением, что вред ростовщичества определяется божественным законом, ссылается на примеры других народов. «Мы наблюдаем, — пишет он, — что те государства, которые во все времена хорошо управлялись, никогда не имели ростовщичества»¹¹⁸. Моральный вред ассоциируется и с моральным законом, и с политическими, и экономическими факторами.

Оценивая в целом византийскую философию истории, следует отметить не только использование в историографии реферативного нарратива, о чем говорилось выше, но и силлогистики. Иерархия причинно-следственных взаимоотношений, которую выстраивают византийские историки, отражает не только и не столько временную последовательность событий, но и их логическую взаимосвязь. Обращение к античным примерам, постоянное нарушение при изложении событий их хронологической последовательности — характерное свидетельство в этом отношении.

В целом представления византийцев о вероятностном характере политических и общественных процессов истории, равно как их идеи дидактической роли прошлого, признание значения нравственно-психологических факторов, органично отражали как типологические черты византийской культуры с ее сложным переплетением различных тенденций, так и черты менталитета средневекового человека вообще. Кроме того, идея об ориентации в изменяющемся обществе, в потоке событий, ориентации, допускающей вероятностный прогноз, учитывающей «кайрос» и цикличность исторического времени, отражают не только противоречия и ограниченный характер элементов византийского историизма, но и его сложную структуру.

¹¹⁷ Georgii Pachymeris. Op. cit. Vol. I. P. 16.2–19; *Каждан А. П.* Основные источники по истории Византии второй половины IX–XII вв. // *История Византии.* Т. II. 1967. С. 111.

¹¹⁸ Nicolai Cavaillae Sermo contra feneratores // PG. Vol. 150. Col. 736.

Глава VIII

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Специфические черты византийской цивилизации, делающие ее исторической парадигмой, ясно проявляются в положении византийского города.

Город в рамках любой цивилизации всегда являлся ее важным фактором¹, свидетельствующим о ее специфических чертах. В период аграрного общества город играл разную роль в рамках разных пространственно-временных диапазонов, что нашло свое яркое отражение, в частности в типологии городов М. Вебера².

На средневековом Западе город был носителем сословного городского самосознания, которое противостояло самосознанию светских и церковных властей и развивалось вне рамок традиционных общественных институтов. Благодаря этому городское самосознание рождало тенденцию существенных будущих перемен в области политической теории и социального поведения, что, в свою очередь, было связано с социально-экономическими переменами. В ходе борьбы городов с сеньорами формировалось гражданское самосознание как понимание свободы, послужившее в новое время прообразом борьбы за гражданские права. Еще О. Тьерри сравнил коммунальное движение на средневековом Западе с движением за конституцию в XVIII–XIX веках. О. Конт, предвосхитив выводы позднейших фундаментальных исследований, отмечал, что эта

¹ Сайко Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального. М., 2006. С. 255–300.

² Вебер М. Город (перевод Н. И. Капеева). М., 1929; Schreiner H. Die mittelalterliche Stadt in Webers Analyse und Deutung des okzidentalen Rationalismus // XVI Congrès internationale des sciences historiques. Vol. I: Rapports. Stuttgart, 1985.

борьба привела к предельному обособлению сословий и гибели феодализма³.

В Византии город — выразитель единого государственно-этнического самосознания, сформировавшегося в раках традиционных институтов и традиционной политико-правовой и религиозной доктрины. В Дигестах и Василиках говорится о связи города с государственным управлением и государственной пользой⁴. Город как центр и выразитель идей бюрократического государственного управления, центростремительных тенденций и настроений элиты — одно из важнейших проявлений отнесенной стабильности византийской цивилизации, обусловившей ее меньшую динамику во времени по сравнению с Западом, большую традиционность, континуитет.

В Византии город имел аристократический характер. Город, прежде всего Константинополь, являлся моделью империи. Здесь иудаистская идея единства народа и власти, симфония Церкви и государства, целостный характер метафизически-мистической картины мира в значительной мере препятствовали кристаллизации устойчивых форм самосознания отдельных городских слоев, форм, способных функционировать не только на уровне саморефлексии, но и менталитета. В этом плане существовали лишь временные отклонения от устойчивых образцов. Они возникали и исчезали, отражая развитие событийной истории и соответствующую эмоционально-психологическую рефлексию на уровне разных видов ментальности, тогда как ведущие компоненты самосознания, характеризующие Византию как историческую парадигму, сохраняли устойчивость.

Для государственного, совпадающего с городским самосознания характерен образ «себя» и «других». Образ «себя» связан с влиянием восходящих к иудаизму идей о превосходстве ромеев; об избранном народе. Для него характерны также идеи эллинского патриотизма, преимущественной роли личных, а не поземельных связей с императором, значение, придаваемых государственной службе, престиж бюрократии.

Имперская идеология характеризовалась тем, что византийцы мыслили границы империи, включающими Сирию и Испанию, а Рим

³ Тьерри О. Городская коммуна во Франции в средние века. СПб., 1901. С. 26; Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Т. I. Ч. 1. СПб., 1910. С. 119.

⁴ Corpus Juris Civilis. Vol. I: Digesta / Rec. Mommsen Th., retract. Krueger P. Berolini 1954. L. 16. 17 (далее — D.); Basilicorum libri LX / Ed. Scheltema H.J., van der Wal N. Groningen 1953. II, 2, 15 (далее — Bas.).

по-прежнему рассматривался как исторический центр империи⁵, легитимность империи ассоциировалась с римским правом, а византийский император считался главой всего христианского мира. Элементом имперской идеи являлась «пентархия» — представление о том, что вселенская церковь возглавляется пятью патриархами (Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии, Иерусалима)⁶. С XIII в. можно говорить о проявлении этнической природы государственного самосознания Византии. Это связано с тем, что эллины начинают играть роль суперэтноса, распространяется эллинский патриотизм, восходящий еще к традициям Псевдо-Дионисия Ареопагита. Однако доминирующую роль в Византии по-прежнему играло государственное, совпадающее с городским, самосознание, отражавшее самоидентификацию сильного государства⁷.

Эти качества государственно-городского самосознания можно рассматривать как атрибуты цивилизации, тогда как некоторые другие, возникавшие в разные периоды формы самосознания разных социальных групп следует оценить как идеологии, имеющие провизорный характер. Примерами таких идеологий являются идейные течения и их борьба, например, борьба партий цирка в раннем Константинополе. Более устойчивый характер имела идеология провинциальных, как правило, небольших городов, проявлявшаяся в борьбе горожан с налоговым гнетом и выступлениях против налоговых сборщиков. В ходе такой борьбы обнаруживалось размежевание между богатыми, средними и бедными горожанами⁸. Однако и эта борьба была эмоционально-психологической реакцией на ситуацию, не поднимающейся до уровня цивилизационных факторов. К тому же ряду явлений принадлежит выражение социальных и политических интересов разных слоев горожан в период гражданской войны XIV в. Духовно-идеологическое и политическое противостояние Иоанна Кантакузина и его противников в период гражданской войны XIV в. также отражало конкретную логику событий, борьбу за власть. Хотя рядом ученых констатировались черты сходства этих событий с

⁵ Мейендорф И. Ф. Флорентийский собор: причины и неудачи // Византийский Временник. Т. 52. М., 1991. С. 85.

⁶ Там же.

⁷ Хвостова К. В. Византийская цивилизация // Вопросы истории, № 9. 1995. С. 35.

⁸ Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (По материалам налоговой описи Лампсака) // вв. 1976. Т. 37; Он же. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.

проявлениями городских движений на Западе⁹, в целом данная ситуация в Византии также отражала событийно-исторический уровень развития и соответствующую рефлексию. Противостояние латинофилов и латинофобов, униатов и антиуниатов в поздней Византии также связано с временными идеологиями, отражающими меняющуюся политическую ситуацию.

Возникновение временных идеологий в поздней Византии было связано, кроме того, с экономическими трудностями, вызванными османской экспансией. Источники этого периода изобилуют сведениями об обнищании населения, о нехватке денег и войска. Эти причины приводили к известным элементам натурализации экономики, к введению некоторых натуральных повинностей взамен традиционных денежных платежей.

О том, что эта мера не имела большого распространения, свидетельствует предложение Плифона, настаивавшего на введении постоянных натуральных податей в Пелопоннесе¹⁰. Соответствующая экономическая тенденция не была достаточно сильной, чтобы породить устойчивую идеологию. Кроме того, государство остро нуждалось в деньгах, поэтому в экономической политике не могло победить направление, предлагающее взятие курса на известную натурализацию экономики. Об этом говорят, например, факты противоположного характера. Известны данные о коммутации барщины¹¹.

Неустойчивость политической и экономической обстановки в поздней Византии порождала совершенно противоположные стратегии. Среди-земноморская торговля, как известно, в значительной мере находилась в руках генуэзцев и венецианцев, византийцы уже не занимали в ней тех лидирующих позиций, которые были характерны для предыдущей эпохи. Однако императорская политика привилегий, предоставляемых в полном объеме афонским монастырям, не изменилась в своих основных тенденциях. Монастыри, как и итальянские купцы, были освобождены от торговой пошлины, коммерция¹².

Политическая борьба XIV в. происходила в обстановке обостренных мировоззренческих диспутов между исихастами и гуманистами. Эти

⁹ См. об этом: *Хвостова К. В.* Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Там же.

¹² *Actes de Lavra* / Ed. Guillou A., Lemerle P., Svoronos N., Papachyssanthou D. Paris, 1977. Vol. II. N 89. P. 75. 194–195; N 104. P. 170. 169.

дискуссии, завершившиеся победой исихазма, способствуя развитию византийского самосознания, отражали развитие цивилизации. В итоге диспутов и победы исихазма совершенствовались представления восточной патристики о целостной картине мира — важнейшей отличительной черте византийского мирозерцания.

Не исключено, что в условиях интенсификации процесса смешения в отношениях повседневности частного и публичного прав, что проявлялось в развитии частноправовой аренды и соответствующем сближении положения крестьян и в целом аграрно-правовых отношений со средневековым Западом, некоторые временные формы византийских идеологий могли бы оказаться исторически перспективными и, следовательно, исторически альтернативными по отношению к государственно-этническому по содержанию и городскому по форме византийскому самосознанию, отражавшему в каждый временной момент уровень византийской цивилизации. Но политическая гибель Византии в середине XV в. воспрепятствовала развитию соответствующих тенденций и мы не в состоянии зафиксировать подобные явления.

О византийском городе, равно как и о других проявлениях византийской действительности, существует огромная литература. Однако мы остановимся на работах двух классиков типологии правовых, социальных, экономических и политических явлений — произведениях М. Вебера и Ф. Броделя, востребованных в современном теоретическом знании. Характерно, что названные ученые лишь мимоходом и крайне редко упоминают византийский город. Ф. Бродель упоминает о нем только в связи с европейской средневековой средиземноморской торговлей, подчеркивая, что Византия и ислам в течение длительного времени играли в ней ведущую роль¹³. Весьма кратко упоминается о византийско-венецианской конкуренции за преобладание в средиземноморской торговле.

М. Вебер, давая типологию города и останавливаясь в этой связи на типичных чертах средневековых городов Запада, а также Востока, ничего не говорит об особенностях городов Византии. Это, странное на первый взгляд, обстоятельство может иметь только одно объяснение. М. Вебер относил византийский город к типу античных полисов и полагал, что соответствующие черты оставались без изменения на протяжении всей византийской истории.

¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. II: Игры обмена. М., 1988. С. 467, 566; Т. III: Время мира. 1992. С. 87, 88, 91, 93, 103, 106, 481.

О полисе он сообщает следующее. Античный город возник как место постоянного пребывания знати. В организационно-правовом отношении полис — это союз граждан, символизируемый наличием городских богов и проявляющийся в нетерпимости ко всем не принадлежавшим к соответствующей конфедерации¹⁴. Полис имел некоторую автономию и распоряжался городским имуществом¹⁵. Расцвет полиса приходится на VII в. до н. э. и связан с проявлениями античной демократии¹⁶. Однако в дальнейшем, будучи включенным в эллинистическое и римское государство, полис потерял свою автономию¹⁷. Христианство способствовало потере полисом религиозной ограниченности и превращению его в территориальный союз¹⁸. Данная характеристика полиса отражает исторические и правовые истоки византийского города.

Не менее подробно характеризуются города средневекового Запада (имеются в виду в основном города Англии и Франции, тогда как итальянские и североевропейские города составляли особую типологическую группу). Названные города представляли собой определенные союзы, обязанные в пользу правителей повинностями, отличными от тех, которые взимались с сельской местности.

Вновь возникающие городские организации, которые основывались королями и сеньорами, пользовались особыми привилегиями. В этих городах привилегированное положение занимали граждане, обладающие земельной собственностью, а городские союзы получили относительную автономию; в итоге определенные права завоевали городские гильдии, занимающиеся финансовой и экономической деятельностью и многие города получили особое городское право, превратились в коммуны с выборными должностями. Поборы в пользу государства были ограничены¹⁹.

Подобные привилегии города получали в результате длительной борьбы и приобрели их значительно позднее, чем крупные земельные собственники аристократы.

Горожанином был тот, кто участвовал в исполнении общекоролевских повинностей. Это были не только жители города, но и пригородные

¹⁴ Вебер М. Город. С. 33.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 34, 89.

¹⁹ Вебер М. Город... С. 62.

землевладельцы, имевшие дома в городе²⁰. Типология города, данная М. Вебером, ярко отражает отличие византийского и западного города. Путь западного города характеризовался тем, что приоритет земельной собственности постепенно было заменен приоритетом торгово-ремесленной деятельности. Городские привилегии на протяжении времени увеличивались в своем объеме, появлялись городское право и коммуны. Подобные выводы М. Вебера были затем подтверждены многочисленными исследованиями.

Развитие византийского города-полиса в силу особенностей исторического пути Византии происходили в обратном направлении, что отражало иные тенденции общего исторического развития, характеризующие Византию как историческую парадигму. Существовала тенденция к сокращению городских привилегий. Византийский крупный город как носитель имперской самоидентификации юридически как и полис всегда воспринимался как административно-фискальный центр, что не мешало ему являться и крупным экономическим центром. Известно, какими мощными торговыми и культурными центрами были Константинополь, Фессалоника и другие города.

Известно также, что еще в эпоху домината городское самоуправление полиса было ограничено. Городские курии были подчинены фискально-бюрократическому имперскому аппарату. Республиканские магистратуры, утратив политическое значение, остаются лишь как почетные должности. Возрастает роль церкви, которая обладает имущественной и юридической автономией. Император выбирался формально-юридически армией, сенатом и народом и утверждался патриархом, однако на деле роль сената и народного собрания на протяжении времени значительно сократилась. Фактически города находились в ведении префекта претория, однако Константинополь был выделен из его компетенции и находился под властью непосредственно подчиненного императору эпарха²¹. В X в. в соответствии с новеллами Льва VI процесс сокращения государственного самоуправления в связи с укреплением государственной власти усилился²². Процесс этот, однако, не был однозначным. Ослабление центральной власти в позднее время стимулировало раздачу городских привилегий. Некоторым городам,

²⁰ Там же. С. 61.

История Византии. Т. I. М., 1967. С. 107.

²² Les nouvelles de Léon VI le Sage / Ed. Noailles P., Dain A. Paris, 1944. Nov. XLV. P. 185. 3–4.

в том числе Фессалонике, были даны значительные права самоуправления²³.

Тот факт, что М. Вебер не рассматривал социальную проблему византийского города, свидетельствует о том, что в основе его типологии огромную роль играет юридический критерий.

Юридически в соответствии с византийской политико-правовой доктриной полис как и византийский город — особый субъект права — особое юридическое лицо. «Эта особенность, — замечает М. Вебер, сохранилась и впоследствии преимущественно в приморских городах, но и не только в них»²⁴. Эти качества формально приобретали и вновь образующиеся на протяжении византийской истории города, не восходившие своими корнями к полису. Действительно, в Дигесты и Василики включено определение гражданского права, данное юристом Гаем, согласно которому такое право присуще каждому полису²⁵. На протяжении римско-византийской истории многое менялось, и гражданское право городов на практике иногда совпадало с местным правом или обычаем соответствующего региона²⁶.

Город утратил свои античные черты, прежде всего самоуправление, но вслед за Аристотелем в рамках политической доктрины полагали, что ячейку общества образует семья. Семьи объединяются в полисы, а эти последние — в государства.

Положение города как и других проявлений византийской цивилизации, делающих ее исторической парадигмой, характеризовалось устойчивостью относящихся к нему мировоззренческо-правовых представлений. Все развитие — экономическое и политическое, а также изменение правового статуса проходило в рамках сохранения традиционных политико-правовых идей. Предоставление и отмена привилегий регламентировались правом прецедентов, связанным с временными идеологиями, отражающими особенности переживаемого временного периода или изменчивыми экономическими стратегиями, определяемыми схемой краткосрочных экономических тенденций.

Ярким проявлением специфики самосознания византийского города было не только отсутствие сословного правосознания, но даже четкого юридического определения социальной стратификации населения

²³ История Византии. Т. III. М., 1967. С. 113.

²⁴ Вебер М. Город. С. 33.

²⁵ D. I. 1, 9; Bas. II. 1, 6.

²⁶ D. I. 1, 6; Bas. II. 1, 6.

города. Наряду с неопределенным, восходящим к античности представлением о разделении населения на богатых, средних и бедных²⁷, в источниках присутствуют разнообразные уточненные характеристики стратификации, однако, основанные на разнородных критериях.

122-я новелла Юстиниана выделяет такие группы населения, как торговцы, ремесленники, моряки²⁸. То же трехчленное деление встречаем и у Иоанна Кантакузина. Кроме того, он разделял население на клир, аристократию и народ, на синклит и демос²⁹.

Наряду с этими достаточно точными характеристиками существовали и образные, типа той, которая дана Дукой, который пишет о представителях валящей толпой народа. Противопоставление простых людей и архонтов мы встречаем у Димитрия Кидониса³⁰. Причем, оно выглядит в устах византийца столь же естественно, как разделение общества на рабов и свободных, мужчин и женщин. Все эти определения дополняли друг друга, отражая неоднозначность понимания социальной стратификации общества в целом и в особенности города. В законодательных памятниках город противопоставляется сельской местности³¹. Как бы обобщая все приведенные характеристики социальной стратификации, составители византийских поземельно-поимущественных описей-практиков при описании соответствующих владений различали в качестве собственников архонтов, церковь, монастыри, стратиотов и хрисовулатов, т. е. всех тех, кто независимо от своего социального статуса получал императорские привилегии, оформленные хрисовулами.

Огромная роль отводилась войску — главному оплоту центристических сил в государстве. Именно эти слои населения определяли социальное лицо города, особенно крупных городов — Константинополя и Фессалоник. Взаимоотношения этих слоев, не превратившихся, однако, в сословия западного типа, определяли политическую и социальную жизнь города.

²⁷ *Hunger H. Thukydides bei Johannes Kantakuzenos: Beobachtungen zur Mimesis // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1976. Bd. 25.*

²⁸ *Corpus Juris Civilis. Vol. III: Novellae / Edd. Schoell R., Kroll G. Berolini 1954 (далее — Nov. Just.). Nov. Just., CXXII. P. 592*

²⁹ *Joannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Bonnae 1828–1830. Vol. I. P. 40.71; Vol. III. P. 259.*

³⁰ *Ducas. Istoria turco-bizantină (1341–1462) / Ed. Grecu V. București, 1958. P. 63. IX. 4.2; Demétrius Cydonès Correspondance / Publ. par Loenertz R.-J. Città del Vaticano, 1956–1960. Vol. II. N 164. P. 35.*

³¹ *Nov. Just. CXXIII; Bas. IV. 1, 3.*

Для обозначения некоторых категорий непривилегированного населения, как полагал еще в. Г. Васильевский³², использовалось выражение «птохи»³³. М. Я. Сюзюмов считал, что это выражение означало трудящихся³⁴. Однако источники подтверждают в большей мере мнение в. Г. Васильевского.

В практике 1284 г., содержащем опись владений монастыря Лавры св. Афанасия на острове Лемнос *птохи* означают *пáриков*³⁵. Характерно то, что в составе перечисленных монастырских *пáриков* отсутствуют разорившиеся или бедные *пáрики*. Более того, значительная их часть имела довольно большие «собственные» земельные наделы в 100–200 модиев пахотной земли. Обычно, как было показано выше, такие наделы невелики и не превышали 20–25 модиев. *Пáрики* с наделами в 100–200 модиев не бедные и не нищие. Они не обязательно являлись трудящимися, так как могли сдавать землю в субаренду и иметь наемных работников.

Приведенные характеристики показывают, что понимание византийцами XIV–XV вв. социальной стратификации города, разделения населения на богатых, бедных и средних, аристократию и народ выражено в наименованиях обыденного языка. Соответствующие выражения отражают или традиционные понятия политического устройства (синклит, народ), или выражения, имеющие весьма неопределенный технический смысл (бедные, богатые, средние). Это свидетельствует о том, что современники ощущали свою непосредственную причастность происходящему в виде постоянного процесса стратификации. Это живейшее участие в размежевании социальных сил требовало гибкой реакции, выраженной в наименованиях, отражающих живой, обыденный язык.

Иными словами, осмысление многих сторон социального размежевания сил в городе находится в сфере прагматических представлений политика, лишь в конечном счете восходящих к общетеоретическим идеям.

В поздневизантийскую эпоху Палеологов трактат Алексея Макремовлита, письма патриарха Афанасия, историческое сочинение Иоанна

³² Васильевский в. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства // Васильевский В. Г. Труды. Т. 4. Ленинград, 1930. С. 277–280; Такого же мнения придерживался П. Лемерль. *Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium from the Origin to the twelfth Century: The Sources and Problems*. Galway, 1981.

³³ The Correspondence of Athanasius I. Patriarch of Constantinople / Ed. Maffry-Talbot A.-M. / Dumbarton Oaks Texts. III. Washington, 1975. N 72. P. 178.2–3.

³⁴ Сюзюмов М. Я. О понятии «трудящиеся» в Византии // Византийский Временник. Т. 33. 1972. С. 5.

³⁵ Actes de Lavra. Vol. II. Paris, 1977. N 73. P. 19.40–41; 54.

Кантакузина свидетельствуют о том, что имущественные различия в городе приобретали первенствующее значение. Экстремальные условия, в которых находилась поздняя Византия, способствовали расслоению городского населения. Это стимулировало интерес к этим проблемам со стороны проживавших в городах мыслящих византийцев³⁶. Характерно, что они ассоциировали нередко тяжелое положение в городах с внешними нашествиями: вначале с экспансией латинян, а затем с османским завоеванием³⁷. Город, отличавшийся в юридическом отношении от сельской общины, являясь центром административной жизни, в податном отношении мало отличался от сельской общины. Городское население подлежало податному обложению, но аристократия получала податные льготы. Существовала коллективная податная ответственность и владение сельскохозяйственными участками³⁸.

Источники позднего времени переполнены сведениями о разорении городов, нехватке продовольствия, росте цен³⁹. В этот период обстановка в городах была крайне нестабильной. Временами население таких крупных городов как Константинополь и Фессалоника сокращалось, при некоторой стабилизации оно вновь увеличивалось.

Эти факты не могли не сказаться на экономическом положении городов⁴⁰. Кризис, экономический и демографический, который в целом свидетельствовал о нестабильности, характеризовался появлением множества противоположных кратковременных тенденций, отражающих временные экономические стратегии, постоянную их смену. О подобном сочетании противоположных экономических тенденций и изменений в течение короткого времени их социальных ролей свидетельствуют сведения о сочетании денежных форм получения налогов и доходов с тенденцией натурализации экономики. В целом государство с большим трудом поддерживало путем предоставления податных льгот крупным монастырям денежную экономику. Деньги были необходимы для закупки необходимого продовольствия и для содержания наемного войска.

³⁶ Хвостова К. В. Указ. соч. С. 99.

³⁷ Там же. С. 99, 169.

³⁸ Actes de Chilandar. Première partie // Византийский Временник. СПб., 1911. Приложение № 1, № 31. З. 72.26.

³⁹ Gregorae Byzantina historia graece et latine. Bonnae. Vol. I. P. 262. 20–24; P. 229. 1–3; Ibid. Vol. II. P. 683.5; Ioanni Cantacuzeni eximperatoris... Vol. III. P. 33. 10–15; 33.34, 36. 18–20; P. 157.3; Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в поздней Византии и понимание их византийцами-современниками. М., 1992. С. 100.

⁴⁰ Там же. С. 100.

Смена краткосрочных тенденций, свидетельствующих о нестабильности, проявлялась также в сочетании политики предоставления льгот с требованиями даже с владений крупных монастырей принудительной продажи зерна в пользу Константинополя по принудительной цене⁴¹.

Привилегии итальянским купцам и их доминирующая роль не только во внешней, но и во внутренней торговле Византии, наносила экономике городов значительный ущерб. Патриарх Афанасий I возмущался засилием итальянцев в торговых отношениях и утечкой золота и серебра из империи⁴². Он призывал к введению контроля над внутренним рынком⁴³.

Характерной чертой византийского города, составлявшей одну из специфических черт византийской цивилизации, являлись государственный контроль и регламентация ремесленного производства, отличавшие византийский город от средневекового западного города. В одном из писем константинопольского патриарха Афанасия I к императору Андронику II патриарх благодарит императоров за установление в столице не только строгого контроля над ценами на зерно, но и деятельностью пекарен⁴⁴. Продолжала, таким образом, развиваться традиция, известная от X в. по книге Эпарха. Известно то особое положение, которое занимали в империи Константинополь и Фессалоника, которые в меньшей степени были затронуты экономическим спадом второй половины XIV–XV вв.

Экономическая политика в переломные эпохи находится в центре внимания византийцев. Роль внутренней и внешней политики в жизни обычно описывалась на уровне прагматистских идей повседневности без обращения к общим мировоззренческим проблемам. Лейтмотивом соответствующих прагматистских рассуждений в поздней Византии было постоянное указание на нехватку денег.

При изучении поздневизантийского города большое значение имеет актовый материал. Он отражает отношения повседневности и поэтому наглядно иллюстрирует постоянную смену различных экономических стратегий, применяемых и меняющихся в рамках сохранения неизменными общих цивилизационных экономических тенденций. Эти последние, как уже отмечалось, характеризовались денежной экономикой, сохраняемой как основное направление экономической деятельности

⁴¹ Actes de Lavra. Vol. III... N 89. P. 75, 168; Vol. III, N 118. P. 7.194; N 157. P. 142.15–17; Actes de Xéropotamou / Ed. Bompaire J. Paris, 1964. P. 151.

⁴² The Correspondence of Athanasius I... N 93. P. 244.18–20.

⁴³ Ibid. N 72. P. 180.11–15; N 73. P. 182.8–9. Comment. P. 395.

⁴⁴ Ibid., N 100. P. 256. 3–4; Comment. P. 429.

вопреки всем трудностям, возникающим на ее пути, и свойственным византийской цивилизации государственным контролем над экономикой.

Актовый материал, кроме того, позволяет выявить еще одну специфическую длительную тенденцию византийской экономики. Речь идет о серьезных экономических позициях крупных афонских монастырей в экономике города. Известно, что монастыри владели в городах недвижимостью, участвовали в торгово-ремесленной деятельности. Как отмечалось выше, они были освобождены от коммеркия — основной торговой пошлины, от которой в поздней Византии были освобождены только итальянские купцы. Привилегированное положение монастырей в городской экономике объяснялось не только той политикой льгот и привилегий, которую проводили византийские власти, но и имевшимися у монастырей юридическими правами.

Со времен Юстиниана монастыри, наряду с такими юридическими лицами, как государство, города и церкви, получили право получать наследства по завещанию⁴⁵. Это способствовало приобретению со стороны монастырей значительных владений как в сельской местности, так и в городе. Наряду с этим, монастыри часто покупали городские владения: дома, торговые места, которые иногда сдавали в аренду. Как было показано выше, в город нередко легально переселялись монастырские пары, за которыми при этом сохранялись все их повинности.

В хрисовуле Иоанна V Палеолога от 1342 г. содержится подтверждение собственнических прав монастыря на владения в Константинополе, пожалованные Нифонтом — духовным отцом императора. Среди этих владений много домов, мастерская для производства шелковых тканей, овощные лавки, превращенные в магазины, парфюмерные и приспособленные для продажи привозных товаров. Далее упоминаются еще три дома, также используемые в качестве парфюмерных магазинов, при одном из которых имелся *пирг*. Относительно всех этих торговых и хозяйственных объектов говорится, что они были приобретены Нифонтом у горожан разного социального статуса. Один из купленных домов был превращен в хлебную лавку, два других использовались как гостиницы. Упоминаются также две лавки, принадлежавшие ранее менялам, и скобяная лавка. Доход и арендная плата от этих владений достигали 700 перперов. Нифонт, кроме того, восстановил больницу Лавры на Афоне, посадил виноградники и оливковые деревья, доход от которых поступал

⁴⁵ Corpus Juris Civilis. Vol. II: Codex Justinianus / Rec. et retract. Krueger P. Berolini, 1954. 1, 2, 1. 25 (26); 6, 24, 12; D. 38, 3, 1, § 1.

на пропитание больных. В документе упоминаются и другие дома и мастерские, приобретенные у горожан, приносящие 200 перперов в год. 100 перперов предназначались на покупку сахара и других дефицитных продуктов, которые доставлялись в Лавру для пропитания монахов, находившихся в больницу, остальные 100 перперов в совокупности с названными 700 расходовались на покупки для Лавры хлеба «здесь или в другом месте»⁴⁶. Очевидно, рассмотренный документ отражает конъюнктурный и нестабильный характер монастырской торгово-ремесленной деятельности, отражающий постоянную смену экономических стратегий в условиях общей экономической нестабильности в государстве. Мы видим, что ряд магазинов по продаже хлеба и овощей был приспособлен для продажи привозных товаров. Иначе говоря, торговая деятельность монастыря была связана как с местным производством, так и с посреднической торговлей. Более того, документ отражает тенденцию к усилению роли посреднической торговли. Магазины, которые ранее являлись овощными, т. е., видимо, были связаны с местным производством, затем были превращены в парфюмерные, т. е. их деятельность оказалась подчиненной внешней торговле.

Строго говоря, судить о наличии тенденции к возрастанию роли посреднической торговли можно лишь в гипотетическом плане, а именно учитывая общую ситуацию в стране. В то же время отсутствие статистических данных и единичность соответствующих сведений не позволяют четко определить социальную роль этой тенденции.

Наряду с этим известны и данные иного характера. Акт митрополита Фессалоники от 1419 г. из архива монастыря Ксенофонта⁴⁷ свидетельствует о том, что пять магазинов по продаже привозных товаров, принадлежавших в Фессалонике монастырю, были превращены в винные лавки. Это осуществил некий Дадас, являющийся арендатором. Конфликт произошел из-за низкой арендной платы, которую платили монастырю арендаторы — сыновья покойного Дадаса. Им было предписано вернуть магазины монастырю или платить более высокую аренду. Этот документ интересен с разных точек зрения. Он, как и хорошо известный в литературе акт об аренде Аргиропулов⁴⁸, свидетельствует о наличии в Византии элементов предпринимательской аренды, впрочем, далеко не игравшей

⁴⁶ Actes de Lavra... Vol. III. N 123.

Actes de Xénophon / Ed. Papachyssanthou. P., 1986. N 32.

⁴⁸ Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. М., 1968. С. 259.

такой роли, которую подобная аренда играла в то время на средневековом Западе.

Что же касается менталитета эпохи, то и для него идеи предпринимательства не остаются полностью чуждыми. Высокий доход арендаторов осуждается не сам по себе, а при условии, что они платят монастырю низкую плату. Единичность свидетельств не позволяет, однако, определить социальную роль и этой тенденции. Оценивая в совокупности рассмотренные документы, можно с определенностью констатировать лишь нестабильность экономики города, столь же характерную и для деревни и выражавшуюся в постоянных изменениях торгово-экономической конъюнктуры, что требовало ускоренных темпов товарооборота. Это последнее, в свою очередь, усиливало нестабильность. Торговля меняла свою направленность в зависимости от требований момента. Данный факт сам по себе свидетельствует об ослаблении связей торговли с производством. Это явление должно быть расценено как симптом кризиса. Другое дело, что мы не знаем его масштабов и динамики развития.

Рассмотренный хрисовул Иоанна V Палеолога важен для анализа тенденций эволюции структуры хозяйства Константинополя. Характерно, что все упоминаемые в нем хозяйственно-торговые объекты были куплены Нифонтом у горожан, а затем пожалованы Лавре. Происходила, таким образом, своеобразная концентрация в руках монастыря производства и торговых функций. Косвенным образом рассматриваемый документ отражает начало завершившегося к XV в. процесса исчезновения в столице сословия средних горожан, часть которых продавала свое имущество монастырям. Участие монастырей в городской экономике было двояким. Имея податные льготы, они беспрепятственно продавали сельскохозяйственные товары на местных, т. е. расположенных в сельской округе, в проастинах, и на городских рынках. Но одновременно в тяжелые периоды обострения внешней опасности монастыри сами вынуждены были покупать хлеб и другие продукты. Об этом свидетельствует и документ из архива Лавры св. Афанасия — соглашение между знатным фессалоникийцем Алексеем Комнином Масгидой и Лаврой от 1347 г. Представители Лавры купили у семейства Масгидов зерно и остались должны 400 перперов. В результате соглашения (подтверждаемого императорским документом) с монастырем наследников тех, кто совершил продажу, долг монастыря был уменьшен до 40 перперов⁴⁹.

⁴⁹ Actes de Lavra... Vol. III. N 145. P. 99.5.

Требование ускоренного товарооборота, диктуемое краткосрочной и неустойчивой политической и экономической конъюнктурой, способствовало утечке капиталов в сферу ростовщичества. Происходил расцвет ростовщической деятельности, в которой принимали участие и представители знати. Все это свидетельствует, что производство и в крупных городах носило явные черты кризиса, масштабы которого были различными и, видимо, прогрессировали, но из-за отсутствия статистических данных не представляется возможным их реконструировать. Однако следует признать, что общая фразеология, содержащаяся в преамбулах актов, несмотря на свою риторичность и античные аллюзии, верно отражала общую экономическую ситуацию эпохи. Идея перманентных изменений, сопутствующая описаниям экономического положения в городе, отражала основную характерную черту эпохи — изменчивость жизненных реалий, необходимость приспособления к вновь возникшим видам конъюнктуры, краткосрочность тенденций.

Политика предоставления торгово-экономических льгот и привилегий осуществлялась государством по отношению не только к крупным монастырям, но и к представителям высшего чиновничества. Одним из ее проявлений было дарование отдельным лицам права на преимущественное приобретение продовольственных товаров в определенной местности. Например, Иоанн V Палеолог пожаловал хранителю государственной печати Сергопулу остров Мармара с правом управлять им и владеть, а также монополию на приобретение сельскохозяйственных товаров⁵⁰.

Для поддержания экономического положения монастырей им нередко предоставлялись со стороны государства дотации в виде значительных денежных сумм, а также продовольствия. Об этом свидетельствуют хрисовулы Иоанна V Палеолога Лавре от 1347 г., а также Стефана Душана от 1347 г.⁵¹, в котором Душан жалует Лавре ренту в 300 перпелеров, или унгию. Побудительным мотивом для осуществления подобных мероприятий являлись обесценивание монеты и чрезвычайный рост цен. Особенно тяжелым положением стало в XV в. По свидетельству византийского историка Дуки, модий зерна стоил 20 номисм⁵², тогда как

⁵⁰ *Magdalino P. Unpublished Pronoia Grant of Second Half of the Fourteenth Century* // Сборник радова византолошког института. Српска Академија наука. 1978. Књ. 18.

⁵¹ *Actes de Lavra. Vol. III. N 128.*

⁵² *Хвостова К. В. Социально-экономические процессы... С. 172, прим. 71.*

в XIV в. соответствующая цена колебалась вокруг одной номисмы, что превосходило примерно в два раза цену модия зерна в X веке.

Возникает вопрос, с какой же целью в тяжелых экономических условиях обесценивания монеты и роста цен государство предпринимало некоторые шаги, способствовавшие активизации внутренней торговли и денежной экономики? Может быть, целесообразнее было всецело придерживаться политики, которую, в частности, рекомендовал Плифон и которая состояла в поощрении натурализации экономической жизни и налоговой системы, однако проводилась государством лишь в ограниченных масштабах в сочетании с мерами противоположного характера?

Переход к преимущественно натуральной экономике не представлялся возможным, так как в период обострения внешней опасности государство, как уже отмечалось, особенно остро нуждалось в деньгах. Поэтому именно получение денег и создание войска превратились в основные задачи внутренней экономической политики государства в рассматриваемую эпоху. Византия платила дань османам и подати итальянцам, содержала наемное войско и тратила огромные суммы на покупку продовольствия⁵³. О том, что именно внешняя обстановка являлась одной из основных побудительных причин поощрения внутренней торговли и денежной экономики, косвенно свидетельствует Димитрий Кидонис в одном из своих писем. Он сообщает, что государству предстояли такие платежи, что для уплаты их было необходимо возложить подати в деньгах и на самых бедных сограждан⁵⁴. Иоанн Кантакюзин сообщает, что в результате гражданской войны в империи было мало войска и денег. Он считает необходимым увеличение поборов. Земледельцам, торговцам и ремесленникам, пишет он, следует содержать воинов⁵⁵.

Поощрение внутренней торговли являлось в XIV–XV вв. одним из средств снабжения хлебом Константинополя. Известно, что особая роль в решении этой проблемы, важность которой все время возрастала, принадлежала итальянцам. Однако материал актов содержит убедительные данные о наличии частично контролируемого государством внутреннего рынка зерна и в XV в.

Торговая политика государства состояла не только в раздаче налоговых привилегий, в регулировании торговых пошлин и в создании монопольных прав на приобретение товаров, но и (что очень важно) в поддержании

⁵³ Там же. Прим. 72.

⁵⁴ Démétrius Cydonès. Correspondance. Vol. I. N 61.

⁵⁵ Ioanni Cantacuzeni Historiarum... Vol. III. P. 407.

твердых цен на константинопольском рынке. Об этом свидетельствует вышеупомянутая простагма Мануила II Палеолога от 1405 г., жалующая привилегии владениям Лавры на Лемносе. Владения получают податный иммунитет, но говорится, что хотя в данный момент владения монастыря освобождаются от обычной продажи зерна в размере двух модиев с зевгара по цене 4 перпера за модий, но если случится необходимость и возникнут тяжелые обстоятельства в Константинополе, то эта привилегия будет отменена, поскольку помощь Константинополю обязанность всех⁵⁶.

Задача по снабжению Константинополя выдвигается в этот период в ранг первоочередных. Известно, что в XV в. запрещался вывоз хлеба из Константинополя. Еще в начале XIV в. константинопольский патриарх Афанасий I просил императора о подобном запрете⁵⁷. Так что для решения проблемы снабжения столицы продовольствием использовались многие средства, в их числе и торговая политика, которая в этом отношении, кстати, имела давние традиции. Еще в VIII в. в целях обеспечения зерном Константинополя осуществлялась принудительная продажа его по заниженным ценам. Как и ранее, и сами горожане в целях пропитания занимались сельским хозяйством.

Характерная черта этого сложного периода проявлялась также в чрезвычайной подвижности земельного фонда. Земля становится постоянным объектом торговли. Не только крестьяне, но и крупная светская знать, проживая в городах, нуждаясь в деньгах, продавала свои имения. Известны данные о продаже великим доместиком Димитрием Палеологом Дохиарскому монастырю крупных земельных владений по цене 200 перперов. В документе, оформляющем продажу, говорится, что владение оказалось полностью разоренным во время завоевания Византии сербами⁵⁸. Земля перестала быть фактором, олицетворявшим устойчивость и длительность отношений.

Кажется, в этот период в сфере экономики в целом вообще не остается таких сфер деятельности, которые воспринимались бы современниками как обеспечение длительного и устойчивого благосостояния. Деньги обесценивались, следовательно, и ростовщичество было чревато успехом. Поэтому политическая карьера, близость к императору, приобретение привилегий и наследственных проний с предоставлением прав

⁵⁶ Actes de Lavra... Vol. III. N 157. P. 142.15–20.

The Correspondence of Athanasius I Patriarch of Constantinople... N 72. P. 180; Comment. P. 394–395.

⁵⁸ Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomides. P., 1968. N 43.

попечительства над населением, т. е. создание прав типа западных апанажей создавали византийской элите наиболее полные, по византийским масштабам, прерогативы в отношении населения и создавали иллюзию политического веса, его прочности и длительности благополучия.

Итак, из двух противоположных и противоборствующих тенденций, определявших экономическое развитие города Византии рассматриваемого периода, а именно к натурализации хозяйства и к развитию денежной экономики, преобладала последняя. Но это в значительной степени было связано с инициативой государства, использовавшего такие традиционные методы экономической и торговой политики в Византии, как система торговых и налоговых привилегий, создание монополий, денежное налогообложение и т. д.

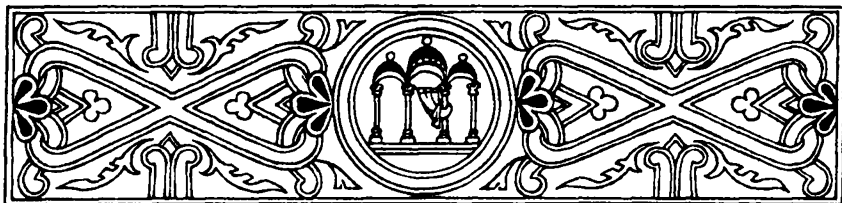
В тяжелый для империи период торговля играла двоякую роль. Она, с одной стороны, удовлетворяла, хотя бы частично, запросы населения в товарах и деньгах, но, с другой, — способствовала его дальнейшему разорению. Это обстоятельство не только не ускользнуло от внимания современников, но и способствовало развитию прагматистских представлений, т. е. оценок происходящего, лишенных риторики, равно как и обращения к традиционным интерпретациям общих идей. Именно наблюдения над реальной действительностью, учет той роли, которую приобретала торговля в экстремальных условиях страны, явились одной из причин предложений Плифона по введению натуральных податей.

В целом развитие внутренней торговли в Византии в условиях постоянного сужения государственной территории и нападений врагов — явление своеобразное, отражающее характерные черты византийского общественного и политического развития с его доминированием государственной власти, обладающей значительными экономическими прерогативами и способной поддерживать торговую деятельность определенных слоев населения в условиях нестабильности внутренней жизни, иными словами, отражающее параметры византийской цивилизации, ее центристские тенденции, способные подчинить этим параметрам богатую событийную историю повседневности.

Политика властей в отношении городского населения: торгово-ремесленного, городских аристократов была противоречивой. В этот период наблюдается значительное ослабление центральной власти, развитие центробежных тенденций. Императорская власть продолжает раздавать привилегии не только представителям торгово-ремесленных кругов, но и элиты, в частности, крупным монастырям. Это обстоятельство в еще большей степени обусловило развитие центробежных тенденций.

Их развитие сдерживалось тем фактом, что привилегии регламентировались временным, единичным и субъективным правом прецедентов, что позволяло центральной власти маневрировать между различными политическими силами, в частности, иметь возможность отобрать или ограничить ранее данные привилегии. Однако власть уже была не в состоянии, как во времена Комнинов — эпоху расцвета централизма — прибегнуть в целях сохранения свободных налогоплательщиков к мерам (вплоть до конфискации земли), ограничивающим рост крупного землевладения. В целом до конца существования империи власти удавалось сохранить свои прерогативы, что обеспечивалось наличием развитой политико-правовой доктрины, в рамках которой они четко определялись и гарантировались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Византийская цивилизация, характеризующаяся множеством длительных и устойчивых в пространственно-временном диапазоне тенденций, отличалась одновременно значительными противоречиями. Они возникали в ходе развития событийной истории, отношений, возникших в повседневной жизни и не вмещавшихся в традиционный правопорядок. На протяжении тысячелетней своей истории византийцы выработали многие способы снятия подобных противоречий и сохранения, развития и поддержания цивилизационных тенденций, характеризующих византийскую цивилизацию как историческую парадигму.

Эта практика способствовала существованию сильной центральной власти и развитию центристских устремлений элиты. Сохранение прежних тенденций не означало их неизменности во времени. Напротив, они менялись в своих конкретных проявлениях при сохранении сущностных признаков. Кроме того, развитие цивилизационных тенденций проявлялось в перераспределении социальных ролей тех или иных проявлений. В этом отношении характерна судьба такой цивилизационной тенденции, отличающей Византию от Запада, как четкое разграничение в рамках политико-правовой доктрины и реальной практики повседневности частного и публичного права. Развитие этой тенденции на протяжении длительного времени осложнилось противоречием между пунктуальным соблюдением названного разграничения прав в теории и их смешением в реальной жизни. На протяжении всей истории Византии политика властей была направлена на снятие этого противоречия.

В ранней Византии власти рассматривали случаи смешения частного и публичного права как угрозу подчинения свободных крестьян-налогоплательщиков частной власти и в целом централизму и пытались лишить такие казусы правовой защиты. Именно эту цель преследовали

распоряжения, направленные на запрещение и ограничение частного патроната в IV и V веках. В X в. характер экономической политики меняется. Она, как свидетельствуют императорские новеллы того времени, изобилует противоречиями. Некоторые постановления содержат, хотя и ограниченную определенными условиями, но, тем не менее, юридическую защиту форм частного патроната, именно того, который на Западе составил сущность процесса вовлечения крестьян в поземельную зависимость от крупных земельных собственников. В поздней Византии (XIII–XV вв.) формы снятия противоречия между разграничением в теории частного и публичного права и смешением их в жизни приобретают парадоксальный характер. Принимаются меры, направленные на поощрение такого смешения. Собственники в результате пожалования им значительных земельных владений и податного иммунитета получают право на взимание налогов с крестьян в свою пользу. Налоги в таком случае выполняют функцию частноправовой феодальной ренты. Одновременно расширяется судебный и административный иммунитеты.

Названные явления, однако, не привели к изменению восходящей к идеям римского права политико-правовой доктрины, рассматривающей четкое разграничение названных прав как один из основных принципов развития социума и государства. Названная тенденция, хотя и оказалась ослабленной, однако не настолько, чтобы в корне изменить весь социально-правовой порядок. Можно говорить, таким образом, о развитии, изменении цивилизационной тенденции во времени, но не о прекращении ее существования. Это развитие заключалось в изменении социальных ролей отдельных проявлений тенденции. Факты смешения частного и публичного прав стали играть большую роль по сравнению с более ранним временем. О том, что названная тенденция продолжала преобладать, свидетельствует тот факт, что налогообложение, основанное на принципах четкого разграничения частного и публичного прав и на подчинении первого последнему, на протяжении всей истории Византии играло определяющую роль.

Доказательством этого служит тот факт, что идеи *посотис* — налоговой суммы, причитающейся с соответствующего владения, по-прежнему являются индикатором его ценности. Не рыночная цена земли, не ее качество или выгодное расположение, а размеры причитающегося с нее государственного налога фигурируют в официальных документах в качестве показателя ее ценности. Причем имелась в виду не только экономическая ценность, величина *посотис*, соответствующая размерам земли определенного размера, означала величину императорского дара.

Трудно привести более убедительные доказательства роли государства и его фискальной политики в обществе, основанной на приоритете публично-правовых отношений.

Размеры *посотис* указываются и в тех случаях, когда владение имело податной иммунитет и соответствующий налог или упразднялся (если он ранее относился к домениальным землям) или передавался частному собственнику (если он причитался с поземельно-зависимых крестьян).

Таковы же особенности функционирования и некоторых мировоззренческих тенденций, отражавших специфику византийской цивилизации. Под влиянием меняющихся жизненных обстоятельств в рамках неизменных политико-правовой и богословской доктрин, путем акцентирования различных идей этих доктрин и при известном абстрагировании от других идей, возникали временные идеологии. Например, в условиях экстремальной ситуации накануне завоевания империи османами идея превосходства ромеев как бы отходит на второй план, повышается роль эсхатологических представлений. Византийцам было не столько свойственно творчество в идеологии, сколько акцентирование, выведение тех или иных принципов ведущих доктрин на первый план, создание идеологических приоритетов. Такие временные идеологии оформляли политическую борьбу различных политических группировок на разных этапах развития общества. Примером таких идеологий, например, могут служить интересы партий цирка в раннем Константинополе. К этому же ряду явлений принадлежит выражение социальных и политических интересов разных социальных слоев в период гражданской войны XIV в., а также взгляды латинофилов и туркофилов в поздней Византии.

Эти и многие другие временные идеологии сочетались с устойчивыми неизменными во времени мировоззренческими цивилизационными тенденциями, выражающими самосознание и самоидентификацию государства. Среди них наиболее значительны теории превосходства и избранности ромеев, отрицательного отношения к латинянам, эллинский патриотизм, идеи преимущественной роли личных, а не поземельных связей с императором, значение, придаваемое государственной службе, престиж бюрократии. Именно эти идеи определяли особенности социального поведения элиты и соответственно преобладание центростремительных тенденций в обществе как выражения черт цивилизации, придающих ей характер исторической парадигмы.

Однако византийцы понимали, что новые отношения не всегда вменялись в традиционный правопорядок и требуют для своей регламентации дополнительных постановлений. Как это ни парадоксально, в поздней

Византии при появлении ряда кризисных явлений и новых форм социальных и экономических отношений сокращается законодательная деятельность, направленная на издание императорских новелл, назначение которых традиционно понималось как средство исправления старых и устаревших законов при сохранении, однако, незыблемыми основополагающих идей политико-правовой доктрины.

Отсутствие правотворчества в поздневизантийский период отчасти объясняется обострением внутренней и внешней обстановки в империи накануне османского завоевания. Главная же причина названного явления, как отмечалось выше, заключалась в том, что в этот период власти находят более эффективные по сравнению с изданием императорских новелл способы для регулирования нестабильных социально-экономических отношений.

Таким способом явилось византийское право прецедентов юридические истоки которого восходят к ненормативному субъективному и индивидуальному (*jus singulare*) римскому, причем не только классическому, но и вульгарному праву. Право прецедентов регламентирует правовой статус пронии — социального института, игравшего с X в. огромную роль в социально-экономических и политических отношениях в империи.

Именно благодаря применению права прецедентов удалось создать выгодные для центральной власти условия, при которых прония не имела строго нормативного характера. Права прониаров варьировали в диапазоне от получения ими налоговой квоты с определенной территории до получения прав попечения, делегированного императором, в отношении этой территории. При этом дарование того или иного объема прав зависело исключительно от милости императора и определялось социальным статусом прониара, его авторитетом и отношениями с императором.

Право прецедентов в поздней Византии регламентировало также земельные пожалования, а также льготы и привилегии, предоставляемые физическим и юридическим лицам. Действие права прецедентов создавало наилучшие условия для владения ситуацией со стороны властей в условиях экономической и политической нестабильности. Распространение этого права позволяло сохранить незыблемыми правовые принципы господствующей политико-правовой доктрины, отражающей особенности византийской цивилизации, в рамки которой инкорпорировались конкретные постановления ненормативного характера.

В рамках временного и единичного права прецедентов налоговые суммы, передаваемые в порядке пожалования податных льгот крупным монастырям или прониарам за службу, легко могли быть изменены.

Или же льготы в соответствии с переменами во внутренней и внешней обстановке вообще могли быть отменены. Земельное владение могло быть отобрано или заменено на другое. Право прецедентов существовало и на средневековом Западе и находило свое отражение в документах, оформляющих пожалование представителям элиты земель и привилегий.

Особый вид права прецедентов в Византии был связан с предоставлением различных привилегий городам. Однако в целом состояние права и правосознания в Византии и на средневековом Западе существенно различались. Это было связано с общим различием в развитии цивилизационных тенденций. Это стало особенно заметным в XIII–XV вв. Если в Византии в XIV–XV вв. происходит некоторое ослабление центральной власти, то на Западе: во Франции, Англии идет процесс объединения земель вокруг королевского домена. Существуют представительные учреждения развивается деятельность легистов, разрабатывавших правовые догмы суверенного государства, противопоставивших сословную монархию сеньориальной, стремящихся к ослаблению церковного влияния на светскую власть. В этот период на Западе складываются многие предпосылки дальнейшего развития.

В XVI–XVII вв. разворачивается деятельность Ж. Бодена, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Д. Локка, Ф. Вольтера, формируются представления, явившиеся в дальнейшем основой теории гражданского общества и принципы секуляризации политического и правового сознания. Позднее Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Д. Локк, Д. Юм и И. Кант развили соответствующие идеи, послужившие основой западной демократии, либерализма, конституционных государств. Можно полагать, что архетипы соответствующих форм правосознания восходят на Западе еще к раннему средневековью. Подобный вывод правомерен в свете последних работ А. Я. Гуревича, показавшего, что роль свободного населения на средневековом Западе и присущих ему форм менталитета и ментальности в выработке позднейших форм западной культуры и правосознания была гораздо большей, чем это принято считать.

В современной философии существует направление, в рамках которого утверждается известный кризис современных индивидуалистско-либеральных идей и говорится о необходимости пересмотра ряда мировоззренческих установок. Однако никто не отвергает историческую ретроспективу. В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени названные идеи известных западных мыслителей играли огромную роль.

В византийском социуме, отличавшемся несравненно большей традиционностью, на протяжении столетий мы не наблюдаем возникновения новых социальных институтов подобного масштаба, равно как и существенных изменений в правосознании и политико-правовой мысли. На протяжении тысячелетнего существования империи в ней доминировал режим, восходящий своими истоками к римскому режиму доминанта, а также политико-правовая доктрина, основанная на идеях римских стоиков, римского права и на христианских принципах. Наличие в Византии римского классического права, дополненного императорскими новеллами и правом прецедентов, существование централизованного государства избавило Византию от необходимости бороться с партикуляризмом, сеньориальной властью и господством частного права, которое в Византии не только четко отличалось от публичного, но и было ему подчинено.

Характерно, что византийцы сами прекрасно понимали отличие своего политико-правового устройства от законов на Западе. Поздневизантийские историки Никифор Григора и Георгий Сфрантзи противопоставляли государственное управление «по законам ромеев» управлению, основанному на принципе «наследственного владения по обычаю латинян». Византийский историк X в. Зонара упрекал императора Алексея I Комнина в нарушении принципа власти, утверждая, что он правит не как император, а как господин.

Осуществляя сопоставление цивилизационных особенностей Византии и средневекового Запада, не следует, безусловно, применять ценностные характеристики, в частности, классифицировать тот или иной режим как более или менее прогрессивный.

Важно подчеркнуть существование разных исторических парадигм, имевших большое историческое значение. Существенно также отметить, что Византия, оставаясь на протяжении всей своей истории традиционным государством, политическая элита которого остерегалась перемен, имея, тем не менее, развитые мировоззренческую и политико-правовую доктрины, сумела в сложных условиях нарастающей внешней угрозы сохранить высокую духовную культуру и политические традиции, которые пережили государственную независимость империи. Это свидетельствует о высокой степени сплоченности правящих политических сил и жизнестойкости государства. Тот факт, что как Лионская, так и Флорентийская унии с Западом были отвергнуты большинством византийцев, свидетельствует о том, что Византия до конца своего существования сохранила свою духовную и культурную идентичность.

Восточная патристика и византийское богословие содержат идеи, историческая роль и значимость которых высоко оценивается в наши дни. По мнению ряда современных ученых, поддерживающих ранее высказанное мнение В. Н. Лосского, как об этом говорилось выше, идеи божественных волений-логосов, присутствующие в ниспосылаемых свыше в мир божественных энергиях, развиваемые представителями восточной патристики, а затем оформленные в сочинениях Григория Паламы, снимают основное противоречие, характерное для всей западной эссенциалистской метафизики. Это противоречие, состоящее в признании, с одной стороны, непознаваемой божественной сущности, а, с другой — причастности человека божественному естеству, отличало всю западную философию вплоть до XX века, когда на смену метафизике пришли представления современной неклассической и пост-неклассической рациональности.

Идеи божественных энергий и ответной со стороны человека синергии имели в Византии инструменталистское значение, т. е. оказали большое и непосредственное влияние на понимание византийцами ориентации человека в обществе, рассматриваемой как практическая философия.

Эти идеи, как мы старались показать, определяли имплицитно существовавшую, т. е. не осознанную на уровне интеллектуальной рефлексии, политэкономическую мысль византийцев, отраженную в преамбулах поздневизантийских императорских жалованных грамот. В них говорится о роли синергии в управлении земными делами. Соответственно, для обозначения некоторых институтов повседневноности, не находивших адекватного отражения в существующем правопорядке, и потому регламентировавшихся правом прецедентов, использовались наименования, в семантическом диапазоне которых присутствовал богословский смысл.

Подобная практика содержала общее мировоззренческое оформление того сложного и оригинального механизма воспроизводства византийской цивилизации во времени, атрибутами которого являлись и право прецедентов, и временные идеологии, подчиненные общим политико-правовым доктринам, а также способы переработки и переосмысления различной античной информации с христианских позиций. Благодаря наличию такого отлаженного на протяжении столетий механизма воспроизводства цивилизации во времени снимались постоянно возникавшие противоречия между факторами цивилизационного ряда, с одной стороны, и факторами идеологического и событийного ряда — с другой.

Использование подобных мер препятствовало появлению новых цивилизационных тенденций, но напротив способствовало сохранению прежних, хотя и функционирующих в дальнейшем в измененном виде.

Кроме того, применение выражений, имевших в своем объеме богословский смысл, для наименования социальных институтов, вносило в понимание социума сакральный элемент.

Восточная патристика и богословие, равно как и современное православие в отличие от западных аналогов понимают творение, осуществляемое благодаря ниспосылаемым в мир божественным энергиям как непрерывающийся процесс, проявляющийся в постоянной эволюции. Соответственно тварное: космос, природа в своей эволюции и люди в своей мирской повседневной жизни, согласно названным воззрениям, постоянно причащаются к божественной благодати. Эти идеи, как мы старались показать, отражают особый византийский способ снятия характерной для средневековья антиномии высшего мировоззренческого уровня идей (мир небесный), с одной стороны, и уровня практических представлений повседневной жизни (мир земной), — с другой. Эти два уровня представлений и идей в рамках византийской картины мира не разъединялись, как на средневековом Западе с его тенденцией к секуляризации сознания, а объединялись в единую мировоззренческую систему. Сутью ее являлись представления о роли божественных энергий и ответной синергии, т. е. обожения человека в его общественной жизни.

Рассмотренные в книге особенности восточной патристики и византийского богословия — оригинальные и неповторимые идеи энергий и синергии, оказавшие влияние на понимание византийцами общества и на функционирование этого общества, особенности, характеризующие византийскую цивилизацию как своеобразную историческую парадигму, являются в наши дни актуальными и востребованы широкой научной общественностью.

Мы полагаем, что современные политологи и некоторые историки в значительной мере преувеличивают роль так называемых демократических элементов в Византии. Эти элементы, если они и существовали, не являлись определяющим фактором в формировании ведущих цивилизационных тенденций, характеризующихся устойчивостью в рамках значительного пространственно-временного диапазона. Вслед за Ф. фон Халемом мы расцениваем византийский режим как авторитарный. Однако мы не согласны с мнением Ф. фон Халема, что авторитарный режим в Византии сочетался с неуважением к закону, и этим Византия будто бы отличалась от средневекового Запада. В Византии, как было показано, доминировало римское классическое право, тогда как на Западе правотворчество правителей сочеталось с признанием вульгарного римского права. Тот факт, что император признавался в Византии свободным от

Кроме того, применение выражений, имевших в своем объеме богословский смысл, для наименования социальных институтов, вносило в понимание социума сакральный элемент.

Восточная патристика и богословие, равно как и современное православие в отличие от западных аналогов понимают творение, осуществляемое благодаря ниспосылаемым в мир божественным энергиям как непрерывающийся процесс, проявляющийся в постоянной эволюции. Соответственно тварное: космос, природа в своей эволюции и люди в своей мирской повседневной жизни, согласно названным воззрениям, постоянно причащаются к божественной благодати. Эти идеи, как мы старались показать, отражают особый византийский способ снятия характерной для средневековья антиномии высшего мировоззренческого уровня идей (мир небесный), с одной стороны, и уровня практических представлений повседневной жизни (мир земной), — с другой. Эти два уровня представлений и идей в рамках византийской картины мира не разъединялись, как на средневековом Западе с его тенденцией к секуляризации сознания, а объединялись в единую мировоззренческую систему. Сутью ее являлись представления о роли божественных энергий и ответной синергии, т. е. обожения человека в его общественной жизни.

Рассмотренные в книге особенности восточной патристики и византийского богословия — оригинальные и неповторимые идеи энергий и синергии, оказавшие влияние на понимание византийцами общества и на функционирование этого общества, особенности, характеризующие византийскую цивилизацию как своеобразную историческую парадигму, являются в наши дни актуальными и востребованы широкой научной общественностью.

Мы полагаем, что современные политологи и некоторые историки в значительной мере преувеличивают роль так называемых демократических элементов в Византии. Эти элементы, если они и существовали, не являлись определяющим фактором в формировании ведущих цивилизационных тенденций, характеризующихся устойчивостью в рамках значительного пространственно-временного диапазона. Вслед за Ф. фон Халемом мы расцениваем византийский режим как авторитарный. Однако мы не согласны с мнением Ф. фон Халема, что авторитарный режим в Византии сочетался с неуважением к закону, и этим Византия будто бы отличалась от средневекового Запада. В Византии, как было показано, доминировало римское классическое право, тогда как на Западе правотворчество правителей сочеталось с признанием вульгарного римского права. Тот факт, что император признавался в Византии свободным от

повиновения закону, что имело место и на Западе, означало не правовой произвол, а только подчеркивало абсолютное право императора на законотворчество.

Одновременно с этим, в ряде императорских новелл, как показано выше, говорится о необходимости предельного уважения к старому и проверенному закону, равно как к исторически проверенному обычаю. Пересмотр старых законов, их исправление или отмена и замена новыми рассматривались как мера чрезвычайная и допустимая только в условиях крайней необходимости. Подобным мерам должны были предшествовать тщательный анализ сложившейся обстановки и разнообразные попытки дополнить старые законы изданием временных постановлений или созданием правовых precedентов.

Все эти факты говорят о специфических и характерных чертах византийского авторитаризма, сочетающегося с исключительно высокой ролью закона и римского классического права в рамках существующего правопорядка. Более того, именно доминирование римского права, лишь дополняемого императорскими новеллами, правом precedентов, а также обычным правом при условии полного уважения к «старинным законам» и обычаю создало условия существования той специфической формы византийского авторитаризма, не лишенного отдельных «демократических» проявлений, которая позволяет характеризовать ее как историческую парадигму. Иными словами, это означает, что византийский авторитаризм являлся правовым, т. е. основывался на правовом авторитете, а не на личном влиянии. Последнее было характерно именно для сеньориальной и королевской власти на средневековом Западе, особенно в период раннего средневековья.

Отмечаемая выше и возрастающая во времени роль в Византии права precedентов, наряду с другими рассмотренными в соответствующих разделах книги его функциями, имела еще и то значение, что благодаря применению этого права в критических ситуациях, удавалось сохранить в силе существовавший и временно не исполняемый закон, удавалось сохранить традиционный византийский правопорядок.

Все эти факторы, относящиеся к различным проявлениям византийской цивилизации, начиная от богословско-мировоззренческих доктрин, политико-правовых представлений, идеологий и кончая конкретной политикой властей, придают ей яркие черты неповторимой исторической парадигмы.

Всякое нарушение механизма воспроизводства цивилизации во времени проявлялось в невозможности инкорпорирования на каком-либо

временном отрезке развивающихся явлений, идеологий, форм самосознания и т. д. в традиционную систему цивилизационных параметров и факторов. Если такое случалось, то возникал симптом кризиса цивилизации, проявляющийся в центробежных тенденциях. В последние два столетия существования империи византийцы не сумели включить ряд проявлений новой идеологии, в частности, такое ее направление как латинофильство, проявлявшееся в попытках политической и церковной унии с Западом, в систему традиционных теоретических представлений и систему мирозерцания. Византийская элита оказалась разобщенной, усилились ее центробежные настроения, что способствовало ослаблению приближавшейся к своей гибели империи и означало кризис византийской цивилизации.

Симптомы кризиса в XIV–XV вв. появляются и в области социально-экономических отношений. Возникают ситуации, на которые не распространялось право прецедентов с его исковой защитой. Следовательно, такие ситуации не были включены в традиционный правопорядок и трактовались как аномалии. Например, имеются сведения об обмене и даже продаже проний, хотя подобные действия не были предусмотрены императорскими постановлениями. Государственные власти не только не смогли регламентировать подобные случаи с помощью права прецедентов и тем самым создать связь новых явлений с традиционной системой, они (власти) оказались не в силах воспрепятствовать распространению этих явлений. Подобные ситуации выходят из-под контроля.

Констатации симптомов кризиса византийской цивилизации в XIV–XV вв. не противоречат факты интенсивного развития культуры, получившие название Палеологовского Возрождения. Кризис, повторяем, состоял в ослаблении традиционной, органичной, одновременно тонкой и сложной связи цивилизационных факторов, традиционного правопорядка и развивающихся событий повседневности. Такое культурное явление как деятельность в XV в. философа-гуманиста Георгия Гемиста Плифона, не укладывающаяся во многие традиционные схемы византийских доктрин, также подтверждает сказанное.

В то же время было бы упрощением утверждать, что в рамках византийской цивилизации на уровне не только событийно-идеологических, но и цивилизационных факторов за всю тысячелетнюю историю империи не происходило никаких изменений. Можно указать факты развития мировоззренческих доктрин, правосознания. В рамках цивилизационного фактора «симфония Церкви и государства» в итоге сложного взаимоотношения канонов и императорских постановлений формируется

совершенно новое, отличное от восходящих к античности и христианству традиций, рассмотренное выше понимание свободы, как состояния, имеющего градации.

В данной работе остались без внимания многие проблемы византийской культуры, развивавшейся в рамках цивилизационных тенденций. Это ограничение, наложенное на выбор приоритетных проблем, объясняется тем, что, как это было показано выше, именно анализируемые здесь факторы, рассматриваемые не просто как явления, а как цивилизационные тенденции, были наименее изучены в историографии. Тем не менее, целесообразно сделать некоторые замечания, касающиеся византийской культуры. Видимо, такие важные ее проявления, как восточное влияние, в том числе влияние ислама, в большей мере отразилось на развитии византийской культуры и черт повседневности, чем на проявлениях цивилизации, т. е. тенденциях, отличавшихся длительной инвариантностью. Именно в этом плане интересна роль регионов, входивших в разные периоды в состав византийской государственности или соприкасавшихся с ней и являвшихся центрами встречи культур: арабский мир, Сирия, Иран, Египет. Такова же роль славянских регионов: Болгарии, Сербии, а также Армении, не только воспринявших воздействие византийской цивилизации, но и оказавших определенное влияние на состояние византийских структур повседневности, развивавшихся в рамках образованных так называемых контактных зон встречи разных культур.

Большое значение имеет оценка исторического значения византийской цивилизации. Этот вопрос актуален в связи с проблемой влияния византизмов на развитие Руси, формирование русской идеи всеединства, идей государственности и т. д., влияния на русскую интуитивистскую философию, а также на решение современных проблем отношения православия к западной эссенциалистской метафизике.

Что же касается оценки роли самой византийской цивилизации, то нельзя забывать, что она осталась незавершенной в связи с гибелью византийской государственности. Поэтому приобретает большой интерес проблема ее потенций, пока еще не поставленная в науке во всей полноте. В этом плане можно сказать, что, с точки зрения современной философии и психологии, целостная картина мира византийцев содержит те принципы, которые определяют современное понятие экзистенции как целостного существования индивидуума.

Кроме того, отношение к традиционному западному рационализму, достигшему своего наибольшего развития в рамках логического

позитивизма, западной идеи, которая часто противопоставляется русской интуитивистской идее и византинизму, в настоящее время претерпевает существенные изменения. В рамках постмодернизма на Западе возникает стремление отойти от абсолютизации разума и знания, приблизиться к их рассмотрению в контексте культуры, мировоззрения, религии, социума. XX в. связан с идеями необходимости преодоления декартовского дуализма разума и веры. Появляется необходимость обратиться в поисках их синтеза к восточным теософским и философским системам, а также к православию. Восточно-христианский мировоззренческий опыт (особенно концепция исихазма) с его идеей единства мира, концепциями божественных волений-логосов, энергий и синергии как приобщения к божественной сущности, в этой связи обнаруживает свое историческое значение, актуальное на современном этапе развития философской мысли.

Рассмотренные в работе характерные черты византийской цивилизации, неизменные на протяжении столетий несмотря на меняющиеся события повседневности, обязаны своим существованием традиционной внутренней политике властей. Именно эта политика создавала и поддерживала механизм воспроизводства цивилизации во времени, состоящий в такой переработке правовой и повседневной информации, при которой соблюдалось следование известным образцам и остерегались новшеств. Иными словами, функции хранения, передачи и переработки информации во многом совпадали, что свидетельствовало о традиционности, континуитете отношений.

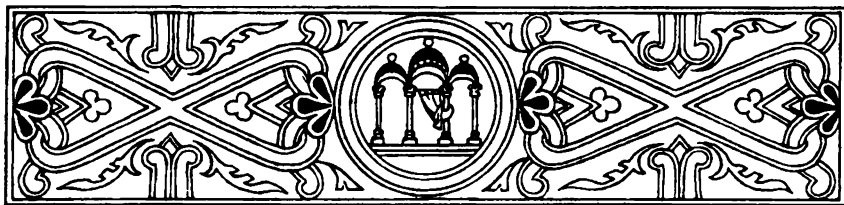
Государственная власть и окружающая ее политическая и церковная элиты до конца существования империи боролись за сохранение традиционного порядка. В поздний период, когда не издавались императорские новеллы, государство успешно маневрировало в трудной обстановке потери территорий, обеднения населения, нехватки войска и денежных средств.

Одним из эффективных средств такого маневрирования было, как мы старались показать, право прецедентов, роль которого возросла в позднее время. Гибкая система регламентации пронила обеспечивала государство кадрами чиновников и военачальников. С помощью пожалований земли, льгот и привилегий создавалась и поддерживалась светская и церковная элита. Результаты этой активной и достаточно результативной политики иллюстрируют значение деятельности властей в создании и поддержании социальных тенденций.

Представители современной синергетики, как это известно, и отмечалось выше, считают, что при анализе длительных исторических эпох нет

необходимости и возможности рассматривать индивидуальное поведение отдельных личностей, в том числе и правителей, обладающих законодательной инициативой и реальным влиянием на ход событий.

По мнению приверженцев синергетики, достаточно рассмотреть общие тенденции, которые действуют в обществе статистически и как спонтанные саморегулируемые процессы, независимые от индивидуального поведения людей в отдельные хронологические периоды в рамках длительной эпохи, насчитывающей не одно столетие. Однако профессиональный историк в практике своего конкретного исследования не пользуется таким подходом. Согласно его убеждению, конкретная политика властей создает, поддерживает и разрушает тенденции, которые, будучи, в свою очередь, созданными деятельностью людей в предшествующий временной период, затем отчуждаются от них и противостоят им как факторы внешнего вынуждения. Эти тенденции — *res gestae* — могут быть поняты только с учетом интенциональной деятельности людей. В рамках огромного временного периода эту деятельность можно изучать применительно к меньшим временным интервалам, требующим от правителей тех или иных решений. Затем подобные политические решения можно и следует сравнить и выявить как общие, так и меняющиеся черты тенденций. Прав был Ш. Монтескье, сказав: «Монархия приводится в движение с помощью механизма, который приходится постоянно заводить». Иными словами Ш. Монтескье не склонен был рассматривать длительный политический процесс как спонтанность и саморегуляцию. Представляется, что тысячелетняя византийская цивилизационная парадигма с ее традиционными чертами, отражающими наличие континуитета во всех сферах духовной, социальной и политико-правовой деятельности, существующей на фоне бурной и меняющейся событийной истории, достаточно ярко иллюстрирует тот факт, что изучение этих традиций и их закономерностей целесообразно не путем анализа их саморегуляции, а путем рассмотрения и сопоставления отдельных исторических периодов, отраженных в исторических источниках.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава I	
Проблемы и методы	7
Глава II	
Спорные правовые вопросы византийской земельной собственности	23
Глава III	
Специфические черты византийской прониции.....	50
Глава IV	
Сакральный характер византийского общества.....	69
Глава V	
Положение поземельно-зависимых крестьян-пáриков	97
Глава VI	
Роль и значение права прецедентов	130
Глава VII	
Византийская философия истории	148
Глава VIII	
Византийский город	182
Заключение.....	202

Научное издание

К. В. Хвостова

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА**

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *И. Е. Иванцова*

Оригинал-макет *О. С. Михалев*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер. 12/27.

Тел. (495) 749-57-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 24.10.2008. Формат 60×88¹/₆.

Усл. печ. л. 12,7 Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3578

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»»,

199034, Санкт-Петербург, В. О., 9 линия, д. 12